Василий Гурковский

Сладкая жизнь Солёной Балки

Annotation

«Сладкая жизнь Соленой Балки» — реальная повесть о жизни села, основанного украинскими переселенцами в Казахстане, во времена «Столыпинских реформ 1907–1910 годов». Она охватывает более, чем столетний период; от царских времен, проходит через весь советский период и захватывает частично нынешнее «реформаторское» время, современного Казахстана.

Автор, в обычной для него манере повествования, как бы листает огромный вековой Альбом Жизни конкретного села, высвечивает отдельные портреты и групповые фотографии различных действующих лиц, дает всему этому, свои характеристики, подчеркивая, что просто высказывает свое мнение и никому его не навязывает.

Многие моменты внутри сельских отношений, выписаны автором, не только с особым мастерством проникновения в образы и действия, откровенной любовью к данному месту и проживающим в нем людям, но и показывают его глубокие знания предмета, о котором идет речь, то есть, именно о периоде — «Сладкой» жизни в истории этого села. Истории не выдуманной; Истории, в которой автор, принимал самое непосредственное участие в течение многих лет.

- Василий Гурковский
  -
  - Глава первая
  - Глава вторая

Продолжение см. в интернет-магазине "Andronum", "ЛитРес" и др.

Василий Гурковский
СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ СОЛЕНОЙ БАЛКИ

Автор сердечно благодарит: — Каструбину Валентину Антоновну, Соболеву Нину Степановну и Кравцову Зою Ивановну, за содействие в подборе материалов для создания этой книги.

Моей жене, Гурковской Нине Ивановне (Калашниковой),-
Посвящается эта книга.

Делу без людей — плохо. Людям без дела, — во много раз хуже.
Если нет будущего, — не надо жалеть о прошлом.
Делай — настоящее.

Почувствовал: Это — Необходимость, Неизбежность, Обреченность.
Называйте, как хотите. Но если эту КНИГУ не напишу — я,
Её больше никто не напишет. Никогда. Потому, что — Потом-
Просто будет поздно.

Василий Гурковский

Глава первая
СОЛЕНАЯ БАЛКА

Сколько таких природных «балок» (долин, ложбин) по миру! Сухих, соленых, красных, черных, крутых и пологих, широких и глубоких, разных и многообразных других. И по всем континентам Земли. Не все, конечно, но многие из них, постепенно получили свои знаковые определения от проживавших в той округе людей. И каждая балка-долина, как правило, соответствует своему названию, по сути. Их названия-понятия перетекают в сознании людей из года в год, из века в век, из поколения — в поколение, входят в привычку. Никто уже и не пытается выяснять, почему именно так, а не иначе, назвали это место те, кто жил здесь до нас, да и разве в этом дело?

Так было и в нашем случае, хотя эта долина, наша «балка», вполне соответствовала своему названию с самого начала и по сегодняшний день. Называли это место — «Ащелисай (по — казахски Ащылысай), то есть «соленая балка». Соль действительно была здесь в избытке: и в земле, и в воде, и в воздухе. Солевой налет на земле, особенно в сухие периоды, покрывал землю в этой долине, таким легким белесым инеем. Соленой была вода практически во всех ручьях и колодцах, но она все-таки была и её пили проживающие здесь люди. Этой же водой поили животных. Да, она была соленой, но пить её было можно, хотя никто в те времена никаких анализов качества воды не проводил. Пробовали — пьется, — значит пить можно.

Скрашивало ситуацию то, что в нашей долине было довольно много и в разных местах, природных родников, с удивительно вкусной, чистой и холодной водой. При желании, можно было пользоваться родниковой водой, затратив определенное время и силы, на её доставку.

Ащелисай расположена между южными отрогами Уральских гор, в сорока километрах, от протекающей в этих местах, как раз поперек этих самых гор, реки Урал. И эта долина, и множество других подобных долин (саев), со всеми их ответвлениями, различными водными источниками, включая талую и дождевую воду, входят в обширный водный бассейн реки Урал, которая собирает воду из нескольких регионов России и Казахстана, и доставляет её в межгосударственное Каспийское море.

Поэтому, во время весеннего половодья, а оно в этих местах скоротечное, бурное и довольно объемное, кое-что из рыбных богатств Каспия и Урала, включая некоторые виды осетровых рыб, за короткий срок, поднимаясь вверх по течению, иногда достигали даже самых дальних точек водного бассейна, включая ащелисайскую зону. Но все это сопутствующие мелочи, просто так, для характеристики места.

Главное же богатство ащелисайской долины — земля. Черноземы, да, небогатые, но при правильном, грамотном, ведении хозяйства, соответствующей культуре земледелия и довольно обширных площадях обработки, — это место, в свое время, серьезно означило себя, как продуктивное, высокоэффективное и комфортное, в социально-культурном плане. Туда, да и вообще казахстанским степям, да побольше бы дать влаги, — завалили бы всю бывшую большую страну, да и всю Европу, не только хлебом, но и молоком, и мясом. То есть, в этом месте, можно было жить и хорошо жить, людям.

Я не историк и не ставлю перед собой цели составить какую-то хронологию (цепь) происходивших в этом, конкретном регионе, событий или действий. Я сам уже история, и моя задача поведать читателю правду от первого лица, Правду о том, как в этой самой «соленой» балке, постепенно превращающейся ныне в заброшенное беспросветное степное захолустье,

вдали от нынешней бурлящей, сверкающей рекламами, городской жизни, совсем недавно, тоже кипела жизнь. И кипела так привлекательно, что приобрести жилье в том же Ащелисае, в прежние времена, было серьезной проблемой.

Здесь и далее по тексту, я буду называть это место Ащелисаем, так, как называли его все не только жившие здесь люди, но и окружающие его близкие и дальние соседи. Причем и на бытовом, и на официальном уровне. Дело в том, что по Ащелисайской балке, начиная с переселенцев из Украины, появившихся здесь в результате массовых переселений людей в процессе осуществления так называемых российских «столыпинских» реформ, в 1909–1910 годах, были образованы три сельских поселения: с Юга — на Север, — Бурановка, Преображенка и Григорьевка.

Село Бурановка, стояло на довольно престижном месте. Именно там истекали несколько мощных родников с замечательной природной водой. А где вода, тем более такая вода, — туда в степи тянется и жизнь. Богатая земля, богатые пастбища, поля и огороды, вода рядом, — это в начальные годы заселения людей, играло свою положительную роль. В результате, именно в этом селе, люди жили в лучших условиях, чем в двух других селах, ниже по балке. Бурановские хозяева считались, и были на самом деле, более зажиточными и гордились своим особым положением. Но это преимущество оказалось непостоянным. Дело в том, что линия поселений по ащелисайской балке, шла под острым углом к проходящей параллельно невдалеке, дороге (шляху) Актюбинск-Орск. В то время это был главный и единственный путь сообщения между этими городами, тем более, что других крупных поселений в округе, тогда не было. Да и каким было это «сообщение»! Лошади, волы, реже верблюды и ишаки, с телегами, арбами, различными колясками, — вот и все, что передвигалось по этой дороге. Но — главное, что эта дорога жила и развивалась, параллельно и одновременно с развитием этого края. И из трех селений по балке, ближе всех к этой «дороге жизни», находилось село Григорьевка. Подняться от первой сельской улицы этого села 500–600 метров в сторону заката солнца, — и выходишь на главную дорогу.

Это местоположение и определило дальнейшую судьбу Григорьевки, как главного поселения Ащелисайской балки. Название балки, как и многих других окрестных мест, долин, балок и урочищ, естественным путем были позаимствованы у местных старожилов, казахов-кочевников, которые по понятным причинам, не очень восторженно принимали новых поселенцев, иногда делали какие-то мелкие пакости, но чем- чем, а извечными и привычными названиями отдельных мест, делились охотно. Переселенцы принимали их и использовали в текущей жизни. В этом интересы приезжих и коренных жителей, совпадали.

Теперь уже неважно, как складывались названия сел, появившихся более сотни лет назад в этой долине. Но, видимо не зря первое село назвали Бурановка. Если обычно села строили где-то под прикрытием гор или холмов, в ложбинах и ущельях, то ащелисайская жилая линия, вытянулась на несколько километров, с юга на север, практически по линии господствующих ветров. Зимой — с северо-востока по своеобразной аэродинамической трубе от Ледовитого океана, через Западно-Сибирскую низменность, огибая Уральские горы, сюда долетали холодные ветры со снегами и морозами, отсюда и частые сильнейшие бураны; а летом — частыми гостями были уже — юго-западные ветры из среднеазиатских пустынь, с засухами и пыльными бурями.

Сегодня трудно даже представить, с какими трудностями пришлось сталкиваться первым поселенцам по ащелисайской балке. И на каждом шагу, будь-то обустройство жилья или вспашка ковыльной целины примитивным плугом, на воловьей или конной тяге, заготовка топлива на зиму, элементарное медицинское обслуживание или обеспечение товарами первой необходимости. Вокруг на десятки километров — никого, а если и были, то такие же новые поселенцы. Мы раньше много говорили о том, как было трудно первым целинникам, в том же

Казахстане, в пятидесятые годы. Я сам участвовал в строительстве двух новых совхозов в соседнем с нами районе. Да, им было трудно. Но если убрать из их обихода — трактора, комбайны, автомобили, дороги, телефоны и радиостанции, машины скорой медицинской и технической помощи, специалистов-руководителей, материально-техническое обеспечение стройматериалами, запасными частями, автолавки с довольно приличным набором промышленных и продовольственных товаров, да еще- семена, удобрения, средства защиты растений, передвижные аптеки и амбулатории, а также всевозможную другую помощь, — то тогда только ситуацию с освоением новых земель нами, целинниками пятидесятых, можно было бы как-то сравнивать с той, в которой находились те, первые, приехавшие своим ходом, на лошадях и волах, семьи из не такой уж холодной южной Украины.

А они, назло всему, выжили, зацепились, в буквальном смысле «врылись» в землю и пережили первую самую трудную зиму. Стоили землянки, наполовину вкапывая их в землю, затем по периметру, выплетали ветками стены и обвальковывали (забивали) их глиняно-травяной смесью. Таким же способом перекрывали потолок. Часто вдоль будущей землянки, укладывали посредине прочное бревно или крепкую ветку, потом выкладывали на обе стороны поперечные жерди, тоже переплетали их мелкими ветвями и забивали глиняными вальками, смешанными с травой. Позже для этих целей использовалась солома. Сверху на потолок насыпался значительный слой глины для утепления, и производилась сплошная обмазка всей наружной площади потолка-крыши глиняным раствором, чтобы не задерживались — вода при дожде, и снег зимой, при буранах.

Пережив первую зиму, распахав и частично засеяв определенную часть выделенной земли, люди воспрянули духом. А на следующий год, к двенадцати первым семьям, в это место прибыло еще около 250 семей, из той же Украины. Повеселее, стало в ащелисайской балке. Начали обустраиваться все три будущих села. Часть прибывших семей постепенно расселилась в новых соседних, выделенных для переселенцев участках, поэтому родственные и добрососедские связи, между селами ащелисайской долины и поселениями вокруг неё, появились еще с самого начала освоения края.

И вот здесь сыграл свою роль территориальный принцип, принцип более удобного места. Представителям царской власти, в местах освоения новых земель, занимающимся вопросами землеустройства и организации новых поселений, была поставлена конкретная государственная задача: — определить территории пустующих земель, подлежащих окультуриванию и покрыть их разумной сетью сел и хуторов, с выделением земельных угодий не просто на текущее обустройство вновь прибывших людей, а с перспективой расширения и развития новых поселений, на многие десятки лет вперед. И они её выполняли добросовестно, именно с учетом государственных интересов. Распределение прибывающих переселенцев, шло по принципу — «туда, где надо, а не туда, куда хочешь», поэтому новые поселения не лепились один к одному в более привлекательных местах, а образовывались по всей намеченной к освоению территории, определенными «ячейками», в пределах 15–20 километров, между их центрами. Структурно, это выглядело примерно так: определялась официальная территория новой административной, единицы, подбиралось место для центрального (головного) поселения, желательно (но не обязательно) в центре территории, то есть, там, где людям было бы удобнее жить, затем официальные, ответственные люди, занимающиеся землеустройством, производили необходимые замеры и нанесения на карты, как общей территории земель, включая пригодные к сельхоз обработке участки, леса, озера, неудобья, так и приусадебные, и полевые участки, по конкретным пользователям. Селу разрешалось использовать всю прикрепленную за ним площадь, включая государственный резерв, для возможных новых поселенцев и подрастающих своих будущих землепользователей (детей, внуков и т. д.).

Здесь уместно напомнить, что в те времена, при царской власти, новым поселенцам, читай — новым сельхозпроизводителям, не надо было никаких дополнительных разрешений от кого-либо, тем более — не надо было никому и ничего платить за это.

Им землемер показал — где их границы, распределил участки, выдал соответствующие документы — и все, за работу уважаемые переселенцы, теперь все от вас зависит — и окопаться, и закрепиться, и целину поднять, посеять, убрать, сделать соответствующие запасы и самим думать, как жить дальше. Государство берет на себя вашу защиту и поддержку, при чьих-то посягательствах со стороны, а все внутренние текущие вопросы, каждое поселение решает общинным путем, то есть самостоятельно. Вот и все. Эти условия были одинаковыми для всех новых поселений, появившихся в те годы на казахстанской земле, естественно и для поселившихся по ащелисайской балке, людей, тоже.

Постепенно начали вырисовываться контуры территориального административного устройства нового района. С учетом того, что село Григорьевка, как уже сказано, было расположено ближе всех к трассе Орск-Актюбинск, а от самой Григорьевки, своеобразным «веером», расходились полевые дороги в такие же новые переселенческие села — как — Анастасьевка, Бородиновка, Джусалы, Рождественка, Айтпайка, Лушниковка, да и в два своих «родных» — соседских — Преображенку и Бурановку, то, — именно Григорьевка, превратилась в своеобразный центр притяжения все окрестных поселений.

Съезжая с междугородной трассы, жители других окрестных сел, вынужденно, вначале попадали в Григорьевку, а затем уже разъезжались по своим дорогам. Авторитет Григорьевки быстро вырастал в глазах, как окружающих соседей, так и своих собственных жителей. Именно в этом селе, появилась и первая в округе церковь, и первая школа. Пусть эти важные во все времена объекты, были внешне примитивны, располагались в таких же землянках-мазанках, в каких жили люди, но уже в первые три — пять лет, люди молились и учились, в своем селе, в специально отведенных для этого местах. Оживленность местонахождения села, вызвало развитие разнообразных торговых точек и различных видов бытовых услуг. В Григорьевку потянулись на поселение люди из той же Оренбургской губернии и других мест России.

Когда пришло время совершенствования территориально-административного устройства региона, именно Григорьевка была определена центром новой волости. И это не вызвало каких-либо недовольств со стороны жителей других 9-ти сел, вошедших в эту волость. Григорьевка столь почетное признание получила по праву.

Если подвести какой-то определенный промежуточный итог всем этим переселенческим и организационным событиям в нашем краю, в тот, дореволюционный период, то можно с уверенностью сказать, что жизнь во всех вновь образованных селах новой волости, с центром в селе Григорьевка, протекала, в принципе, везде одинаково, по одной схеме и с использованием одних и тех же рычагов воздействия. Понятно — где-то лучше, где-то — похуже, в зависимости от желаний и возможностей проживающих там людей. Но, повторяю, — в общем плане — одинаково.

Одинаково для всех, пришла новая, советская власть. Не сразу, с победой революции в 1917 году, а уже во время войны Гражданской, где-то году в 1920-м. Одинаково для всех сел, уже при советской власти, было участие наших мужчин в Гражданской войне, как правило, на стороне советской власти. Можно сказать, что одинаково продолжалась жизнь сел Ащелисайской волости и после установления советской власти. Новая экономическая политика (НЭП), образование первых сельских комитетов взаимопомощи, ТОЗов (товариществ по совместной обработке земли), раскулачивание зажиточных крестьян, которых в этой зоне было не так уж и много, а — позже — коллективизация на селе, образование колхозов и совхозов, все это одинаково прокатилось по здешним местам, и было пережито абсолютно всеми нашими селами

и нет необходимости какого-то частного выделения кого-то или чего-то, из общего потока событий.

Настоящим поворотным моментом, изменившим очень многое в жизни Ащелисайской волости, стала вторая половина тридцатых годов XX века.

Здесь сделаем небольшое пояснение. Почему вдруг я, появившийся в Ащелисае, в середине уже пятидесятых годов, так уверенно рассуждаю о предыдущей жизни нашего региона? Причем рассказываю и делаю какие-то выводы, не как историк, а чуть ли не как участник тех событий?! Откуда и кто дал мне такое право?!. А здесь — все просто: Просто повезло. Я очень удачно попал, как говорят, — «именно в то место и в то время«…И вот почему:

Появившись в Ащелисае в зиму с 1954 на 1955 год, я начал работать в МТС (Машинно-тракторной станции). Перед этим, после окончания семи классов, мечтал поступить в Одесское мореходное училище, на отделение — «штурман дальнего плавания». В то время в училище было два отделения — штурманов и электриков. Мой одноклассник поступал на электрика, но провалил экзамены. Я сдал оба экзамена на отлично и проблем с зачислением в этом направлении не было. Еще со школы, я был записан- 1938 года рождения. Подтверждающих возраст, документов у меня не было, а для зачисления в училище, именно в это и на эту специальность, необходимо было иметь возраст в 15 лет. Для того, чтобы проучившись три года, выпускник мог получить заграничный паспорт (паспорт моряка) и иметь право на те «дальние плавания». Паспортов в то время на селе не было, архивные документы по нашему району исчезли во время войны. Но все это было поправимо, отдел кадров училища взял бы любую справку с места моего жительства, подтверждающую, что мне таки — есть те 15 лет. Тем более, что моя мама, работала в то время в райисполкоме и могла сделать любую необходимую справку по моему рождению, при официально объявленном отсутствии каких либо архивных документов, касающихся моего появления на свет. Но именно она (мама) и стала непреодолимой проблемой. Когда я, еще весной, перед окончанием школы, заикнулся о том, что пойду поступать в мореходку, она категорически высказалась против, одной фразой: «Шоб ты втопывся?! Такого нэ будэ. Николы!». Поэтому, когда я нелегально, на попутных машинах с сельхозпродукцией, ездил в Одессу, сдавал документы, а потом — экзамены, то все обходилось, но когда я заявил маме, что сдал экзамены и прошу её сделать мне какую-нибудь справку для отдела кадров, чтобы меня зачислили в училище, она даже не пожелала об этом говорить со мной, заявив, что у меня один путь — в восьмой класс, хоть он тогда был и платный.

Но тогда уже я заявил, что не пойду в школу, а пойду работать, как многие мои сверстники. Пошел в местную МТС, учеником токаря. Начал учиться элементам токарного дела. Но 1954 год был очень непростым годом для сельской местности. На государственном уровне было принято грандиозное решение о начале освоения целинных и залежных земель. Об этом постоянно говорили по радио, писали в газетах. Тысячи людей, из разных густонаселенных районов страны, снимались с обжитых мест и ехали на Алтай, в Сибирь и другие места «на целину». Отец мой в то время работал на комбайне, в этой же МТС. В самый разгар уборки урожая -54, пришел откуда-то «сверху» приказ отправить большую группу зерновых комбайнов из Молдавии — в Башкирию. Понятно, чтобы помочь убирать урожай, уже во исполнение принятых правительственных директив. От нашей МТС, с большими проблемами, было отправлено 8 комбайнов, из других мест — тоже, в разном количестве. На станции Тирасполь, собрали целый эшелон техники и отправили в Башкирию. Эшелон, из-за разных организационных проблем, прибыл на место назначения через 32 дня. К тому моменту, уже и в Башкирии уборка закончилась. Когда отца, буквально насильно снимали с уборки, дома, и отправляли с комбайном в командировку, его помощник, молодой парень, просто сбежал, поэтому отец взял в помощники меня, не было времени на поиски других, да и желающих — тоже. Так я стал

механизатором и больше месяца, в числе 16 человек наших комбайнеров и их помощников, вместе с комбайнами, на открытых железнодорожных платформах, мы добирались до той Башкирии. Без денег, без еды, без всего вообще. Нам обещали, что дорога займет не более пяти дней, а вышло — больше месяца. Это отдельная тема и я привожу этот факт только для того, чтобы показать мой переход от романтики моря, к романтике степных просторов. Не зря зерновой комбайн, иногда называют «кораблем степи».

Как бы ни было, в тот год, я все-таки научился работать на комбайне. По месту прибытия нам предложили докашивать отдельные неудобные зерновые участки, по склонам гор, которые местные комбайнеры оставили напоследок, чтобы сохранить свои машины. Пришлось нам «зачищать» остатки полей, но все, что было положено — было сделано, как надо. Комбайны мы все оставили в Башкирии. Наши комбайнеры, конечно, были недовольны, что потеряли главный свой годовой заработок и надеялись на какие-то компенсации по приезду домой. Зря надеялись.

В связи с обострившимся вниманием к сельскому хозяйству вообще и к его механизации, в частности, по всей большой стране, шла усиленная и ускоренная подготовка механизаторских кадров. При Слободзейской МТС, куда я вернулся после Башкирии, тоже открыли ускоренные курсы трактористов и комбайнеров. Я записался в обе группы и, после работы — учился. Опыт практической работы на комбайне, да еще рядом с таким мастером, как мой отец, очень пригодился. К концу года, я закончил оба курса, в плане изучения материальной части, оставалось только пройти производственную практику с началом полевых работ и получить соответствующие документы.

После провальной командировки в Башкирию, у отца были постоянные натянутые отношения с руководством МТС, по любому вопросу, поэтому, как только после Нового года, было принято решение об отправке большой группы молдавских механизаторов в Актюбинскую область Казахстана, и появились вербовщики из Кишинева, отец сразу согласился на переезд. Обиженный на маму, за мореходку, с ним, по комсомольской путевке, поехал и я.

Специальный пассажирский поезд, морозной буранной ночью, привез в оставшийся из-за бурана без света, обледеневший Актюбинск, сразу 650 механизаторов из разных районов Молдавии. Почти два соседних по вагону купе, 10 человек абсолютно разных людей, познакомившихся за время переезда в поезде, через пару дней попали через Кандагач — в Ащелисайскую МТС. В моей комсомольской путевке, служившей тогда вместо паспорта, был указан год моего рождения -1938. Через много лет, бабушка нашла мое свидетельство о рождении, и по нему, уже в Тирасполе, я получал первый паспорт. Там год рождения был указан -1940… Ну это было уже позже, а в МТС я пришел на два года старше. Понятно — это же не мореходка, здесь никто не требовал никаких подтверждений возраста, здесь главное было иметь право работать на технике, да чтобы с профсоюзом проблем не было.

На основании справок о том, что я прошел курсы трактористов и комбайнеров и о том, что отработал сезон помощником комбайнера (мне зачли это как практику), уже в Ащелисае, я получил две серенькие книжечки, в одной было сказано, что мне присвоена специальность тракторист, в другой — комбайнер. И уже с ними, я позже был направлен на работу в одну из тракторных бригад, как говорилось в приказе — на должность тракториста.

Чтобы завершить прелюдию моего попадания в ащелисайскую балку, просто добавлю: Сегодня, имея несколько дипломов о высшем образовании, а также — кандидата наук, Профессора и Академика, я наравне с ними, храню удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля 1-го класса, которое много лет назад получил, вместо тех двух серенькых удостоверений, которые дали мне путь в люди…

Теперь вернемся к моей несколько ранее сказанной фразе, что попал «именно в то место и в то время». Это действительно Удача, подарок Судьбы, если хотите.

После того, как я получил права на управление тракторами и комбайнами, меня направили в распоряжение механика МТС по сельскохозяйственным машинам. Был тогда такой замечательный, немолодой уже человек, Синица Порфирий Кондратьевич. Невысокого роста, добродушного вида и веселого нрава. Все, что находилось на обширном хозяйственном дворе МТС, — входило в его епархию.

Хочу предупредить уважаемого читателя, что в этой, первой главе, нашей ностальгической повести, мы будем вести разговор об Ащелисае, Ащелисайской балке и обо всем прочем «Общеащелисайском». В других главах, разговор будет уже идти о конкретных ЛЮДЯХ, сотворивших это Ащелисайское чудо, за все эти прошедшие сто лет, со дня начала заселения и освоения этих мест. Конечно же, не все одинаково, но каждый из них, что-то внес свое в общее развитие нашего села.

Поработав с Синицей П.К. недолгое время, я все же успел узнать, что он один из первых ащелисайских поселенцев, приехал сюда уже подростком. Узнал от работавших рядом ребят, о его уникальных способностях, как механика, и что он воевал с басмачами во время Гражданской войны. Это было мое первое прямое соприкосновение с историей, живой историей, к которой мы еще вернемся в других главах книги. А потом, история начала обступать меня со всех сторон.

В марте 1955 года, я был направлен, как тракторист, в одну из бригад села Джусалы, где базировался тогда колхоз им. Буденного. Бригадир полевой бригады, тоже из первопоселенцев — украинцев, нашел мне квартиру, в одном из домов, недалеко от ремонтной мастерской. Там я жил до начала полевых работ и выезда в поле. Хозяева — из депортированных в 1941 году немцев. На работе, а мы занимались ремонтом и подготовкой техники к началу посевной кампании, меня окружали ребята-ремонтники, как местные, украинцы, потомки первых поселенцев, так и те же немцы, и так же депортированные с Кавказа в 1944 году, чеченцы. Общаясь с ними всеми в процессе работы и вне её, я получал массу различной бытовой информации, как в общем плане, так и по отдельным направлениям и людям. Ни у кого ничего не выпрашивал, просто впитывал то, что видел и слышал. С того времени и по настоящее время, подобной информации у меня накопилось достаточно много, причем — достоверной, из первых рук, поэтому и пришла пора поделиться ею в этой книге.

Заселение ащелисайской долины шло определенными волнами. После двух волн первых поселенцев, украинцев, основателей практически всех населенных пунктов волости, была волна поступления людей немецкой национальности в начале сороковых годов и позже, тех же чеченцев. Где больше, где меньше, но представители этих народов, были в те годы расселены практически по всем селам района. В том же селе Джусалы, где я начинал работать, как бы отдельно от села, за речкой, была целая чеченская улица.

Считается, что наиболее мощная волна переселенцев в Казахстан, пришлась на пятидесятые годы прошлого века, когда началось освоение целинных земель. За весь Казахстан, и за отдельные его особые регионы — я согласен, но за нашу, ащелисайскую зону, я бы так не сказал. Были определенные временные приливы-отливы, но, чтобы они уж очень сильно повлияли на количество и особенно, качество, народонаселения зоны — я бы не сказал. Например, в бригаде номер два, колхоза им. Буденного, где я начинал работать, из приезжих в том году, было всего двое — бригадир тракторной бригады, Иван Рубцов и я… Немцев и чеченцев, я не считаю, они шли для меня, как «местные».

Здесь уместно сделать небольшую сноску. Я, в 1955 году, действительно, был в бригаде один, из приезжих механизаторов. Конечно же, мне, подростку, которому на самом деле, только в августе будет пятнадцать, было скучно и не очень комфортно жить одному в полевом вагончике, посреди степи. Особенно, в ночное время, когда все работники бригады, механизаторы и обслуживающий персонал, уезжали домой, в село. Но судьба и здесь проявила

свою благосклонность — в бригаде появился ночной сторож, дед Иван и вся жизнь моя, повернулась лицом к лучшему. Дед Иван был немного своеобразным, но в принципе добрым и общительным. Очень любил поговорить, рассказать о чем-то, в первую очередь о своей жизни. А рассказать ему было что. Он приехал в Джусалу вместе с родителями, в числе самых первых переселенцев-украинцев, уже почти взрослым парнем. Через пять лет началась первая мировая война, его призвали в армию. Кавалерист, германский фронт, прибалтийское направление. Потом ранение, запасной кавалерийский полк уже на Волге. Потом — переход — из царской, — в Красную армию, война в Сибири против Колчака. Три года участвовал и во второй мировой войне. Для меня в то время, — это был прекрасный источник исторических познаний от первого лица, без всяких передергиваний и какой-либо фальсификации. Дед несколько первых дней относился ко мне настороженно, практически не общался. Но, когда я узнал, что его фамилия Синица, и спросил — не знает ли он Синицу Порфирия, из Ащелисая, механика, у которого я некоторое время работал, дед Иван расплылся в улыбке, даже обнял меня и радостно проговорил: «Та цэ ж мий двоюридный брат, сын мойого ридного дядька! Як вин там? Я його уже года два нэ бачив!». Я рассказал, что знал про того брата на сегодняшний день. С того дня, и до тех пор, пока меня МТС не перевел на новое место работы, мы с дедом Иваном жили, как дед с родным внуком. Вечерами, я читал ему свежие газеты и журналы, а их тогда в бригады привозили десятками, комментировал отдельные сообщения, играл ему на гармошке украинские и русские песни, что ему очень нравилось, а потом — мы долго вели беседы за жизнь, пока я не засыпал (утром — на работу!). Деду спать было не положено — сторож все-таки, он и сидел рядом со мной в вагончике, не знаю, может, иногда тоже спал, но, когда я утром просыпался, — он всегда был на посту, обходил бригадное хозяйство и готовил нам на двоих чай. Дед Иван действительно относился ко мне, как к родному. Ему очень импонировало, что разговаривали мы с ним на родном украинском языке. В бригаде, кроме бригадира колхозной полевой бригады-украинца, — все говорили на русском, включая чеченцев и немцев (правда немцы разговаривали на украинско-русском наречии, по той простой причине, что были высланы из Украины, там выросли, и по — украински, им было говорить проще, чем чисто по-русски). Мы еще вернемся в дальнейшем нашем повествовании, и к деду Ивану, и к другим персонажам. В этой же сноске, я просто подчеркнул роль деда Ивана, как моего первого натурального «просветителя» по истории Ащелисайской зоны.

Да, одно время, года четыре подряд (1954–1957 г.г.), люди прибывали в Ащелисайскую МТС, и группами, и по одиночке, из разных мест; причем поступления бывали разные, — от толковых и надежных, до условно-досрочно освобожденных, под ситуацию. Большинство из них, — через год-два, как правило, — уезжали, домой или в более теплые или выгодные места. Добросовестные работники, независимо, откуда бы они ни прибывали, — оставались, из них, отдельные, живут, в селах нашей зоны, по сей день. Что было, то было, но такого резкого увеличения численности населения в годы начала освоения целины, в Ащелисае — не было. Зато, с ростом благосостояния местных жителей, начался очень заметный его (населения) прирост, за счет собственных ресурсов и возможностей…

Прежде чем перейти к обсуждению понятия «Ащелисай», как определенного местного феномена, просто добавлю следующее:

В том, что я собираюсь передать читателю свои суждения о становлении и развитии всех направлений жизни в этой долине и за целых сто лет, ничего нет особенного. Убежден, что многие коренные ащелисайцы, прожившие там все свою жизнь, знают о себе, и о своем селе, гораздо больше, чем я, проживший там всего 22 года из рассматриваемого векового периода, и могли бы тоже о многом и многих, рассказать и написать, при желании. Но, по сравнению с ними, у меня за спиной целый ряд преимуществ, которые и обязали меня перед всем миром,

взяться за эту книгу. И я не зря написал в эпиграфе, что кроме меня, ее никто больше не напишет.

Дело в том, что я появился в этом селе в тот период, когда еще находились в строю, как говорится, в добром здравии и живой памятью люди, которые или были первыми поселенцами по этой балке, или были первым поколением потомков, тех первых переселенцев. То есть, в плане получения достоверной информации из первых рук — у меня, как неравнодушного и интересующегося человека, никаких проблем не было. Я бы мог очень долго перечислять тех ащелисайцев старшего поколения, с которыми не раз общался по разным поводам, но всегда получал от них что-то новое, интересное. Причем, не специально «вытягивал» из них информацию, а незаметно, в процессе общения. Я никогда ничего не записывал, но все накопленное, постепенно накапливалось во мне и ждало своего часа.

Какие мне были нужны учебники и исторические пособия, когда история села ходила со мною рядом и каждый день! К примеру, в 1930 году, в Ащелисае, был образован первый колхоз. Первым его председателем, был Голубь Фома Федосеевич, известная в Ащелисае была личность. Так вот с этим самым бывшим председателем, и с это сыновьями, Михаилом и Федором, я общался десятки раз, по разным причинам. Бывал неоднократно у них дома. Как думает читатель, из какой истории я мог бы взять больше материала о первом колхозе, как не от его бывшего председателя!?.Рядом с нами жила семья Бугайченко, мать — Пелагея и дочь Александра. Общался я и с ними обеими, а их муж и отец, еще при царской власти, был местным волостным старшиной. Общался с участниками Гражданской войны, многие из которых воевали и во второй мировой войне. Тот же упомянутый ранее Синица Порфирий, Анисим Шовкун, Яков Лысенко. Да чего там далеко было ходить — мой тесть, Калашников Иван Емельянович, с которым мы немало лет прожили в одном доме. Да это был целый набор истории в одном месте. Его двоюродный брат, тоже Иван Калашников, был первым священником Ащелисайской церкви в 1914 году, а сам тесть, в двадцатые годы, воевал с басмачами в Средней Азии, а, в сорок первом году, в составе 312 (актюбинской) стрелковой дивизии, защищал Москву с юго-западного направления. Та дивизия была практически полностью перемолота фашистскими танками, но стояла насмерть. Тяжело раненный Иван, пронизанный по диагонали пулеметной пулей — чудом выжил. Уже после войны, много лет возглавлял в МТС тракторную бригаду. Он многое мог рассказать и рассказывал мне об ащелисайской жизни, до и после войны. И он всегда подчеркивал значительную роль в развитии Ащелисая, организацию здесь машинотракторной станции (МТС) в 1936 году. МТС, с момента её организации, сразу стал определенным зональным, организационным в первую очередь, стержнем всей бывшей волости.

В зону её обслуживания входили: колхозы «Передовик» (Ащелисай, Преображенка, Бурановка, Лушниковка), им. Чапаева (Велиховка, Айтпайка, Рождественка), им. Буденного (Джусалы, Кимперсай), Красное поле (Анастасьевка), «Новый путь»(Бородиновка, Кайрактысай, Кайракта), им. Розы Люксембург (Романкуль) и колхоз «Кызыл-сай», расположенный за угодьями села Алимбетовка, рядом с рекой Урал.

Машинотракторные станции, и наша, в том числе, были государственными предприятиями. Главной задачей для них — было технической обслуживание (механизация, электрификация, обеспечение и ремонт), закрепленных за ней колхозов. По прошествии времени, и с высоты определенного опыта, должен заявить, что система обслуживания колхозов через МТС, была очень удачной и всесторонне продуманной. В неё входило не только механизация и материально-техническое обеспечение колхозов, но и курирование и практическая помощь со стороны работавших в аппаратах МТС специалистов, — агрономических, зооветеринарных, строительных, снабженческих и других направлений. Все механизаторы, трактористы, комбайнеры, ремонтные рабочие, хотя и жили в своих селах, были штатными работниками МТС.

В колхозах тогда не было профсоюза, а все работники МТС, шли по категориям — рабочие или специалисты, и, как правило, — все были члены профсоюза, объединенные профсоюзным комитетом МТС, во главе с освобожденным председателем.

Вопросами партийной работы, пропаганды, агитации и определенного контроля всех направлений жизни МТС, занималась партийная организация, во главе с секретарем парткома, который по рангу считался секретарем райкома партии по зоне МТС. Это было в ту пору серьезным звеном управления и контроля. Мы еще вернемся к этому вопросу в процессе рассмотрения текущей жизни зоны влияния Ащелисайской МТС.

У отдела кадров МТС, как и у любого управленческого звена, был свой определенный резерв механизаторов, трактористов и комбайнеров. Как правило, этот резерв формировался из людей приезжих, молодых, не обремененных семьей и другими похожими заботами, живущих в Ащелисае, но которых можно было направить на работу в любое хозяйство обслуживаемой зоны, закрывая там какие-то текущие кадровые проблемы в сезон полевых работ. Так сложилось, что все годы работы механизатором в МТС, я постоянно находился в этом резерве, скорее всего потому, что всегда был бес проблемным и всегда понимал, что — раз так надо — значит так надо. Зимой мы жили в общежитии, а весь полевой сезон — с апреля по октябрь, — я находился на полевом стане тракторной бригады, и без всяких выходных, и каждый день.

На гусеничных тракторах работали по сменам, каждая смена -12 часов. Один тракторист пашет (боронит или сеет) в ночь, другой — в день, через неделю — график меняется, тот кто работал днем, переходит в ночь. И так по всему сезону. Утром и вечером, трактористы (экипажи) менялись, производили дозаправку, текущее обслуживание техники. Все приезжие — жили на полевых станах, местные — ездили домой. Конечно, жить в полевом вагончике все лето, с «удобствами» в ближайшей балке, было не очень приятно, но и ездить в пустое общежитие, искать себе каких-то ненужных проблем и терять по два — три часа на сборы и дорогу, вместо отдыха в бригаде, после смены, в ночь, тем более — в день, — было бы неразумным.

Ну, а раз все равно, на летний сезон придется куда-то ехать, то какая разница — куда. Мне даже нравилось каждый раз ехать куда-то в новую бригаду очередного колхоза. За годы работы в МТС на тракторе и комбайне, я работал практически во всех колхозах зоны. Начинал в бригаде Ивана Рубцова в колхозе им. Буденного, в том же году, косил на комбайне в бригаде Романа Гутера, колхоза «Красное поле» и даже успел постричь овец в самом северном колхозе зоны — Кызыл-сай, что рядом с городом Орск. В следующем году, работал на тракторе и комбайне в селе Айтпайка, в бригаде Даниила Георге, колхоза им. Чапаева. Еще через год — в бригаде Константина Пономаренко, опять в колхозе — Красном поле. В колхозе «Новый путь», в бригаде Алексея Сиротина, возил зерно от комбайнов. Когда началась организация с нуля нового совхоза «Степной» в нашем районе, помогал пахать для них целину и возил стройматериалы для строительства поселка и животноводческих ферм. Также помогал поднимать целину и в колхозе им. Розы Люксембург, самом дальнем (восточном) хозяйстве зоны нашей МТС. То есть, за время моей механизаторской деятельности (так сложилось), я действительно, работал во всех хозяйствах обслуживаемых Ащелисайской МТС, кроме колхоза «Передовик», который располагался на месте, в Ащелисае. Не надо думать, что я был плохим работником и меня потому гоняли по всем бригадам. В 1957 году, я был даже признан лучшим молодым механизатором Актюбинской области, был награжден Почетным знаком ЦК ВЛКСМ, грамотой областного комитета комсомола, первой медалью и стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Имел статус тракториста первой категории. Не во всех тракторных бригадах, имелись механизаторы этой категории.

Нет, я работал всегда добросовестно, куда бы меня ни посылали. Просто мне всегда были интересны новые места и новые люди. Я согласен был двигаться куда угодно, лишь бы увидеть и

узнать что-то новое. Никакие бытовые проблемы и не комфортности, меня не смущали, интерес к новому во мне перебарывал все. Руководство МТС в лице отдела кадров, это сразу почувствовало и у нас с ним, до конца существования МТС, были негласные, симбиозные, как сейчас говорят, отношения. Руководство знало, что я не то что буду возражать против направления куда-нибудь в дальнюю бригаду, а сделаю это с удовольствием. И им — хорошо, и мне тоже неплохо (симбиоз).

Чтобы читатель не удивился такому пространному рассказу о том, где и с кем я работал, будучи молодым механизатором, — просто объясню:

Уже, будучи человеком пишущим, при встречах с читателями, часто слышу, особенно от людей пожилого возраста, вопрос: «Слушай, а как ты все это помнишь, те далекие времена и до мелочей?!». На что я всегда отшучивался, что мол, если ты по жизни ничего не делал, то и вспомнить будет нечего.

А нашему читателю скажу больше: — есть такое в нашей жизни негласное понятие, называется — ВНИМАНИЕ. Внимание — это как зарядное устройство для Памяти. Если ты живешь и внимательно смотришь на окружающую тебя Природу, Жизнь и Людей, и сам принимаешь участие в этой самой жизни, то обязательно впитываешь в себя (откладываешь в Память) что-то, неважно хорошее или плохое. Ведь мы живем не Космосом, мы живем, в первую очередь, обычными текущими мелочами, многие из которых неплохо было бы и запомнить. Люди, по — разному к этому относятся, часто не вникают в «мелочи» жизни и, конечно же, мало что запоминают, считая, что это им не нужно. Может быть, они и правы.

У меня, видимо, более внимательный, более чувствительный, что ли, характер, по отношению ко всему происходящему вокруг, поэтому и накопилось в памяти немало, так немало, что решил поделиться с другими людьми.

Работая в разных колхозах зоны, общаясь со многими и разными людьми, я постоянно что-то от них принимал и запоминал. Знал практически всех механизаторов, номера тракторов и комбайнов, работающих в МТС, знал руководителей бригад и колхозов, знал условия жизни людей во всех селах нашей зоны, знал характеры и возможности тех, с кем рядом работал.

А главное, и это касается сути настоящей книги, — как характеристики зоны «соленой балки», работая вне центральной усадьбы МТС, в окружающих Ащелисай колхозах, я получал постоянную информацию о том, как относились люди других сел, к жителям самого Ащелисая, к руководителям МТС, мастерам — ремонтникам, работающим в центральных мастерских и вообще к существующей системе обслуживания сельскохозяйственного производства в то время. Повторяю — никогда ни о чем я не спрашивал у тех людей, информацию они выдавали сами в процессе общения, больше между собой, чем со мною лично.

Постепенно у меня сформировалось убежденное осознанное мнение, что и в селах ащелисайской балки, и в окружающих Ащелисай селах, основанных теми же их земляками и родственниками-украинцами, первые полвека, и люди жили, и села развивались примерно одинаково. Все также зарывались в землю с жильем, все также «царапали» на волах целину в начальные годы, также обустраивались, в социальном плане, также были охвачены коллективизацией, а потом войной. Во всех селах в военные годы, на оставшихся тракторах, работали голодные пацаны и девочки-подростки, а за килограмм, унесенных с поля колосков, — давали год тюрьмы. Из всех ушедших на фронт мужчин, вернулись домой в села, где половина, а где и третья часть. Можно сказать, что трудности, накрывали холодом все села переселенцев, первые полсотни лет, — практически одинаково. Единственное, что за этот период, можно отнести к положительному явлению, — это образование в этой волости МТС. Это были не только новые рабочие места, это было начало новой жизни. Люди почувствовали совсем другое к себе отношение, это было действительно реальной помощью новым коллективным хозяйствам.

Государственная техника и гарантированное (авансовое) обслуживание всех механизированных процессов — это был действительно прогресс для сельского хозяйства. У колхозов появилось не столько больше прав, появилось больше возможностей.

МТС сыграли свою более чем положительную роль в развитии сельского хозяйства нашей зоны. Да и не только нашей, а всего агропромышленного комплекса бывшей страны. Образование таких станций, было одним из главных элементов государственного регулирования всей системы агропромышленного комплекса, чего, кстати, на сегодня нет на всем постсоветском пространстве. Потому мы и завозим продовольствие из-за рубежа, при колоссальных собственных возможностях.

В отличии от любых видов нынешних органов власти, организации и управления в плане АПК, та система (МТС), несла полную государственную ответственность за положение дел в колхозах её зоны. И не только в плане обеспечения механизации и электрификации всех положенных по технологиям процессов, но и за организацию труда, соблюдение норм и правил землепользования, обеспечение сроков и качества выполняемых механизированных работ, внедрение новых передовых форм и методов производства, применения удобрений, средств защиты растений и животных, состояние зооветеринарной и селекционной работы, внедрение более прогрессивных форм оплаты труда работников, и совершенствование системы материального поощрения.

Особое место в МТС, уделялось вопросам воспитательной и разъяснительной работы. Пропагандисты, лекторы, десятки газет и журналов, радиофикация полевых станов и обеспечение бригад возможностью радиосвязи с центром — все это работало на общий результат, способствовало мобилизации людей на выполнение поставленных текущих и перспективных задач. Здесь необходимо отметить, что всеми этими благами пользовались не только механизаторы, работающие в МТС, а и все работники колхозов, работающие рядом с ними, ибо у всех была одна цель — производство сельхозпродукции. В нашей степной (зерновой) зоне — основная масса людей, работающих в колхозах, — состояли в штате МТС. Животноводством, овощеводством, другими видами производств, то есть там, где основные виды работ в то время выполнялись вручную, — занимались специалисты и работники непосредственно колхозов.

И вот здесь мы начинаем подходить ближе к нашей «соленой балке», возвращаемся к тому, с чего мы начинали. Как было уже сказано, по этой балке, первыми переселенцами было заложено три села — Барановка, Преображенка, и Григорьевка. Расположеная вроде бы, в более удобном и благоприятном месте Барановка, с трудом пережила свои пятьдесят лет жизни и — самоликвидировалась. Сегодня там только холмики остались от когда-то неплохих по тем временам, домов. Центр жизни этих трех сел, постепенно переместился в Григорьевку. Там — и трасса в города — рядом, там и дороги расходятся на все четыре стороны, и по ним все время кто-то движется, там образовалось солидное коллективное хозяйство, появилась в 1936 году государственная МТС, а это немалое количество рабочих мест, где можно гарантированно иметь государственную заработную плату. Как следствие — в Григорьевке появилась почта, магазины, амбулатория, где можно было получить первичную медицинскую помощь. Работала школа, сельский совет выполнял свои различные функции.

Все это и определило место Григорьевки в соленой балке. Притягательность этого села, оказавшегося в центре окружающих его таких же поселений, была усилена и на официальном уровне, начиная с организации в нем раньше центра волости, затем размещения в нем центральной базы МТС, а с открытием железнодорожного сообщения в 1942 году, по маршруту Кандагач-Орск и обустройстве недалеко от села железнодорожного разъезда № 304, а позже станции Ащелисайская, — еще более усилило значение Григорьевки в этой части района.

Здесь опять просится важная сноска. И я, и думаю многие другие люди, жившие или работавшие в Григорьевке, жители соседних сел, да даже проезжающие мимо жители городов, никогда не задумывались о том, что мы вообще называли «Ащелисаем», ровно СТО лет подряд! Все эти сто лет, село официально имело название «Григорьевка», хотя никто это название не употреблял на любом уровне! Ащелисайская волость, Ащелисайский сельский совет, Ащелисайская школа, Ащелисайская МТС, Ащелисайские почта и отделение сберкассы, Ащелисайская автобаза, Ащелисайский элеватор, Ащелисайское сельпо (позже — рабкооп), станция Ащелисайская, остановка на трассе Актюбинск-Орск и плиткой выложено название — Ащелисай!. Напиши на почтовом конверте адрес: поселок Ащелисай — письмо дойдет, позвони по телефону, закажи Ащелисай — соединят. Спросят — откуда — ответишь из Ащелисая, — поймут. Любые упоминания в официальных документах, тем более областного уровня, любые решения — везде Ащелисай!!!. И при чем здесь ВООБЩЕ этот самый «САЙ, (БАЛКА)», применительно к нашему селу? Ведь не одна же Григорьевка здесь расположена, по этой балке!?

А, по моему мнению, появление такого (Ащелисайского) Феномена, надо искать во все окружающем признании авторитета этого места. Не как села, а именно, как места. И приоритетность эта была закреплена (опять же, по моему мнению!) на трех основных опорах: 1.Удачное место расположения.2. Официальная поддержка.3.Замечательные люди, целые семейные династии. Именно сочетание этих главных моментов и вывело наше село, как центр места общего признания. В сознании людей, Ащелисай воспринимался не как село, а как определенный комплекс, как «место, где все-таки лучше, чем у нас». Я думаю — это так.

И еще. Для меня лично, как выяснилось после более чем 60-ти летнего знакомства с этим местом, понятие Ащелисай, ассоциируется с территорией от речки Чаушки и бывшей уже Лушниковки, — до железной дороги. Вот так.

Я не знал, что когда-то стану ученым, писателем, но еще в молодые годы, по дороге из Актюбинска, когда начинал спускаться с так называемой «чапаевской» горы, вид открывающейся долины, мне казался такой огромной раскрытой книгой, с загнутыми вверх краями, где прямая в этом месте дорога, казалась раздельным углублением между страницами, а проходящая рядом цепь телеграфных столбов — представлялась своеобразной пунктирной строчкой.

Для меня вид этой долины был всегда красивым и приятным. Зимой, её «страницы» были ослепительно белыми; весной, наверху, по целине — буйство разноцветных тюльпанов, а по обеим сторонам трассы — изумрудная зелень чистых посевов; летом — по тем же сторонам дороги, золотом отливали готовые к жатве поля; даже осенью, черные, аккуратно вспаханные «страницы», были по-своему красивы, они умиротворенно отдыхали, набирались влаги и переваривали пожнивные остатки, готовясь к закладке новых урожаев, весной.

А сколько раз, возвращаясь домой в ненастную погоду, особенно во время сильнейших буранов и, как всегда, — ночью, после долгих часов буксования, откапывания из снега и подталкивания машин, мы выезжали на ту самую «чапаевскую» гору и с радостным благоговением, сквозь пургу, замечали еле заметную строчку «ащелисайских» огней по нашей балке и так тепло, хорошо всегда становилось на душе — «теперь уже доедем, не собьемся. Скоро будем дома!». А раньше и тех огней не было, да и дорог — тоже. И вездеходов нынешних. А люди — передвигались по бескрайним степям, в любую погоду, иногда по нескольку суток. А все равно — жили и любили это место. Они не считали, что с чем-то боролись, с какими-то там трудностями, как говорят сегодня, нет, — они просто жили и хотели жить.

Да и как нам (мне) было не любить его, это место! Жена и все трое моих детей, родились в Ащелисае. Двадцать два лучших года жизни, я отдал этому месту. Здесь стал Человеком и специалистом, здесь получил навыки жизни и здесь знакомился и общался со многими

замечательными людьми. И очень благодарен судьбе за это. Наверное, не зря и по сей день снятся мне люди, поля, улицы и многие части нашей балки. Как уже было сказано раньше, я попал сюда — ко времени, и к месту, — успел застать людей предыдущих поколений, первопоселенцев и их потомков, потом сам стал активным участником самых важных моментов и действий в ащелисайской жизни, а в последующие годы, регулярно посещал свою вторую родину и поддерживал различного рода связи, с родственниками, друзьями и товарищами, проживающими в Ащелисае, и вокруг него. Как следствие — жизнь Ащелисая в общем плане за последнюю сотню лет, для меня была и есть, близка и понятна.

По жизни мне посчастливилось побывать в самых разных местах; хорошо знаю все области Украины, Белоруссии, большинство областей России, республик Средней Азии и самого же Казахстана, районов Кавказа, в Крыму, на Севере; бывал во многих странах за рубежом. Видел всякое, и красивое, и очень красивое, разное. Не буду лукавить и заявлять, что место Ащелисай, самое красивое и удобное. Нет, но оно мне родное, как и то место, где я родился. Честно говоря, моя родная Слободзея и Ащелисай, с годами, в моем сознании выровнялись, и если Слободзея была, есть и будет, моей первой малой Родиной, то теперь чувствую, что и Ащелисай для меня, стал тоже не вторым…Это дает мне право рассуждать о его жизни, с разных сторон. Что, кстати, не отнимает такого права ни у кого другого, и я буду рад познакомиться с любыми материалами по этой теме, тем более, если они будут интересными и объективными.

Но вернемся к ащелисайской жизни. С началом освоения целинных земель, наша зона МТС, почувствовала, что такое пристальное внимание власти к этому начинанию. Наша Актюбинская область, начала эти работы немного позже других регионов, того же Алтая, Кулунды и т. п… Но уже в 1954 году, область получила 2500 новых тракторов, 1000 тракторных плугов,680 комбайнов и много другой транспортной и сельскохозяйственной техники. Ускоренными темпами шли поставки, полевых вагончиков для тракторных бригад, стройматериалов, жилых палаток и многого другого, необходимого для проведения работ по освоению на территории области целинных земель на площади в 1,5 миллиона гектаров. В северо-восточной части области, было образовано несколько крупнейших новых зерновых совхозов.

В колхозе «Передовик», где я впоследствии буду долгие годы работать, за первые «целинные» годы, площади под пашней, увеличились в пять раз, с трех с половиной тысяч гектаров — до семнадцати с половиной тысяч. Соответственно, увеличились посевные площади, в первую очередь, под зерновыми культурами. Ащелисайская МТС вооружилась новыми тракторами, комбайнами, транспортной техникой. В селе появилась новая автобаза с большим количеством автомобилей, волнами шло поступление кадров механизаторов, из Молдавии, Украины, различных областей России. Энерговооруженность МТС по тому времени, вполне обеспечивала своевременное проведение всех механизированных работ, с учетом многократного увеличения посевных площадей.

Здесь уместно отметить положительность влияния на все процессы жизни, в том числе и сельской, именно планового хозяйства. Государство прежнее, думало и действовало комплексно, с ориентиром на будущее. Как пример: Ащелисайская МТС, образована в 1936 году, а еще за год до этого, было построено и начало работать Училище механизации в соседнем селе Алимбетовка, где готовили механизаторов, уже заранее зная, что будет новая МТС в Ащелисае и совхоз в Алимбетовке. Какой частный предприниматель сегодня будет так думать о будущем того края, где он сегодня получает доходы!?Похожее училище было открыто в селе Херсон, понятно — для нужд другой МТС Степного тогда района, — Кос-Истекской. Там было еще отделение подготовки комбайнеров. Оба эти училища в районе, очень многое сделали в плане подготовки механизаторских кадров и многие молодые люди Ащелисая, через них прошли и стали классными специалистами. Надо сказать — эти учебные заведения, особенно Алимбетовское,

были очень достойными и в плане теоретических знаний, и практических занятий.

Казалось бы, жизнь на селе стала улучшаться по всем направлениям, особенно в плане роста производства, что является источником повышения благосостояния сельчан. Прошел «целинный» ажиотаж. Почти все подлежащие освоению земли, в районе были распаханы и засеяны. Казалось бы — вот оно начало старта к достижению новых вершин! Кстати. Нам, в то время живущим, пообещали, что к 1980 году в стране наступит коммунизм!

Пообещать — пообещали, а сделали все наоборот. И как всегда, под фанфары заботы о селе, обеспечению свободы колхозам, что-то там сказали про будущий рост благосостояния крестьян и…приняли в начале 1958 года, решение о ликвидации МТС и передаче техники колхозам. Пусть они (колхозы), мол, будут сами себе хозяева и не будут никого просить выполнять необходимые механизированные работы. Хватит, мол, сдирать с них три шкуры и т. п…

По моему мнению, это было одно из самых неразумных действий, направленных против села в целом. Абсолютное большинство колхозов, изначально были технически обречены. Раньше МТС нес равную (государственную) ответственность перед всеми колхозами своей зоны. Теперь, передав технику в колхозы, МТС (читай государство) снял с себя всякую ответственность за все, что её (техники) касается: организация всех полевых работ, ремонт и технической обслуживание, топливное и энергетическое, а также — все материально-техническое обеспечение.

Неравенство среди колхозов, сказалось сразу, по многим причинам. И земли разные, и расстояния разные, и люди, и возможности, да и руководители, — тоже. На ходу не так просто перестроиться. Вперед сразу вырвались те, кто посильнее, поумнее, похитрее, понахальнее, а главное те, кто во все времена, открывал ногами любые двери, то есть «свои» люди. Им — и кредит раньше и фондов побольше, а бедным — как всегда: «чого дурный — бо бидный, а чого бидный- бо дурный». Вечная пословица.

Даже, если бы для всех было все одинаково, ситуацию искусственно загнали в тупик. Маленький, но очень характерный пример: В бывшем МТС, к примеру, лежала на складе какая-нибудь запасная часть, в единственном экземпляре, ну, допустим, подшипник какой-то дефицитный для комбайна. Чей был тот подшипник? — общий, всех комбайнов в МТС. И тут, в какой-то бригаде комбайн остановился, посыпался такой подшипник. Раньше бригадир той бригады, по рации, сообщает, что у него в бригаде комбайн стоит из-за сломанного подшипника. Участковый или разъездной механик, тут же забирает со склада тот единственный подшипник, срочно везет его к комбайну, и через полчаса — час, комбайн продолжает работать.

Что стало после ликвидации МТС: В каком-то колхозе остановился комбайн, из-за поломанного подшипника. На складе того колхоза такого нет и никто не знает, в каком колхозе он имеется. Но, даже если и узнают, что где-то есть такой подшипник, так кто ж его отдаст! По принципу — «А может он у меня завтра сломается!?». И ничего не сделаешь, даже если у всех будет, кроме нуждающегося, по такому подшипнику, и ведь не дадут. Такие «мелкие» неувязки накатывались как снежный ком на любое действие, которое раньше оперативно решалось при МТС. В результате колхозы, тратили массу времени и средств, забивали склады запасными частями и агрегатами «про запас», а потом часто их списывали за ненужностью или при смене марок техники.

На базе почти всех бывших МТС, начали появляться специализированные ремонтные мастерские разного направления, которые производили только ремонтные услуги и отвечали за эти услуги только по договорам с заказчиками, а что растет или не растет на окружающих полях, новые мастерские не интересовало вовсе.

Ащелисайская МТС, к примеру, стала вначале филиалом Кос-Истекской РТС (ремонтно-

технической станции), а позже (СРМ) — специализированным предприятием по ремонту автомобилей марки ГАЗ-52/53, причем, одним из трех подобных предприятий на весь огромный Казахстан. В советские времена, это предприятие было очень авторитетным и уважаемым, там работало до 170 человек, в основном высококвалифицированных ремонтных рабочих, использующих современную технику и оборудование, включая станки с числовым программным управлением. Рабочий конвейер мастерских, упрощенно — вбирал на себя ржавую автомобильную раму, а с другого своего конца, — выпускал полностью отремонтированный и покрашенный автомобиль, мало чем отличающийся от нового, выпущенного с завода. Мастерская (СРМ) как бы стала правоприемницей бывшей МТС, там, в основном, сохранились опытные ремонтные кадры, потом обучили молодых ремонтному делу, и до самого развала СССР, это было довольно приличное предприятие своей системы, которое, наряду с мощной Ащелисайской автобазой, положительно влияло на имидж Ащелисая. Как места.

Пришло другое время и в Григорьевке (дальше опять Ащелисае), ситуация здорово изменилась. Если раньше «главным» опорным пунктом села, была МТС, то с её ликвидацией, как зональной регулирующей и ответственной государственной организации, селообразующие функции принял на себя укрупненный местный колхоз «Передовик», который до этого был определенным «середняком» среди других колхозов зоны. Волею судьбы, нашему колхозу в то время здорово повезло, как оказалось позже. В 1957 году, вернулся с учебы в Уральском сельхозтехникуме, где он прошел трехгодичные курсы председателей колхоза, Каструбин Григорий Ионович. Молодой, 31 год, фронтовик-орденоносец, крепкий, энергичный и уже теоретически подготовленный. После фронта, он работал в райкоме партии инструктором и в районной газете, ответственным секретарем. Райцентр тогда находился в селе Кос-Истек, недалеко от которого, в одной из малых деревень, Каструбин Г.И. и родился. То есть он был «свой, районный», а не откуда-то присланный, «на укрепление», как говорилось раньше, — «на ловлю счастья и чинов». Еще в 1954 году, он был направлен в Ащелисай, в качестве заместителя председателя колхоза и попутно — секретаря партийной организации (читай — комиссара). Так обычно делалось в те времена, чтобы парторг мог получать зарплату в колхозе. И сразу же поехал в Уральск на учебу.

Район оперативно произвел рокировку в системе нашей местной власти, сделав бывшего председателя колхоза, Кошарного Ф.К., председателем Ащелисайского сельского совета (Кстати, именно он лично регистрировал наш с женой, Ниной Ивановной, брак, в 1958 году), а Каструбина Г.И. -избрали председателем колхоза «Передовик». С того времени и начался тот период, длиной почти в тридцать лет, который я назвал в заглавии нашей книги как — «Сладкая жизнь соленой балки».

Каструбину Г.И. повезло на Ащелисай, но Ащелисаю, во много раз больше повезло на Каструбина Г.И… Новый председатель, объективно оценив обстановку в колхозе, селе и вокруг него, понял, что в этом месте, имеется много того, что можно использовать в плане общего развития колхоза и села тоже. Без села, без его поддержки, желания и отношения к работе, — ничего путного не получится.

Это было время перемен и в стране, и в Ащелисае. Через полгода ликвидировали МТС, начали организовывать крупное автотранспортное предприятие. Сельскохозяйственную технику передали в колхозы. При абсолютной ненужности этого действия для страны в целом, для ащелисайского колхоза и его нового председателя, этот момент принес больше хорошего, чем плохого. Колхозу отошла далеко не худшая техника, все живущие в селе механизаторы, трактористы и комбайнеры, ранее направляемые на работу в другие хозяйства, естественно, перешли в местный колхоз. А это были в основном, лучшие из лучших, по зоне МТС. Колхоз, по инерции, продолжал использовать ремонтную базу уже филиала РТС, пока не оборудовал, свою

собственную мастерскую. Понятно, что всякими правдами и неправдами, многое из того, что находилось на складах бывшей МТС, или вообще на её территории, — запасные части, узлы и агрегаты, учтенные и «неучтенные», списанные, но не ликвидированные, всевозможные сельскохозяйственные машины и их отдельные узлы, годами лежавшие в разных углах, — в большинстве своем, тоже нашли свое место в колхозе, тем более, что бывший заведующий мастерскими МТС, Гришко Д.С. — перешел на работу в наш колхоз главным инженером… То есть, с ликвидацией МТС, и в материальном плане, и в плане обеспечения трудовыми ресурсами, колхоз «Передовик» больше выгадал, чем другие бывшие хозяйства по зоне МТС. В этом нет ничего плохого, но, то, что было, то было.

Вот здесь и пришла пора показать и доказать по, крайней мере, ближнему окружающему миру, что Феномен Ащелисая зиждется не только на всеобщем официальном внимании, а и всеобщем признании. Отличная стартовая база — 17500 гектаров пашни, еще столько же площадей пастбищ и других угодий. 4 села (Григорьевка, Преображенка, Лушниковка, Бугумбай. Бурановка, к тому времени, уже исчезла). Колхоз «Передовик» — самое крупное хозяйство на то время. Расположено на перепутье многих дорог, в том числе магистральных. По территории колхоза проходит железная дорога. Внутри той же территории, находится станция Ащелисайская (тогда еще 304-й разъезд), где расположен хлебоприемный пункт. Для колхоза, где зерно — основная продукция, — это очень важно, хоть в плане сдачи — отправки зерна государству, хоть в плане получения семян или любых других грузов. Все рядом. Пусть даже расходы по доставке зерна государству и возмещались тем же государством, но, одно дело возить зерно на расстояние в 5–7 километров, другое дело за 50 и более, когда проблемы с его доставкой, увеличиваются с увеличением расстояния, в геометрической прогрессии.

Здесь тоже уместно отметить разумную политику советской власти, в плане работы на перспективу. Железная дорога Орск- Кандагач, была заложена в планах давно, чтобы грузовые потоки с Урала, Сибири и Дальнего востока, направить по укороченному и более прямому пути, через Орск и Кандагач — на Гурьев, то есть — в район Каспия и Кавказа, не окружным путем, через Оренбург и Саратов, а по гипотенузе этого треугольника. Ветка Кандагач-Гурьев была проложена давно, а её продолжение — Кандагач — Орск, затягивалось. Как говорится., «Не было бы счастья, так несчастье помогло»: начало войны в 1941 году и начало разработки Кемпирсайского никеле-кобальтового месторождения, в руде которого нуждалась тогда страна, — помогло ускорить строительство железной дороги до Орска, а с учетом местных транспортных нужд (той же зональной Ащелисайской МТС), в семи километрах от Ащелисая, были оборудованы, — вначале разъезд, потом станция и построен мощный механизированный элеватор, для приема зерна от хозяйств ащелисайской зоны.

Да, земли у колхоза, были не самыми лучшими в районе, но других нет и не будет. Надо работать с тем, что есть. И надо максимально использовать то, что есть. А есть уже очень немало — земля, люди, техника. А главное — есть желание жить и сделать так, чтобы наше место стало не просто захудалой соленой балкой, а местом, где счастливо жили люди, местом, куда бы стремились попасть и так же жить, многие другие люди.

Это негласное программное заявление, стало определяющим в деятельности нового руководства колхоза, и было поддержано всеми колхозниками.

Каструбин Г.И. поставил перед всеми колхозниками — главную задачу на ближайшие годы: используя уже имеющиеся возможности — стараться, как можно более быстрыми темпами наращивать объемы производства. Начиная с зернового хозяйства и постепенно развивая другие направления, в первую очередь — животноводство.

Надо не просто работать, а работать производительно и качественно на всех этапах возделывания полевых культур. И глубина вспашки, и сохранение влаги, подготовка и

правильная заделка семян, и борьба с сорняками и вредителями, и своевременная и качественная уборка урожая, хранение и переработка зерна, — все это объединенное коллективным старанием и желанием, уже в первые годы работы нового руководства колхоза, дали свои положительные результаты, в плане роста производства, зерна, в первую очередь.

Казалось бы, радоваться надо, но руководство колхоза волновали уже другие проблемы. Наращивать производство в основном за счет увеличения площадей — это забота о сегодняшнем дне. А что будет дальше? Истощим землю и обязательно потеряем урожай в будущем. Надо давать земле отдохнуть, надо обогащать её за счет правильного чередования культур и обязательно применять в севооборотах посевы трав и чистые пары. Иначе толку не будет.

Сколько критики, упреков и даже угроз, принял на себя Каструбин Г.И., в начале шестидесятых годов прошлого века, когда Н.С Хрущев, с подсказки Т.Д.Лысенко, громил «травопольщиков и паровиков», за то, что они теряют производство на «прогуливающих», по их мнению, полях, занятых чистыми парами и травами. Председателя обязательно бы освободили от работы, но он выстоял и удержался только благодаря неуклонному росту всех производственных показателей колхоза, против которых, районному и областному начальству выставить было нечего. А потом, слава Богу, «ушли» и Хрущева, и Лысенко, опять рекомендовали культивировать пары и травы, а у Каструбина Г.И., в отличии от других «исполнительных и рапортующих» руководителей, уже была налажена своя система разумных севооборотов. Это способствовало быстрому выходу «Передовика» в ряды лидеров, среди хозяйств района, включая тех, у кого были более богатые земли и благоприятные климатические условия. Колхоз значительно увеличил урожайность зерновых культур, но Каструбин Г.И. видел, что хозяйство приближается к пределу возможностей простого производства зерна, даже с учетом соблюдения всех норм и правил агротехники, соблюдения сроков и качества работ.

Да, экономика колхоза пошла в гору, но не такими темпами и не с такой эффективностью, какой могло бы быть.

Поэтому следующим направлением в зерновом хозяйстве колхоза, стало повышение качества производимой продукции, с одновременным увеличением её количества. Зачем закладывать в землю обычные, рядовые даже качественные по всхожести семена, если в эту же землю, можно заложить сортовые, не только высокоурожайные, а и высокотоварные семена новых сортов твердых и сильных пшениц, от реализации которых можно получить в полтора-два раза больше дохода?!

Искали и находили элитные семена, семена высоких репродукции новых районированных сортов пшениц, таких как — Саратовские — 29, 210, 42, позже -46. Эти сорта имели содержание клейковины в зерне до 40 и более процентов, что давало возможность продавать зерно государству с надбавкой до 50 %. Мы боролись не только за уровень клейковины, а и за чистоту сорта. Получали солидные сортовые надбавки и за эти показатели. Каждый бригадир и механизатор, тем более агроном, знали, — если на каком-то поле, будет обнаружено хотя бы одно растение семейства карантинных сорняков, того же сорно полевого подсолнечника, (которым, кстати, в наше время, сплошь «усеяны» многие поля нашего района), то колхоз будет лишен любых надбавок за чистоту сорта, что влекло за собой целый ряд санкций и, как следствие, ненужных финансовых потерь. Потерять имидж качественного поставщика — легко, восстановить его — очень трудно, если вообще возможно.

Каждое хозяйственное звено главного направления — зерно производства, постепенно выработало и закрепило за собой обязательные и посильные функции: Механизаторы — произвести качественную вспашку, снегозадержание, закрытие влаги и своевременный посев; специалисты и руководители — обеспечить посевную кампанию качественным посевным материалом и проконтролировать весь посевной процесс, вовремя провести обработку посевов

против вредителей и болезней, затем строго следить за процессами созревания хлебов, на каждом поле, по готовности, за сроками начала уборочных работ и контролировать весь процесс уборки. Механизаторам — подготовить технику и провести уборку урожая качественно и с минимальными потерями. Специалистам и руководителям — обеспечить процесс уборки урожая, как действия венчающего весь производственный цикл, всем необходимым: людьми, транспортом, доработкой и хранением зерна, питанием и решением всех других вопросов социального плана, а также учета, контроля, материальной заинтересованности и т. д, без решения которых, обойтись в период уборки невозможно. В функции специалистов и руководителей, входил и ежедневный контроль за ходом реализации зерна, по количеству и особенно, качеству.

По этому, главному своему показателю — производству зерна и продаже его государству, а это около 20000 тонн зерна в год, с нашим колхозом мало кто мог сравниться в любом зерновом регионе всей большой страны, не только Казахстана, даже при том, что некоторые новые зерновые совхозы, по площади превышали наше хозяйство в несколько раз.

Чтобы читатель представил, что такое 20 тысяч тонн зерна: При таком валовом сборе, на 500 человек колхозников, включая пенсионеров, можно оставить 500 тонн на их продовольственные нужды, еще тонн 500 для личного скота, ну пусть еще 1000 тонн для общественного животноводства, всего 2000 тонн, пусть еще столько же пойдет на семена и в резерв, но 16000! Тонн будет отправлено на прилавок государства. А это 6 тяжеловесных железнодорожных составов качественного зерна! От одного колхоза! За один год! Какие здесь нужны комментарии и разъяснения!?. И от кого? — от каких-то несведущих «реформаторов»! Да вечная слава тому колхозу Передовик (без кавычек) и его базовому поселку — Ащелисай (читай — Григорьевке) во веки веков! Колхозу, которому сегодня — ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ…

Каждое из перечисленных основных звеньев этого, главного, направления, знало свои права и обязанности, делало свое дело, руководствуясь не только основными, определенными заранее, общими принципами, но и оперативными текущими изменениями, в зависимости от обстановки. Все это, по совокупности, важности, концентрации сил и внимания, было похоже на направление фронтового главного удара, начертанного мощной жирной стрелой на карте текущей жизни Ащелисая, рукой «главнокомандующего», в нашем случае — председателя колхоза. Причем, он не мчался постоянно, на острие этой стрелы, «впереди, на лихом белом коне», размахивая шашкой направо и налево, нет, он, чаще всего, направлял весь этот порыв сзади, у основания. Хотя, как когда-то говорил легендарный В.И. Чапаев, «КОГДА НАДО», Каструбин Г.И., всегда выходил на остриё проблемы, на первую линию, хоть нападения, хоть обороны. Люди это понимали и всегда доверяли ему. Верили, что он — это надолго, Он — это не для себя лично, он — для села, а значит для них всех. Уже с начала шестидесятых годов, колхоз ежегодно наращивал не только производственную, но и экономическую мощь. Появились свободные денежные средства, которые необходимо было грамотно использовать на дальнейшее развитие, а не распылять, тем более раздавать, то есть жить сегодняшним днем.

Выстроив за несколько лет фундамент будущего благосостояния колхоза и села — Растениеводство, особенно в части производства зерна, как основы всего и вся в этой степной зоне, и достигнув в этом направлении определенных успехов, пришла пора обратить внимание и на развитие отрасли животноводства. Все-таки, две трети площадей хозяйства, занимали кормовые угодья (сеяные травы, естественные сенокосы и пастбища). В селе, в частных хозяйствах, коров в то время было в несколько раз больше, чем в самом колхозе. Приняли решение — развивать молочное стадо. Коровы — не трактора и машины, которые просто можно взять и закупить, все сразу. Коров не только надо найти, вырастить и накормить. Для коров в нашей зоне — необходимы соответствующие помещения, обслуживающий персонал,

оборудование и еще много чего необходимого. Все это надо было подготовить и только потом начинать закупать и выращивать молочное стадо.

Надо отдать должное руководству колхоза: в тот период приоритет был отдан людям, а потом животным. Первым солидным объектом, построенным колхозом, была довольно приличная школа, сразу ставшая по статусу «средней» в 1962 году, вторым не менее солидным «общесельским» социальным объектом, в 1967 году, стал Дом Культуры на 350 мест с возможным расширением зала до 600 мест и тоже — общесельский детский сад. Понятно, что внутреннюю «начинку» этих объектов всем необходимым, современную по тем временам, тоже обеспечил колхоз, хотя все эти объекты, обслуживали всех живущих в селе людей, независимо от их участия в колхозной жизни.

Только после этого, началось интенсивное строительство животноводческих помещений, как новых, так и реконструкция и капитальный ремонт уже существующих. В Ащелисае были построены сразу два коровника по 200 голов каждый и рядом с ними — «Прифермская молочная», то есть пункт первичной переработки молока. Строительство этого пункта именно возле ферм, было очень правильным и выгодным для колхоза решением: Имея в наличии, в среднем до 500 голов коров, колхоз производил 1300–1500 тонн молока в год. Это целый железнодорожный состав молока. Особой необходимости в обеспечении молоком непосредственно сельских жителей, не было, так как в каждом дворе имелось минимум по одной корове, то все молоко реализовывалось государству. Но для этого, молоко надо было отправлять за 35 километров, на молокозавод, в Кос-истек. Это было проблемой, тем более — в осенне-зимнее время. Построив свой цех по первичной переработке молока, и оборудовав его всем необходимым, колхоз отправлял (или завод забирал) государству, всего около 50 тонн сливок в год! а весь обрат (то, что остается от молока после отбора жира), все эти 1400 тонн, буквально за копейки, шел на выпойку колхозным телятам (ферма-то рядом) и поросятам.

Увеличив в разы поголовье коров и, естественно, молодняка крупного рогатого скота, а также свиней и овец, колхоз стал крупным поставщиком не только молока, но и мяса, продавая его государству по 250–300 тонн в год. Получало государство от колхоза ежегодно, и около 20 тонн овечьей шерсти.

Только после того, как были решены вопросы обеспечения и развития основных производственных направлений — Растениеводства и Животноводства, пришла пора «улучшения и окультуривания», повышения привлекательности труда колхозников во всех отраслях и в целом по колхозу. Были пробурены мощные водяные скважины на территории бывшего села Барановка, проложен многокилометровый водопровод, и в Ащелисае появилась чистая, холодная пресная вода, понятное дело — на всей его территории. Позже была построена уже вторая водопроводная сеть, с водой для полива приусадебных участков. Одновременно были построены большая красивая, прекрасно оборудованная колхозная столовая, которая стала обслуживать питанием все полевые бригады, где раньше были небольшие бригадные кухни, построена новая колхозная контора, совместно с сельским советом, куда не стыдно было принимать любого уровня начальство и гостей. Построена современная мельница, способная выпускать муку высших сортов, что сняло ежегодные проблемы с помолом зерна жителями села. Позже, рядом с мельницей, была построена и оборудована хлебопекарня, тоже решившая проблемы обеспечения села хлебом и хлебопродуктами. Реконструирована вся существовавшая до этого, ремонтная база колхоза, перед этим были оборудованы три механизированных зернотока, обеспечивающих первичную очистку зерна, поступившего от урожая, что позволяло сохранять ценные зерновые отходы, которые присутствуют при этом всегда, и, которые нерадивые хозяева, отправляли на элеватор вместе с чистым зерном (читай — выбрасывали), да еще платили элеватору за очистку зерна. Были построены несколько вместительных складов, для хранения зерна, на центральной

усадьбе и других селах, где было животноводство. Возведены — крупный утепленный гараж для автомашин, мастерские для ремонта комбайнов, мощная котельная, склад запасных частей и оборудования, устроен и облагорожен большой машинный двор для хранения техники и еще целый ряд необходимых объектов для улучшения условий труда и производства.

После прокладки водопровода, по главной улице села и до станции Ащелисайская, была сделана добротная асфальтированная дорога. Заасфальтированы все зерновые тока. Освещение улиц, регулярная очистка дорог внутри села, и на станцию, от снега — были обычным, само собой разумеющимся делом, опять же по линии колхоза.

Колхозники, работающие и пенсионеры, бесплатно обеспечивались на зиму сеном, соломой и зерном, как продовольственным, так и фуражным. Выделенные вне поселка огороды для колхозников, бесплатно распахивались и поливались. Оказывалась помощь, как с выделением транспорта для вывоза урожая с коллективных огородов, так и для поездок колхозников на городские рынки городов Орска, Новотроицка, для реализации сельхозпродукции, подвоза дров, угля, стройматериалов и при вспашке огородов.

В колхозе применялись различные схемы материальной заинтересованности и поощрения. Десятки детей колхозников — студенты Вузов, техникумов, школ, учились за счет колхоза и не все из них возвращались в Ащелисай, но они где-то все равно работали на великую страну и это не вызывало недовольства у колхозников — ащелисайцев.

Сегодня отдельные переученные «умники», понятия не имеющие о принципах, сути и правовых порядках, действующих при колхозной системе, критикуют то время и те внутрисельские, отношения, как «халявно-расслабляющие», разлагающе, мол, действующие на сознание и психологию людей. Не стану вступать с такими мнениями в полемику, одно скажу: «Не знаешь, не понимаешь, тем более — не чувствуешь — лучше помолчи… А еще лучше — спроси у людей, да поинтересуйся, как село жило раньше. Нормальное село, где не приживались воры и расхитители, хоть рядовые, хоть руководители, тогда и будешь судить нас, прежних».

Взвалив на колхоз (читай — и на себя) текущие сельские проблемы, Каструбин Г.И.(читай-колхоз), постепенно выстроил систему взаимоотношений со всеми внутри сельскими организациями, большими и малыми, с таким расчетом, чтобы извлекать пользу уже из самого наличия их в Ащелисае. И надо отдать должное и СРМ, и автобазе, и другим, расположенным в селе организациям, они всегда охотно шли навстречу нуждам колхоза и села. Любые необходимые услуги для колхоза, по ремонту, обеспечению, транспортному и вспомогательному обслуживанию и другим направлениям, ими выполнялись в первую очередь, качественно и за символическую плату. Учитывая, во — первых, что они же исправно платили неплохую заработную плату своим работникам, живущим в селе, сами решали отдельные внутри коллективные социальные вопросы, с тем же жильем, обеспечением нуждающихся и т. п.; во — вторых, оказывали внимание «своим» пенсионерам и активно участвовали в общественной жизни села, таким образом, несколько уменьшали обще сельскую социальную нагрузку, ставшую одной из главных забот колхоза, на то время.

Не обижайся, читатель и не подумай ничего плохого, но именно на эту «двадцатилетку», 60-десятых,70-десятых годов, прошлого века, и пришелся пик «Сладкой жизни соленой балки».

Я уже говорил, что до конца пятидесятых годов, и Ащелисай, и окружающие его села, основанные теми же украинскими переселенцами, жили примерно одинаково. Ну, кто-то может получше, кто похуже, в зависимости от обстоятельств. Все улицы — ряд низких мазанок, на которые часто въезжали в бураны конные упряжки, и даже тракторы. На весь Ащелисай не набралось бы и десятка домов, которые имели крыши. Большинство мазанок имели округлый, приплюснутый вид, стояли наполовину вросшими в землю.

С укреплением колхоза, начали крепнуть и семейные бюджеты колхозников. Начиная с

шестидесятых годов, старые землянки начали поднимать, перекрывать шиферными крышами, обматывать стены проволокой и оштукатуривать. Стало модным рядом с землянками ставить новые дома. Потом между тремя сельскими улицами появилось много переулков, уже с новыми, красивыми, просторными домами. За несколько лет, поселок стало не узнать. Рядом с домами, устраивались палисадники, радующие хозяев и прохожих, благоухающими цветами и деревьями. По всем улицам, особенно по — главной, весь день шло движение. Люди, техника, жизнь кипела повсюду. Надо сказать, что купить дом в Ащелисае в то время, стало большой проблемой. Шло переселение из окружающих сел и с других мест, особенно из Украины. Если раньше многие «переселенцы» пятидесятых, появлялись в селе как откуда-то высланные «за 24 часа» (было и такое раньше), то уже в семидесятые, люди приезжали к нам по доброй воле. Откуда-то узнавали, что здесь хорошо, можно жить, работать, иметь какую-то защиту и первичную помощь. Люди, конечно, были разные, но прибывали. И всех мы принимали на работу. Попробуй было не принять, тогда…

Можно сказать и так — в селе было две «главных» жизни: Одна жизнь — это наша работа, я говорю обо всех, кто работал в колхозе. Да, выходные дни и отпуска — только в зимнее время, да, с семи часов утра и до вечера, — мы работали и, как показала жизнь, — неплохо работали, каждый по своему направлению. Мы, каждый в отдельности, — винты, гайки и шестеренки одной цельной машины — крупного, многоотраслевого хозяйства. Эта отлаженная машина не дает сбоев, пока мы, повторяю, все её детали, находимся каждый на своем месте и работаем в едином комплексе. Иногда, даже от одного выпавшего из обоймы винтика, может постепенно рассыпаться вся машина. Тем более, если отвалится её головная часть, как случилось с Союзом ССР.

Абсолютное большинство жителей Ащелисая, работавших в колхозе в то время, понимали и чувствовали это и признавали, как долг, как необходимость, считали РАБОТУ — за первую «Главную» жизнь. Хорошо это было или плохо — только нам дано сегодня судить, и еще Господу, а не каким-то там комментаторам, тем более — чужим, чуждым и кем-то проплаченым.

Но у нас была и вторая главная часть жизни — вне работы. Хотя их (эти жизни), иногда очень трудно было разграничить одну от другой, они часто переплетались, но все-таки были. Мы не были роботами-автоматами, запрограммированными только на работу и работу. Нет, мы старались жить как люди, — дружить, любить, петь, танцевать, веселиться и веселить других, рожать и растить детей, помогать родителям и старшим, отмечать даты и праздники и, живя в селе, понятное дело, — заниматься домашним хозяйством. И на все у нас хватало времени, сил и возможностей.

Появившиеся в домах телевизоры в конце шестидесятых, еще не смущали наши головы круглосуточной многоканальной пустотной чушью, поэтому, несколько раз в неделю, мы, иногда всей семьей, напоив и накормив всех и все в домашнем хозяйстве, при любой погоде, бежали в клуб, позже — в Дом Культуры, посмотреть фильм, неважно — новый или старый. У нас тогда, большинство фильмов было таких, что по пять раз подряд можно было смотреть и полным зрительным залом. По прошествиии лет, — понимаю, больше чувствую, что мы бежали в клуб не только ради того кино, а ради того, чтобы пообщаться с друзьями, родственниками, просто знакомыми. На работе же не всех можно увидеть — а здесь, пожалуйста, можешь перекинуться парой слов, узнать как дела, какие-то новости общего плана и т. п…

Телевизоры, планшеты, смартфоны и т. п. полезные новшества, в нынешнее время, сделали многое, если не все, чтобы расчленить общность людей, разодрать могучий организм человечества на щепу и, простите, на — лыко, из которого потом можно вязать любые узлы… С этого многие сегодня могут смеяться и ехидничать, но, поверьте мне, уже многое и многих повидавшего, на своем веку, — это правда.

Мы не ждали, что кто-то придет и для нас что-то сделает лучше. Мы сами делали это «лучше» для себя и это у нас получалось.

Я уже говорил, что хорошо знал окружающие нас села, знал там многих людей, знал их способности, сильные и слабые стороны, из чего складывались потенциальные возможности каждого отдельно взятого села, и могу сегодня без всякого стеснения сказать, что таких сел как наше, и в социальном, чисто человеческом плане, не то что в районе, а и во всей области, в то время, не было. Ащелисаю здорово повезло на людей, как в нем проживающих, так и временно посещающих. И корни этого уходят в самое его начало, к самым первым его основателям — украинцам. Веселые, добрые люди, умели и весело работать и весело жить. Это передавалось новым поколениям и все сто лет, формировало трудолюбивое, доброе, достойное и по — настоящему толерантное, отношение друг к другу, в сложившемся ащелисайском обществе.

Ащелисай, как добрый плавильный котел, по — хорошему и по- доброму, перерабатывал своих и прибывающих людей в удобную для себя общую массу, постепенно отливая из неё, по необходимости, — то солдат — работников, то артистов, то специалистов разного профиля, то есть, тех, кто был сегодня был ему нужен. Попадавших в село лодырей, воров и проходимцев, не переплавляли, они не приживались и уходили сами, как ненужная накипь — пена. Наверное, поэтому, в селе никогда не было разбоев-разборок, каких либо серьезных драк и т. п… В любое время дня и ночи, люди спокойно ходили по улицам, спали в неогороженных дворах по ночам, гуляли, пели, веселились.

Здесь — хоть смейся, хоть плачь, но где можно было увидеть и услышать такое: — не часто, но раз — два в месяц, особенно в теплое время года, в селе проходили уличные импровизированные вечерние концерты. Заранее оповещенные по рации, обычно по субботам, в Ащелисай собирались «поющие» ребята из разных бригад, кто как мог — на попутных машинах, пешком. Когда я работал в колхозе «Красное поле» — мы, группой человек в 10, ездили в Ащелисай, на тарантасе бригадной поварихи. Приглашения на такие концерты, шли по рации под кодовым названием «Баня». Из диспетчерской МТС поступала к нам в бригаду радиограмма, где было сказано, что меня вызывают на субботу в баню. В переводе на обычный молодежный язык, это означало, что на эту субботу назначаются танцы, после кино, и мое присутствие, как гармониста — обязательно. Тех из поющих ребят, которым надо было идти, к примеру, пахать в ночную смену, мы оперативно меняли на других ребят, не все же ехали за 18 километров на танцы, тем более после непрерывной и тяжелой ежедневной работы на тракторе, а тем, для кого танцы были желаннее, — собирались и ехали. Кто на тарантасе, кто верхом на кобыле, если места не хватало. У меня была одна гармонь в бригаде, а другая, из МТС, — в общежитии, поэтому за пару часов, пока мы ехали в Ащелисай — конечно же, репетировали, в основном частушки. Частушки — дело индивидуальное, каждый подбирал и исполнял куплет сам, главное — чтобы не было повторов. И без всяких «купюр», то есть без цензуры, натурально. Там было, что послушать…Мы собирались возле общежития, потом все гурьбой шли в баню, после бани (святое дело) заходили в местную столовую, как перед боем, принимали «фронтовые» 100 граммов, посылали гонца в клуб, узнать началось ли кино, сколько примерно у нас есть времени до его окончания, потом выстраивались в одну шеренгу, со мною и гармошкой, посредине, и направлялись по главной улице — на север. С музыкой и с частушками. Человек 20–25 растягивались фронтом, чуть ли не во всю ширину улицы — и пели. Принцип очередности был простым: кто возле меня справа, например, запевает, он закончил — поет за ним — следующий, и так, пока шеренга вправо не закончится. После этого начинает тот, кто слева от меня, и так чередуются всю дорогу. А до конца улицы километра полтора, на конце её — разворачиваемся и идем обратно, до самого клуба. К этому времени там уже фильм заканчивался, молодежь оперативно убирала тяжелые деревянные скамейки, освобождая место для танцев, и я начинал

играть. Всем, кроме меня, было хорошо. Слава Богу, что в полночь в селе гасили свет, минут за 15 свет моргал, предупреждая, за это время ставили на место скамейки и все покидали помещение клуба.

В отличии от местных молодых людей, мы, живущие весь сезон в поле, отправлялись в бригаду. Пока я относил гармонь в общежитие, ребята запрягали нашу кобылу, которая все это время отдыхала в конюшне МТС, и двигались на северо-восток, в нашу бригаду, вначале оживленно обсуждая прошедшие выступление и танцы, а потом постепенно затихая-засыпая. Кобыла сама привозила нас в бригаду, часа в три ночи. Ребята переодевались, мылись, а уже в шесть часов завтракали и шли менять своих напарников, работавших ночью. После краткого ежедневного технического обслуживания техники — мы выходили в поле, надеясь — на будущие приглашения «в баню».

Что здесь сказать — вроде бы бытовая мелочь, и только гораздо позже, став уже баянистом, я узнавал от многих местных людей разных возрастов и пола, о том, как им нравились эти натуральные концерты и как они их ждали. Стесняясь нам показываться, в лунные ночи, они прятались в затененных местах, слушали и наслаждались (по их словам). А там было что послушать. Частушка — это готовое цельное произведение, а ребята из разных областей России — умели их подать так, как надо. Мне, конечно, тяжело доставались такие концерты, поиграешь на ходу пару часов, — на улице, потом — часа два-три — танцы, и никаких фитнесов и диет — не надо. Но было интересно и было к кому ехать…Это главное.

Ну ладно там, в молодости! А кто нас заставлял ездить с концертами по району!. Зимой (летом не до концертов), — фанерная будка на тракторных санях, гусеничный трактор, пять километров в час, буран, а мы, как селедки в той будке, ездим по селам за 20–30 километров и даем концерты, естественно, бесплатные. А главное, что нас приглашают и ждут люди! Мы же из Ащелисая! А у нас(в Ащелисае), как я уже не раз говорил, по мнению людей из окружающих сел, — все лучшее, — и хлеб, и песня.

По уровню самодеятельного творчества, мы всегда уступали только коллективам райцентра, понятно, что там были совсем другие возможности, музыкальная школа, да и власть…тоже. Наша волейбольная команда всегда на равных «билась» со сборной района и, когда мы построили при школе приличный спортивный зал, «сборники» не раз приезжали к нам меряться силами.

Имел колхоз свою футбольную команду, и выступали ребята неплохо. Иногда приходили ко мне, просили сыграть за колхоз, если очередной соперник был серьезный. Чтобы им помочь победить, я, редко, но ездил вместе с ними по селам, и последний свой гол за колхозную команду, забил как раз в день своего 33-летия, будучи главным бухгалтером колхоза.

Наша, невзрачная на вид речушка Ащелисайка, берущая начало от бурановских родников, за тысячи лет, пробираясь по соленой балке и, набирая силу из родников, постепенно нашла «слабое» место на стыке гор и степи, и, обходя стоящую на пути возвышенность, промыла глубокое каменистое ущелье, чтобы потом, соединившись с текущей поперек её пути, тоже небольшой, но постоянно текущей речкой Чаушкой, вместе нести свои воды, сквозь нагромождения отрогов Уральских гор, к реке Урал.

Это длинное, глубокое, и широкое ущелье, как продолжение (ответвление) описываемой балки, всего в 2–3 километрах от села, — просто чудо природы. В Ащелисае всегда называли это место обобщенно — СКАЛЫ. Ущелье это походит на мифическую «Землю Санникова». Идешь, идешь по полю — вдруг, после небольшого возвышения — пологий, но довольно крутой спуск совсем в другой мир, другой климат! Противоположная сторона ущелья — высокие щеристые отвесные скалы. По дну бежит веселый прозрачный поток ледяной воды. Глубина — в среднем — до колен, есть местами глубокие ямы, промоины. По левой стороне виляющего ужом ущелья,

берег более пологий, местами даже низкий, заросший всевозможной растительностью, деревьями, со скрюченными стволами, во время весенних половодий, когда ущелье наполовину заполняется бушующей водой, разнообразными кустарниками и сочной изумрудной весь летний сезон, травой. Когда опускаешься вниз и идешь по дну ущелья, забываешь, где ты находишься — на Кавказе, в Альпах, но только не посредине окружающей степи.

В прозрачной родниковой воде, весело бегущей по плоским камням, можно увидеть разнообразную живность: — раки разных размеров, неторопливые черепахи, юркие разнообразные рыбки, и неподвижные, как подводные лодки в засаде, — щуки, готовые молнией сорваться с места, чтобы проглотить какого-нибудь зазевавшегося сородича. Много было представителей других видов горной фауны и флоры.

В прежние времена, когда в селе не было ни велосипедов, ни мопедов-мотоциклов, тем более машин, то есть, не было круглосуточного, как ныне, посещения этих мест любителями чем-то полакомиться, мы приходили в скалы пешком, с сумками через плечо и стальной вилкой в руке. Поднимаешь тихонько камень, чтобы не сильно мутить воду, а там — или рак, или налим. Налим летом впадает в летаргический сон и, когда ты его обнаруживаешь, он начинает медленно так шевелиться и пытаться уйти. Ну, приходилось помогать ему с помощью руки или вилки… Охота — есть охота (Здесь главное — «Есть (кушать) охота»). Весной в этом ущелье полно рыбы, вода бурлит, рыба (любая) заходит с Урала по течению вверх, но это несколько дней в году, потом все речки входят в свои прежние уровни, хотя в отдельных ямах попадаются самые экзотические по нашим местам, виды рыб. Но так как сегодня рыбаков во много раз больше, чем рыбы, то все, что пришло к нам, в том числе случайно, через пару недель после половодья — выгребается различными снастями.

Старожилы рассказывали, сколько было раньше здесь всякой дичи, они первые годы охотой и жили. Да и мы еще застали то время, когда по нашим степям важно шагали огромные Дрофы (птицы такие вкусные по мясу), по берегам рек и оврагов, часто видели барсуков, заходили от Урала лоси, кабаны дикие. К середине лета с юга поднимались в поисках пищи и воды, огромные стада сайгаков, их сегодня вообще мало где встретишь, повыбивали их что ли. Пересыхающие к лету многие реки, образовывали местами большие естественные озера, кишащие рыбой. Сегодня эти балки перекрыли дамбами, где постепенно вода портится, а рыба болеет и дохнет.

Еще при мне, было закупорено направленным взрывом то скальное ущелье, правда, в самом его начале. Там образовалось целое море — глубокое, чистое, и рыба была крупная. Слышал, что это место стало очень популярным, и в нашей области, и в соседней Оренбургской — значит можно ожидать, что и его скоро не будет. Потребителей много, а хозяина настоящего — нет, поэтому и опасаюсь за него сегодня. Без должного контроля и ухода — все может быть.

Хотя, получая информацию из Ащелисая, я все чаще начинаю думать, что может придти такое время, что ту плотину в скалах, придется снова взрывать, как бы в обратном порядке. Спускать воду и восстанавливать все, как было раньше. Теперь понятно, что хотели как лучше…, а получилось такое грубое вмешательство в сложившийся тысячелетиями водный баланс соленой балки, что теперь (вдумайтесь!) — в засушливой степной зоне! — вода заливает село. Заливает подвалы, а на кладбище проваливаются подмытые могилы… Скорее всего вопрос Природа поставит так: — или плотина в скалах — или село. Вместе они не выживут, кто-то должен уйти. Если останется плотина — разрушится село, я не провидец, но опасность такая уже существует. Нет природного сброса воды, почва не промывается, как раньше, остатки воды собираются, растворяют различные, в том числе вредные соли (напомню — рядом — никеле — кобальтовые, радиоактивные рудники), которые еще больше накапливаются в почве и, естественно, в воздухе, в траве, которую едят наши коровы. Оттуда кстати, от тех рудоносных зон, и вода по балке идет,

да и по водопроводу тоже…

Но мы продолжаем разговор о нашей «соленой балке» в не сегодняшнее время, а во время её «сладкой» жизни. А ведь она была реально, и многие еще есть тому живые свидетели. Именно период шестидесятых-семидесятых годов прошлого века и был вершиной, «Пиком» такой жизни.

Некоторые люди называют тот период — «периодом застоя». Если то был застой, то, что тогда называть подъемом, рывком!? — Сегодняшние реформы на селе? Когда вокруг Ащелисая, уже нет соседних сел — Лушниковки, Преображенки, Айтпайки, Рождественки, Бугумбая, Кайракты и почти — Кайрактысая, на ладан дышат Велиховка и Анастасьевка (все называю по старым именам, так как описываем период до 2009 года, года переименований), да и в самом Ащелисае (Григорьевке), уже по улицам больше холмиков на местах домов, чем самих жилых домов, а большинство людей, живших в тот «плохой» застойный, ащелисайский период, переселилось из села на кладбище…

Пройдет время, уйдут те, кто жил в те счастливые годы, придут новые люди. Через пару поколений, забудут всех и всё. Те, новые, кто придет, если конечно от Ащелисая к тому времени не останутся одни холмики, так вот они, будут думать, про то, что увидят (тогда). А увидят они (возможно) — голую иссушенную соленым ветром степь, а их современники, продвинутые будущие ученые, будут «научно» доказывать, что в этих местах, и в этой балке тоже, после походов Чингиз-хана, еще не ступала нога человека и те, новые, — будут этому верить, как верят нынешние молодые, болтовне о том, что в СССР, и в том же Ащелисае, полвека назад, был полный застой.

Ну, все это неинтересно, ни для нас, ни для будущего. А интересно для меня лично то, и я горжусь этим, что именно в эти цветущие для нашего места, годы, мне повезло не только жить здесь, но и непосредственно участвовать во всех главных происходящих тогда процессах. Именно на моих глазах и при непосредственном участии, был достигнут тот наивысший уровень производства и экономической эффективности основных видов продукции, были построены главные производственные объекты и объекты социальной структуры, остатки которых, сохранились по сегодняшний день. Примечательно, что после моего отъезда из Ащелисая, ровно сорок лет назад, больше в селе ничего солидного построено не было. В этом нет ничего плохого — значит все, что было необходимо, было построено тогда, при мне. А ведь главное-то в том, что ничего в селе и в колхозе за сорок лет не было построено только потому, что никто все эти годы и не собирался ничего строить. В предыдущие 25 лет, совсем другими мыслями были заняты головы всех ащелисайских руководителей, снизу доверху. Выходит, что они в эти годы, работали только на вынос, развал, разбазаривание, раздачу всего, что возможно, своим людям и никто ни о колхозе, тем более о селе и его людях, не думал. Разрушается — пусть разрушается, надо просто успеть, что-то выхватить. Люди разъезжаются — пусть разъезжаются — надо успеть прибрать то, что после них остается. Переселяются на кладбище от нужды и болезней — пусть переселяются, надо пустить бульдозер и сравнять с землею опустевшие и разрушенные дома. И так — каждый день.

Да ладно, нынешнюю жизнь соленой балки пусть изучают и описывают другие, после нас, а я, завершаю эту главу, где пытался просто застолбить в виде своеобразных «пазлов»-фотографий отдельные моменты нашей жизни, с тем, чтобы потомки наши, помнили и знали, что они не первые и не последние на этой земле, и надо что-то делать, иначе скоро уже — ничего не надо будет делать… Я не стал рисовать какую-то общую картину жизни прошлого нашего села и его людей, это сложно. Я просто высыпал для тебя, читатель, ворох тех самых «пазлов» (фигурные детали, из которых потом собирают картины) и предлагаю тебе (при желании, естественно), самому складывать всю картину или её фрагменты, как сам понимаешь и чувствуешь. Под общим заголовком: «Были из нашей жизни».

Во второй главе, мы будем говорить только о людях, ащелисайских людях, ибо, все то, о чем уже было сказано — сделано их руками, прошло через их души, и без них никогда бы не появилось. И они не какие-то там — Герои, они герои-Люди!

Говорят, что не место красит человека, а человек красит место…Возможно. Но, что я тебе скажу, дорогой читатель, — знаешь, наверняка, красивое место — в определенной мере, делает по большому счету, более красивыми людей, в нем проживающих. Где-то так и получилось у людей, отдавших нашей соленой балке, все, что они имели, даже саму свою жизнь. И я бы очень хотел, чтобы те, кто прочитает эти строки, по достоинству оценили все их посильные подвиги, за эти прошедшие сто лет! Они это заслужили! Помни об этом, пожалуйста!

Глава вторая
ЛЮДИ

Я долго думал с чего (или с кого) начать разговор о живших и ныне живущих в Ащелисае, людях. И решил, что самое правильное будет, если начать с «Корней», то есть с тех, с кого это начиналось и потом развивалось. И раньше знал это, но не придавал этому особого внимания, — почему, кто и как. Текущая жизнь не всегда оперативно и объективно анализируется, вроде бы как некогда вдаваться в подробности, текучка «заедает». Но по прошествию времени — приходится оценивать людей и события, как бы «со стороны». Более внимательно, с какими-то выводами и объяснениями.

Ты, уважаемый читатель, таких данных не найдешь ни в статистических, географических, экономических, да и в энциклопедических словарях и пособиях, по той простой причине, что их (таких данных), официально просто не существует. Это данные о конкретных людях, объединенных в семьи или одиночках, живых или уже отсутствующих на этом свете, неважно. Важно то, — что они — Были, а отдельные живут и сегодня, что налагает на меня, как автора, дополнительную высокую ответственность за каждое написанное слово.

То, что я буду говорить дальше — результат большой проведенной работы, как с теми немногочисленными источниками информации по нашей соленой балке, так и многочисленных бесед и встреч с людьми разных возрастов, живущих ныне в Ащелисае и вне его, а также (и это, скорее всего, главное для этой книги) — перелопачивание, обработка и выстраивание в памяти, моих личных наблюдений, связанных с этим, дорогим для меня местом. При этом — прошу учесть, — все мои какие-то выводы и характеристики людей и их действий — это то, как я сам думаю и понимаю ту или иную ситуацию; никому не навязываю своего мнения. Ибо это только мнение, а не утверждение.

Любой и каждый, кто хоть как-то причастен к этой теме, имеет полное право высказать свое мнение, возможно даже противоположное — моему; главное, — чтобы оно было объективным и справедливым. С удовольствием познакомлюсь с любыми материалами, связанными с ащелисайской жизнью за предыдущие сто лет, независимо от авторов и используемых источников. Так сложилось, что источником большинства материалов, представленных в данной книге — являюсь я сам, так что не обессудьте, — то, что видел, знаю и как понимаю, — тем и делюсь. Как уже было сказано — я не рисую общую картину, я высыпаю вам мешок «пазлов» и каждый волен сложить рисунок под себя. Итак — с Богом!.:

В моем сознании постепенно созрел общий вывод — как объяснение Ащелисайского феномена: — Основой, фундаментом, всего этого векового действа, сутью этого мощного корабля, если хотите, — «ковчега», под названием «Ащелисай», который появился на голом месте, зацепился за эту землю, вознесся по нашим сельским меркам до небес и уже три десятка лет, потеряв управление, без руля и ветрил, с заглохшим движителем, и полным отсутствием внимания со стороны, продолжает двигаться по инерции в беспросветное непонятное, теряя по пути членов своей команды, — всегда являлись его КОРНИ.

Именно в этом, все эти годы, годы взлетов и падений, была его связующая, цементирующая сила. В его Корнях. Долгие годы, работая в сельском хозяйстве, мне довелось видеть многие села, в разных зонах бывшего Союза. Были они и меньше Ащелисая по размерам и населению, и больше, даже в десятки раз, как например, село Слободзея, где я родился. Но, поверьте, — такого количества этих самых человеческих корней (семей, династий, родственников) на единицу

площади, как говорится, — нигде не видел, в том числе и вокруг Ащелисая, хотя все окружающие его села, все, подчеркиваю, были основаны такими же переселенцами и примерно в одно и то же время.

Ну, будем считать, что нашей соленой балке просто повезло…Что ни корень, так настоящее мощное семейное гнездо. Из тех первопоселенцев, что я еще застал в молодости, никаких там Ильей Муромцев или Алешей Поповичей — не было. Обычные украинские крестьяне, как правило небольшого роста, добродушные, крепкие, выносливые и, как оказалось, — «всемогущие», как в плане адаптации к незнакомым и сложным местным условиям, так и в плане воспроизводства, по-русски — производства потомства.

Иметь в семье меньше пяти детей, — считалось тогда даже неприличным. И дело здесь не в том, что не было электричества, что ночами нечего было делать, пойти некуда, холодно было и люди грелись больше друг от друга. Да, это тоже присутствовало, но главная задача была — сохранение и увеличение семьи, как необходимость с любой точки зрения, а это — появление новых рабочих рук, укрепление и защита семейного гнезда, и, что тоже было немаловажным, — получение прав на расширение выделенного земельного надела.

Поэтому, даже в самые трудные годы освоения соленой балки, первые поселенцы буквально врастали в землю и образовывали настоящие семейные гнезда, которые цеплялись своими корнями за новое для них место, одновременно давали новые побеги и разрастались, за счет новых поколений.

Постепенно, из таких многочисленных «гнезд», путем всевозможных меж семейных переплетений, составивших как бы арматурный каркас (фундамент) будущего поселения, со временем заполненного бетоном жизненной плоти, — и явилось миру то, что мы сто лет подряд называли-АЩЕЛИСАЙ.

Еще раз подчеркиваю — Освоение, заселение и расширение этого поселения, в основном осуществлялось за счет собственных человеческих ресурсов. Все остальные пополнения людьми со стороны, и группами, и в одиночку, или растворялись в общей массе, или отторгались. Они не в состоянии были влиять на сложившуюся демографическую обстановку по соленой балке, тем более, как-то изменять её.

Предыдущие 5–6 поколений ащелисайцев, а это уже дети, внуки, правнуки и т. д., первых поселенцев, переплелись на разных уровнях настолько прочными нитями, и такими разнообразными и запутанными сплетениями, что вряд ли даже компьютер, смог бы выстроить их в какую-то зримую линию, тем более — самый вооруженный знаниями исторических местных событий, человек.

А я и не ставлю перед собой такую задачу. Мы с тобой, уважаемый читатель, просто пройдемся для иллюстрации всего вышесказанного, по отдельным семейным корням. Да, все такие корни имеют право на освещение и память, но у нас на всех просто не хватит времени и места. Поэтому — давай остановимся на отдельных из них, наиболее значимых и знаковых (по моему мнению), как наиболее характерных, в плане именно примера. Не будем отнимать хлеб у других потенциальных авторов, обратившихся к этой теме. Пусть каждый добавит что-то свое, если, конечно, есть что добавить. Итак:

Корни.

К тому времени, как я появился в Ащелисае, то есть, в первой половине пятидесятых годов прошлого века, из тех первопоселенцев, что приехали, как главы семейств, в живых оставалось не так много. Но еще много оставалось их детей. И тех, которые родились еще на Украине и приехали вместе с родителями, и тех, кто родился уже в Ащелисае. Напоминаю, что для меня Ащелисай- (да и для многих, тоже) — это весь конгломерат — от Лушниковки (ащелисайской заимки) и до Барановки. Их не разделишь…

Не удивляйся, дорогой читатель, это я сегодня сам удивляюсь тому, что волею судьбы, пересекался практически почти со всеми теми «Первыми», которых застал. Так получилось. Начнем с этих самых первых; называем только главу семейства и даем краткую характеристику:

Лакшенко.

Мощнейшее гнездо, во главе с Гавриилом Лакшенко; жили в Лушниковке. Для тех степных мест, это село находилось, можно сказать в особых привлекательных условиях. Образованное на пересечении двух небольших, но постоянно текущих рек, с чистейшей родниковой водой, защищенное с трех сторон (кроме южной) высокими холмами от прямых холодных ветров, на пологом восточном берегу приличного озера со всякой водной живностью, ограниченного с запада длинной красивой скалистой стеной, это село, построенное на плодороднейшей лессовой долине, тянущейся вдоль речки Чаушки, было наилучшим местом во всей ащелисайской округе. Там хорошо росли не только различные овощи, картофель, ягоды и фрукты, но и…дети. В семье Лакшенко, их было — восемь, трое ребят и пятеро — девочек. Семья более, чем достойная. Три сына — все стали крупными военными, а внук Гавриила (сын Филиппа), Борис Филиппович, доктор военных и отдельно — космических наук, дослужился до должности начальника Управления космической разведки Генерального штаба Министерства Обороны СССР. Я был хорошо знаком со всеми сыновьями деда Гаврила (Филиппом, Николаем и Иваном), а с семьей Бориса Филипповича, мы долгие годы, поддерживали дружеские отношения, ездили друг к другу в гости, пока он был жив. Примечательно, что все дети-мужчины в этой семье, носили Фамилию — Локшенко, с ударением на первое «О», все остальные, в том числе и Гавриил, — были — Лакшенко.

Вторая ветвь рода Лакшенко, пошла по Григорьевке, там был основателем гнезда — Петр Лакшенко, брат Гавриила. Его я уже не застал, но хорошо знал сына — Лакшенко Иосифа Петровича, много лет рядом работали. Знал и его детей — Николая и Виктора, дочек- Нину и Марию. И эта ветвь — была достойна общей «лакшенковской» фамилии.

Род Лакшенко, по моему мнению, — один из самых ярких и характерных примеров для характеристики внутри ащелисайских родственных связей. Одна из дочерей Гавриила — Наталья (Наля), вышла замуж за Ивана Нода, они поселились рядом с отцом и очень оперативно образовали свой корень, с Десятью детьми. Мы на них остановимся отдельно. Четверо девушек Лакшенко, пошли в другие семьи Ащелисая и за его пределы. Мы на них тоже остановимся, там, где это будет уместно. В той же Лушниковке, недалеко от лакшенковского корня, закрепилось похожее семейное гнездо — Свистуненко.

Свистуненко.

Главой этого семейства, был Степан Свистуненко. Вовсе не богатырь внешне, но очень серьезный был мужчина. Но только — по делам и внешнему виду. А на самом деле — тоже типичный представитель украинской диаспоры — веселый, добродушный и заботливый. В этой семье было семеро детей, четверо ребят и трое девчат. Судьбе было угодно, чтобы и с этой достойной семьей, у меня и моей семьи, были налажены теплые, дружеские отношения, продолжающиеся и по сей день.

Старший сын деда Степана, — тоже Степан, долгие годы командовал всем лушниковским отделением нашего колхоза, был заведующим фермой, а там было чем заведовать — небольшая молочная ферма, группа молодняка крупного рогатого скота и отара овец в 1000 голов. На нем же лежала ответственность за все процессы, происходящие в Лушниковке, включая социально-бытовые, и, надо сказать, он с этим неплохо справлялся. Практически каждый день, в любую погоду, на тарантасе, мотоцикле, на санях или верхом на лошади, Степан Степанович, добирался за 12 километров до центральной усадьбы колхоза и оперативно решал различные текущие вопросы, будь-то обеспечение доставки школьников в интернат, необходимости доставки

кормов, инструменты для искусственного осеменения овец или приобретение лекарств — для пенсионеров. До всего у него было дело, и такой у него был характер. Его жена, Евдокия Гавриловна, кстати, дочь Гавриила Лакшенко, долгие годы торговала в Лушниковском небольшом магазине, помогала Степану в плане сельских забот, используя свои возможности. Магазин в таком месте — одна из сельских радостей, поэтому Евдокия и старалась, а люди её очень уважали, за все сразу — и за происхождение, и за семью, и за её постоянную заботу, не только, как за покупателей, а как односельчан.

Степан Степанович, неоднократно бывал у нас в гостях, по той простой причине, что его старшая дочь и сегодня живет в моем родном селе, со своими детьми и внуками, его правнуками. Сам же он в настоящее время живет в одном из районов Тульской области России. Естественно, я в прежние годы, близко общался со всеми младшими братьями Степана Степановича, — Алексеем, отличный был водитель и одно время — заведующий автогаражом колхоза, Василием и Григорием, первый был — мастером механизатором, второй — отличным водителем, да еще и моим коллегой-гармонистом. Младшая дочь деда Степана, Люба, носила фамилию мужа — Яцук, была одной из лучших колхозных доярок. Корень Свистуненко, по достоинству должен быть вписан в нашу историю о соленой балке, по моему, естественно, мнению.

Нода.

Семейное гнездо «НОДА», уже не относится к плеяде первопоселенцев, это уже из категории «Дети», но я его помещаю в этот, лушниковский ряд «Корней», как яркий показатель человеческих возможностей. Подчеркиваю — Настоящих и Человеческих. При рассказе о семье Лакшенко, я упомянул, что одна из дочерей Гавриила, вышла замуж за Ивана Ноду и, что они поселились рядом и оперативно образовали новый «корень».

Десять детей — и все выросли! И выросли достойными людьми! Конечно же, я был знаком со всеми их детьми, но наиболее тесно общался со старшей дочерью, Любовью Ивановной, мы с ней были коллеги — она работала главным бухгалтером сельпо в Ащелисае, а я — главным бухгалтером колхоза, здесь же. Кроме того, мы гуляли в одной постоянной кампании и еще — её муж, Клевако Александр, был моим хорошим товарищем. Один из сыновей семьи Нода, Николай Иванович (ныне здравствующий), замечательный специалист-ветеринар, много лет работал со мной в колхозе. Все десять детей семьи, постепенно перебрались из Лушниковки в Григорьевку, пополнив другие семьи, где женившись, где, выйдя замуж. Они не «разбавили» Ащелисай, они, наоборот, добавили понемногу чего-то доброго, хорошего, в общую сельскую копилку и тем будут славны во все будущие времена.

Чтобы завершить знакомство по лушниковским семейным корням, назовем еще несколько:

Кравцовы.

Корень Кравцовых в Лушниковке, состоял из двух стержней — Петра Кравцова и Федора Кравцова. Эти гнезда появились уже позже. Они переселились из России, в частности, из Оренбургской области, из-под города Орска.

У Кравцова Федора было пятеро детей, двое ребят и трое девчат. Я их всех хорошо знал, не только по совместной работе, а в первую очередь потому, что младший сын Кравцовых, Алексей, женат на родной младшей сестре моей жены, то есть — мы просто родственники с этой семьей.

Из семьи Петра Кравцова, мне хорошо знаком по многому совместному, в том числе работе, — Александр Кравцов. Прекрасный водитель и хороший человек, со своеобразным спокойным таким чувством народного юмора, в противовес его уникальной, искрящейся украинским юмором, жене, Галине, из корня Ильчевских, о котором — поговорим попозже. А так, как Ильчевские — родня корню моей жены, Калашниковым, а Кравцовы — как уже было сказано — стали нам родственниками по линии Алексея, то мы оказались с семьей Александра в родственных связях с обеих сторон. Но все это не очень-то подчеркивалось, — мы просто по

доброму общались со всеми Кравцовыми, независимо от многих родственных связей.

Горобец.

Семья (Лушниковский корень) Горобец, тоже относилась уже ко второму поколению переселенцев. Глава семьи — Петр Горобец, подвижный такой был мужик, с определенной хитрецой и неограниченным чувством природного юмора. Был большим мастером по работе с разными видами животных, будь-то уход за ними, содержание, лечение, искусственное осеменение и т. п…Имел небольшой для его специальности недостаток — любил иногда выпить…

В семье Горобец было семеро детей, четверо ребят и трое девчат. Трое из четырех его сыновей пошли по линии отца. Володя закончил техникум, работал в колхозе зоотехником по племенному делу, Иван и Анатолий — стали, как называл их отец — «слесарями-гинекологами», то есть ветеринарными санитарами. Звезд они с неба не доставали, но все, включая отца, долгие годы работали на лушниковской животноводческой ферме. Девочки постепенно переселились в Григорьевку и растворились в местных семьях.

Но это была только одна семья из целой «стаи» Горобец, поселившихся в первые годы, по соленой балке…В Ащелисае было еще две крупных ветви с такой фамилией: одна постарше, во главе с Кириллом (трое детей), другая помоложе, во главе с его племянником, тоже — Кириллом (пятеро детей). Естественно, они оставили свой след в жизни села, но женская их часть пошла в другие семьи, а мужчины (дети), как-то быстро растворились по жизни; кто уехал, кто рано ушел навсегда. Короче говоря, «горобцы», сделали свое дело и разлетелись из родных гнезд, кто куда…

В Лушниковке были и другие семейные корни — Кайрашевы, Альменовы, Варфоломеевы и др., но они, во-первых, появились гораздо позже, были малочисленными и особой погоды в общеащелисайской жизни не делали, поэтому, мы их только обозначим и пойдем дальше. А дальше — у нас на очереди освещение основных семейных корней уже в селе Григорьевка (читай — Ащелисае). Если брать по масштабу, массовости и степени влияния на сельскую жизнь, то на первый план, на мой взгляд, можно вынести сразу несколько родственных семей под одной фамилией:

Лысенко.

Под этой фамилией, по нашей балке, проживало сразу несколько мощных семейных корней. Причем, все они были не однофамильцы, а имели кровные родственные связи, не всегда даже особо это афишируя. Может это и не полные данные, пусть кто-то их добавит, но в моем сознании сохранились три узловых момента, связанных с этой фамилией.

Первый и старший по возрасту род Лысенко, в нашем районе, возглавлял Лысенко Тимофей. Разрешаю ехидно смеяться читателю, но и с этой фамилией у меня были постоянные и близкие контакты (Не зря же я взялся за написание этой книги). Так сложилось и это — правда. Не знаю, сколько всего детей было у Тимофея, но трех я знал точно и был с ними близко знаком. Старший сын, Михаил Тимофеевич, был неплохим организатором, в свое время был председателем колхозов — им. Чапаева (соседний колхоз с Ащелисаем) и «Авангард», в селе Кос-Истек. Когда в 1966 году, восстановили Степной район, назвав его «Ленинским» и Кос-Истек стал называться «Ленинское», наш колхоз снимал в доме Михаила, комнату для приезжающих в райцентр колхозников. Естественно, мы постоянно общались и с хозяином дома, он тогда уже был на пенсии, и с хозяйкой, тетей Наташей. Хорошо знал я и сына Михаила — Николая. Вместе играли в волейбол.

Усиливало наше знакомство и то, что младший брат Михаила, Илья Тимофеевич, работал вместе со мной в колхозе, в должности главного агронома. Через братьев Лысенко, я познакомился с их отцом, Тимофеем. Он был из тех самых первых поселенцев в Ащелисае. В то

время дед Тимофей жил у своей младшей дочки, Нины Тимофеевны, в поселке Батамшинский. Когда центр района перевели в Батамшинск, мы с Ильей Тимофеевичем, часто посещали деда Тимофея, пока он был жив, иногда беседовали о первых годах заселения этого края украинцами.

Вторым мощным узлом этой фамилии, было семейное гнездо Ивана Лысенко. Здесь у нас уже были прямые родственные связи. Иван был женат на родной сестре моего тестя, Калашникова Ивана Емельяновича. И все его дети, двое ребят и двое девчат, понятное дело, были двоюродными братьями моей жены. И, кроме того, это звено Лысенко, находилось в прямом родстве с семьей Тимофея Лысенко, так что и сам Тимофей, и его потомки, тоже ходили в наших родственниках.

Сыновья Ивана Лысенко, были здоровыми, красивыми и разумными ребятами. Старший, Петр, был мастером-водителем, сегодня со своей женой, Зоей Григорьевной, проживает в Смоленской области, было у них четверо детей. Петр по характеру — серьезный, степенный, ответственный и немного гордый. Младший, Владимир Иванович Лысенко, к сожалению немного не дожил до своего 85-летия, долгие годы возглавлял в Ащелисае сельпо (сельское потребительское общество, позже — рабкооп), а в молодые годы был киномехаником и заведующим сельским клубом. Мы в те годы, неоднократно выступали с ним на сцене. Дочек из этой семьи Лысенко, уже на свете не осталось, но еще живут в Ащелисае их дети и внуки, продолжая по инерции, жизнь этого, довольно известного в селе корня.

Еще один отросток рода Лысенко в Ащелисае, возглавлял Лысенко Яков, родной брат Ивана… Я был знаком с ним и его потомками, но особых, близких контактов у нас не было, по разным причинам, скорее, — не было причин для этих самых, близких контактов. Сыновей у Якова не было, а двое девчат плавно растворились в ащелисайском пространстве. Так тоже бывает.

Была в Ащелисае еще одна семья Лысенко — Василия Алексеевича. Он родился в соседней Велиховке и был веткой какого-то другого украинского корня, из первой волны переселенцев, но уже по другой балке — Айтпайской, это уже зона колхоза им. Чапаева (Велиховка, Айтпайка, Рождественка). Жена Василия, была из корня Грузиных, мы на нем остановимся отдельно. Сам хозяин, Василий, и его сын, тоже Василий (гуляли мы у него на свадьбе), долгое время (отец — всю свою рабочую жизнь), проработали водителями в колхозе.

Василий — старший, был неординарным человеком, имел отдельные бытовые недостатки, но к работе и семье, относился добросовестно, по крайней мере, старательно.

Помню случай: 1967 год. Я был две недели в Актюбинске, там приехала группа экономистов из Алма-аты и меня, как удостоенного в том году звания «Лучший сельский экономист Актюбинской области», награжденного грамотой обкома партии и путевкой на ВДНХ СССР, пригласили принять участие в разработке новых форм оплаты труда в животноводстве. В 1966 году, были отменены в колхозах трудодни и введена денежная (гарантированная) оплата труда, (со временем уничтожившая экономику колхозов! В.Г.). Ну и республиканское руководство, приняло решение, навести порядок в этой самой новой оплате труда. Нескольким областям было поручено подготовить свои конкретные предложения. Целинограду — досталось зерновое направление, Актюбинску- животноводство, ну и другим областям — тоже разные направления. Приехал я домой, утром, как всегда, иду в гараж на планерку, навстречу — главный бухгалтер, Иванов М.Н… Он спешит, увлекает меня за собой назад в контору и на ходу извещает: Сегодня в районе проводят первое в истории района показательное заседание бюро экономического анализа. Райцентр недавно переехал из Кос-Истека в поселок Батамшинский, райком обосновался в помещении, рядом с баней рудоуправления, и там сегодня собирают все хозяйства, на 10 часов, с анализами за первый квартал. Приглашаются — Председатели, парторги, главные экономисты и главные бухгалтеры,

всех хозяйств. Так как председатель на сессии Верховного Совета, а ты, Василий Андреевич, — экономист и парторг в одном лице, то — поедем вдвоем. Машину уже заказал. Будет Лысенко Василий Алексеевич, на машине, закрепленной за главным агрономом, (тоже Лысенко, Ильей).

Для меня это было определенным ударом. Положение дел — то я знаю, но никаких бумаг не готовил, так как просто не был дома. Это было плохо. Я хорошо знал, как в районе всегда относились к нашему колхозу, поэтому быстро кое-что собрал наспех, сел в машину и вместе с Лысенко, стали ждать бухгалтера. Тот готовил какие-то документы в банк и никак не мог их закончить. Уже восемь, девять часов, Лысенко уже трижды ходил в бухгалтерию и напоминал, что время, что до района 30 километров и что у него машина еле дышит — все бесполезно. Наконец, в половине десятого мы двинулись на Батамшу. Машина шла медленно, Василий вообще быстро не ездил. Был неплохим мужиком, но иногда до предела упертым и неуступчивым. Иванов начал его подгонять, Лысенко сетовал на слабость двигателя. Старенький Газ-69, был пятиместным. Впереди — Лысенко и Иванов, я — сидел сзади.

Когда заехали на территорию соседнего колхоза, Иванов задремал, а Лысенко начал мне рассказывать, как он фронте был пулеметчиком и заставлял своего второго номера высовывать на палке или на штыку, пилотку, чтобы выманить немцев на выстрел, а сам пытался — заметить это место и дать туда очередь из пулемета. Иногда это получалось успешно.

Услышав это, проснувшийся Иванов, иронически спросил у него: «А ты что, был на фронте!?», «А як же, — ответил Василий, — був, кулэмэтчиком!». «А сколько ты там был?» — Иванов. «Пивтора мисяца, потом раныло и демобилизовалы» — Лысенко. Иванов закатился смехом: «Ха, пивтора месяца! А я был на фронте почти три года!». На что Лысенко равнодушно ответил: «Та так, як ты, буты писарчуком в штаби, можно було и десять рокив воювать!». Тут уже взорвался такой же не выдержанный Иванов: «Да какой ты водитель! По три месяца путевки в карманах носишь, твоя Наталья, когда брюки стирает — приносит их в бухгалтерию, девчата их принимают и обрабатывают, она же секретарь сельсовета!».

Ответный ход Лысенко — он останавливает машину и заявляет, что с такими дураками, как этот бухгалтер, он больше никуда не едет, то есть — бастует. «А раз так!» — Иванов выскакивает из машины и пешком направляется домой. Им-то ничего, а я же парторг, и через десять минут начинается заседание бюро.

Кричу Иванову, чтоб вернулся — бесполезно, заставляю Лысенко ехать за ним — не хочет. Время идет. Выхожу из машины, открываю дверь водителя и «вежливо» говорю Лысенко: «Или вы едете за Ивановым, или я вас высаживаю и еду сам в район!». Видимо, подействовало. Поехали, естественно, опоздали…Они нашли друг друга, наскочила коса на камень…Этот мелкий эпизод, тоже из нашей ащелисайской жизни, подробно описан в моей книге «Академия жизни». Бывало всякое, и грустное, и смешное, и что-то даже посредине…

Кстати, а фронтовик — пулеметчик, Лысенко Василий Алексеевич, был отмечен двумя боевыми орденами: Орденом Отечественной Войны (ну их давали при Горбачеве всем участникам боевых действий), а вот другая его боевая награда, — Орден Красной Звезды, нашла своего героя только в 1971 году.

Мы с тобой, дорогой читатель, договорились, что останавливаемся и уделяем внимание, в первую очередь, тем семейным корням, которые прямо или косвенно, повлияли на судьбу Ащелисая за прошедшие годы. Да, каждый семейный корень и отдельные люди, каким-то образом влияли на развитие села, но не все одинаково и никуда тут не денешься. Пойдем дальше по «корням»:

Синица.

Это не про птиц, а про людей. Семьи с такой фамилией, и в Ащелисае, и в других соседних селах — не редкость. Я уже упоминал ранее Ивана Никифоровича Синицу из села Джусала и о

наших с ним почти «родственных» отношениях. В том селе была у него семья, но у меня с её членами не было общений, кроме племянницы деда Ивана, нашей бригадной поварихи. Зато в Ащелисае, людей с такой фамилией, я знал многих.

Первым в этом списке был, естественно, глава семьи — Синица Порфирий. Когда я по приезду в МТС, вышел на работу, то меня направили к нему в помощники. Он тогда работал механиком по сельхозмашинам. Была зима, весь большой машинный двор МТС был завален снегом. Раньше все комбайны на зиму собирали в МТС, так как только в центральной мастерской можно было их зимой ремонтировать. Ремонтный сезон в МТС начинался с ремонта тракторов, которые надо было подготовить к началу весенне-полевых работ. Тракторы, которые в этом году в ремонте не нуждались — оставались на месте, в колхозных бригадах, выполняли там сезонные работы или просто стояли до весны. Те, которые требовали ремонта, по определенной очереди и по-бригадно, направлялись в Ащелисай. Прицепную сельскохозяйственную технику (бороны, сеялки, плуги, культиваторы и т. п.), ремонтировали в бригадах, по колхозам. А новая сельхозтехника из этого списка, как правило, в разобранном виде, лежала по видам, на территории двора МТС. Ожидающие своей очереди на ремонт (после тракторов), комбайны, выступали зимой в виде определенных «снегозадержателей» и из-за них, весь двор МТС, был завален снегом, и не просто снегом, а утрамбованным буранами, многометровым слоем. Где-то там, в снежной глубине, на земле лежали разобранные комплекты всевозможных сельхоз машин. Так как я приехал зимой, то кроме снега, на том месте больше ничего не видел, и не знал, что там и где лежит. Вскоре, бригады начали готовиться к посевной, пошли ежедневные выписки и получения этой техники бригадами. А где её искать под многометровым снегом? Синице выделили несколько человек молодых ребят из живущих в Ащелисае, комбайнеров (раньше это была отдельная каста) и он нами командовал при раскопках. Порфирий Кондратьевич был веселым, флегматичным, несколько даже вспыльчивым иногда человеком, но никто, кроме него не знал, где, что и в каком количестве, лежит под снегом, то есть, где нам копать лопатами, чтобы быстро отпустить какой-то бригаде нужную технику, собранную или в разобранном виде. И он, никогда!!! Не ошибался!. Без всяких записей и справочников, он всегда точно указывал место, где лежало то, что было нужно найти.

Работавшие со мной ребята и представители получателей из бригад, часто не верили, что он такой «всевидящий». Иногда даже спорили между собой, чаще всего на водку. И всегда — тот, кто не верил в способности механика, — проигрывал.

В 1956 году, в паузе между посевной и сенокосом, нас, человек пятнадцать механизаторов, в основном, комбайнеров, живущих в общежитии МТС, собрали из бригад и объявили приказ — срочно всю территорию МТС огородить деревянным забором. А то, мол, машинный двор, превратили в двор проходной: кто откуда хочет — заезжает, при любой погоде, все, что угодно можно вынести с территории и на все четыре стороны, ну и т. д.

С этой целью, закупили два вагона лиственного леса, его было надо распилить на доски и из него же вырезать столбы. Бригадиром над нами поставили Порфирия Синицу. Мы перевезли два вагона леса на территорию колхоза «Передовик», сложили рядом с колхозной пилорамой, устроенной рядом с речкой. МТС взял на время в пользование пилораму вместе с пилорамщиком, Петром Кухливским, и мы с пяти часов утра-до десяти, и снова с пяти вечера до темна, пилили доски. Днем было под сорок градусов жары, и работать было тяжело. Выручала находящаяся рядом речка. Заготовив материал для забора — начали его строительство. Трудно было копать ямы под столбы. Территория двора МТС за многие годы так утрамбовалась и высохла, что земля превратилась в камень и никакая лопата её не брала. Но выкопали мы те 480 ямок, заготовили столбы и рейки, и вот тут я в первый и последний раз в своей жизни, был обруган многоэтажным матом. От того же Синицы. Я выставлял по ямам столбики, а он —

командовал их выравниванием. Когда мы уже поставили часть столбов, я посмотрел на их ряд со своей стороны, подошел к нему и сказал: «Порфирий Кондратьевич, — так неровно же столбы стоят!» и тут же получил от него сдачу: «Слухай, Васыль,! А нэ пишов бы ты к… такой мать! (Он сказал более длинную фразу, мне её просто неудобно дословно приводить). Ты глянь на нього! Та ты знаеш, шо зелизна дорога — и то нэривна, а ты хочеш, шоб забор тоби ривно стояв!?». Больше я к нему с советами не совался, хотя, сколько бы я с ним не пересекался, в последствии, он всегда относился ко мне по-доброму, как к внуку, помня, наверное, нашу привязанность с дедом Иваном, его братом из Джусалы.

Порфирий за долгие годы работы в системе МТС, здорово означил себя, как мастер, пусть небольшого, но серьезного дела, каким являлось обеспечение нужд всей зоны в сельхозмашинах. Он знал всегда, чего и сколько надо, сам выезжал за необходимым в Актюбинск, на базы Сельхозснаба, а это все зимой, на тракторах, в любую погоду и т. д…Его знали и уважали в Ащелисае и в окружающих селах зоны МТС.

У Порфирия Синицы, было три сына. Самым заметным и уважаемым, оставившим действительно достойный вклад в ащелисайскую жизнь, был старший — Александр Порфирьевич. Фронтовик — танкист, после войны работал на тракторе, а потом — многие годы был бригадиром тракторной бригады в колхозе «Передовик». Вошел навсегда в историю Ащелисая, не только как прекрасный организатор производства, но и как воспитатель, через руки которого, прошел не один десяток молодых механизаторов, ставших впоследствии настоящими мастерами. Это был Крестьянин с большой буквы, порядочный, честный, достаточно веселый и общительный. Прекрасный семьянин. Мне посчастливилось работать с ним рядом долгие годы. Знал его еще со времен МТС. Его отметил в памяти не только Ащелисай, его высоко отметило и бывшее большое государство: Ордена — Ленина, Октябрьской Революции, многие боевые и трудовые награды — тому подтверждение.

Неплохими, добросовестными и ответственными ребятами, были его младшие братья — Иван и Михаил. С ними тоже приходилось общаться в разных обстоятельствах и могу сказать о них только хорошее. Семейный корень Синица, пусть и не большой, по ащелисайским меркам, но очень крепкий и довольно заметный. Он тоже вошел в историю соленой балки — достойно и навсегда. Очень близким по многим показателям к этому семейному корню, был в Ащелисае и следующий корень:

Лебеденко.

Главой этого корня был Федот Наумович Лебеденко. Легендарная в поселке личность. Тоже работал механиком в МТС, больше занимался зерновыми комбайнами. Как и большинство специалистов МТС, это был первоклассный практик, знавший тот же комбайн до самого малого винтика. У большинства наших механиков тех времен, за плечами было, как правило, несколько классов школы и какие-нибудь довоенные еще краткосрочные курсы. Но они были все на своем месте, знали и понимали, когда, что и как надо делать и — главное — ДЕЛАЛИ! Лебеденко был одним из них. Не скажу, чтобы он был привлекателен внешне — большая голова, с большими ушами и очень большим, с толстыми губами, ртом и хриплым грубоватым голосом. Крепкими жилистыми кривоватыми ногами с огромными выростами-шишками с внутренней стороны, отчего он все лето ходил босиком. Ну — это внешне. А внутренне — он был совсем другим — не только добрым и доброжелательным, особенно к нам, молодым ребятам, а таким ненавязчивым постоянным Учителем, который всегда к месту и ко времени, появится рядом с тобой и покажет, что и как можно быстрее и лучше сделать. В этом плане он был похож на Порфирия Синицу, они собственно всегда рядом работали, оба отдавали себя любимому делу, за что их и уважали все механизаторы МТС, и не только они.

Помню, первый, уже мужской прикол, я получил именно от этой дружеской пары, в самый

первый год моей самостоятельной работы. Вечер. Я иду по территории машинного двора МТС, где готовил к уборке комбайн, — в сторону общежития. Оно было рядом, через дорогу. Забор вокруг МТС, мы построим только через год, в 1956-ом, поэтому до того года, — все ходили — ездили через машинный двор, как кому вздумается.

Иду я, смотрю слева от меня, по ходу, на днище комбайновой жатки, подложив под себя какие-то доски, — сидят два механика — Лебеденко и Синица. Оба босиком (лето), оба уже раскраснелись и оживленно о чем-то беседуют. Когда я с ними поравнялся, Синица меня окликнул: «Васыль, а ну иды сюды!». Подошел. Тут в разговор вступил Лебеденко: «Кажуть, ты быстро бигать вмиеш?». Я промолчал. «Вмие» — поддакнул Синица. «Тоди — продолжал Лебеденко, — на двацять рублив…Сбигай… до магазыну, та прынэсы нам с Порфирием, бутылку перцовки. А то, шось так мало показалось, шо аж додому йты нэ хочеця!». Они оба жили рядом с МТС, по первой улице, дома друг напротив друга, но видимо, домой им в тот день не очень хотелось, вот и отдыхали после работы…на рабочем месте.

Этот случай я много раз вспоминал по жизни, и, когда в мужских компаниях, нам чего-то не хватало, я часто спрашивал у кого-нибудь из окружающих товарищей: «Ты бегать умеешь?!..», а дальше все было понятно без слов.

Но Федот Лебеденко был не только известный на всю округу механик. О, он был Артист! Самый настоящий! Я видел, как он играл на сцене. Была у них в репертуаре одна коронная пьеса, кажется, называлась — «На царском троне». Федот Наумович играл там главную роль и как играл! Я видел несколько спектаклей в исполнении ащелисайского самодеятельного театра. В примитивном сельском клубе, на маленькой сцене, без всяких технических средств, они играли! И играли так, что мы, сидящие в зале, не замечали, где мы находимся, а переживали, смеялись и плакали, как в хорошем добротном театре. Лебеденко там блистал во всей своей артистической мощи. Слава про ащелисайский «театр» тоже расходилась по району и многие села, хотели бы увидеть игру наших артистов.

У Федота Наумовича было трое детей, сын и две дочери. С сыном Петром, мы работали вместе еще со времен МТС, был он отличный механизатор, комбайнер. А уже один из сыновей Петра, позже работал главным инженером нашего колхоза. Корень Лебеденко тоже оставил свой достойный след в истории соленой балки…А мы пойдем дальше, у нас, слава Богу, этих «корней», еще очень даже немало…

Думаю, будет уместно отметить один такой особенный, прямо цветущий букетом семейный корень. Стебли от этого корня настолько ярко и прочно сплелись с побегами других корней, что очень сложно будет будущим биографам людских судеб, во все этом хитросплетении разобраться. Речь пойдет о семейном корне:

Максименко.

Глава семьи — Григорий Максименко. Вот уж действительно семейный букет: Семь дочерей! И все выросли, и все почти вышли замуж в разные ащелисайские семьи, переплетая и дополняя новыми прочными нитями, уже имевшиеся до того меж корневые семейные связи. Именно этот корень, еще крепче связал между собой семьи Лысенко и Клевако, Лакшенко и Костыря… Эта «семерка», выплеснувшись в ащелисайский мир, не разбавила его, как казалось бы, должно быть, а, наоборот, еще больше объединила отдельные его звенья, способствовала его дальнейшему росту и развитию, через образование следующих новых семей, через детей, внуков и т. д. Очень достойная и нужная семья, прочно вошедшая в текущую жизнь соленой балки. А мы пойдем дальше:

Калашниковы.

Одна из тоже знаковых ащелисайских семей. Давно, еще при царской власти, поселилась в Ащелисае. Глава семьи — Емельян Калашников, сын его брата, Иван, был первым священником

в Ащелисайской церкви. Четверо детей. Один сын и трое дочек. Старшая из всех детей, Пелагея, как уже было сказано, вышла замуж за Ивана Лысенко и способствовала появлению одного из «лысенковских» корней, о котором уже мы говорили, вторая сестра, Мария, вышла замуж за Иона Скопу, и тоже участвовала в образовании нового корня (Скопа), а еще одна сестра — Полина, пошла в семью Грузин, о которой мы поговорим позже.

Сын Емельяна Калашникова, отец моей жены, Нины Ивановной, Иван Калашников, в итоге, стал основателем нового «калашникового» корня. Воевал в Гражданскую войну с басмачами, участвовал в Великой Отечественной войне, был серьезно ранен. После войны, долгие годы возглавлял тракторную бригаду МТС, обслуживающую колхоз «Передовик». У них с женой, Марией Ивановной, было девять детей, правда, из-за сложных жизненных обстоятельств, осталось только пятеро. Из детей Калашниковых, в Ащелисае, осталась, на сегодня, одна младшая дочь; внуки и правнуки её, а также других детей, обосновались в селе Степное и ближайших городах России, а уже наши дети и внуки, Гурковские, которые тоже вышли из их рода, рассыпаны по многим местам, ближнего и дальнего зарубежья. Но, где бы кто из них не жил, все они знают и помнят свои ащелисайские корни. Тем более, — я уже говорил, что все наши трое детей, родились в Ащелисае. И гордятся этим.

Давайте, вспомним о нескольких корнях под общей фамилией:

Дмитрюк.

По жизни мне довелось познакомиться и близко общаться с двумя семейными ветвями под такой фамилией — Ивана Дмитрюка и Александра Дмитрюка. Истоки обоих ветвей уходят тоже к первопоселенцам по ащелисайской балке.

Ивана я не застал, зато застал его сыновей, Михаила и Николая. Вместе мы работали еще в МТС; после армии, я работал в колхозе, а они так и продолжали работать в мастерских бывшей МТС, уже под вывеской СРМ (спецремонтной мастерской). Оба были высококлассными и уважаемыми специалистами. Николай Иванович работал токарем, мы с ним входили в оперативную музыкальную группу при сельсовете, то есть, играли, когда власти это было надо, в день выборов или в другие праздники. Его дочь, Лариса, училась с моей старшей дочерью, Екатериной, в одном классе все десять лет. Сегодня Лариса Николаевна — директор своей родной Ащелисайской школы, уважаемый в селе и в районе человек.

С Михаилом Ивановичем — тоже часто пересекались по жизни, тем более, наши семьи всегда гуляли в одной постоянной компании. Николай был по характеру не очень сговорчивый, Михаил же в этом плане, был совсем другим, спокойным, рассудительным, добродушным.

С корнем Александра Дмитрюка, (у него было пятеро детей, три сына и две дочки), у меня были более тесные отношения. С главой семейства — работали вместе еще при МТС, потом долгие годы постоянно общался с его сыновьями — Николаем Александровичем, Михаилом и Павлом Александровичем. Потом Михаил куда-то уехал, а старший и младший, всю свою жизнь отдали колхозу, читай — Ащелисаю. Это были прекрасные, думающие механизаторы. Трактористы, комбайнеры, руководили подразделениями — и всегда они были среди лучших. С Павлом мы даже одно время занимались культпросвет работой, он заведовал клубом, а я был секретарем партийной организации колхоза. Бывали времена, когда мне приходилось садиться за штурвал комбайна, работая совсем в других ипостасях, и Николай, и Павел, всегда сами приходили мне на помощь, за что я им буду благодарен, пока буду жить. Знаешь, дорогой читатель, если нынешний профессор, академик и писатель, в одном лице, благодарит кого-то за помощь при работе им много лет назад, на комбайне, то в этом что-то есть такое, наше, крестьянское, славянское и природное. То есть то, на чем держалась всегда наша земля и чем жили наши люди, в том числе и по соленой балке.

С Павлом Дмитрюком, мы и сегодня поддерживаем живую связь. Совсем недавно, я послал

ему свою новую книгу, «Семь жен Петра, кузнеца-гинеколога», вышедшую в Москве, в известной серии «Современники и Классики». Надеюсь, что ему и его потомкам, которых я к сожалению, не знаю, — понравится. Иметь таких хороших товарищей — большое счастье. Эти два корня Дмитрюков, тоже внесли свою лепту в общую ащелисайскую копилку, за что им соленая балка тоже будет благодарна вечно. Достойная фамилия и более, чем достойные люди. А мы пойдем с тобой, читатель дальше. Еще одна культовая ащелисайская фамилия:

Клевако.

В истории Ащелисая, это тоже довольно известная фамилия. Известный и довольно мощный корень Клевако, еще в давние времена заселения соленой балки, постепенно выдал три новых солидных ветви. Две из них прижились а Ащелисае, а одна (может, были и еще — мне не известно), пустила корни по другой, Кайрактысайской балке, в районе соседнего с нами села Бородиновка. Остановимся на двух семейных ащелисайских корнях, раз уж мы договорились вести разговор только о жизни в пределах нашей соленой балки, то характеристики представителей этого корня из других сел, предоставим будущим авторам.

В Ащелисае было две семьи под такой фамилией: Александра Клевако и Владимира Клевако. Отцов их я не застал, а с обеими матерями, сестрами и братьями указанных главных семейных мужчин, приходилось общаться по жизни и не раз.

Александр Клевако, всю свою сознательную жизнь, проработал в МТС (позже в СРМ), был не только токарем-фрезеровщиком высочайшего класса, но и уважаемым в селе мужчиной и человеком. Имел прекрасный высокий чистый голос. Я помню, когда он пришел из армии, крепкий такой, приятный парень. Мы многократно пели вместе с ним, или дуэтом, или я ему аккомпанировал на баяне. Много лет, мы с ним были добрыми товарищами, ходили друг к другу в гости, и гуляли в одной постоянной компании. Его жена, Любовь Ивановна, старшая из детей по корню «Нода» (мы уже о нем говорили), была такой небольшой, аккуратной и заботливой женщиной; довольно грамотной, работала долгие годы главным бухгалтером Ащелисайского сельпо, то есть, была моим коллегой и, понятно, что мы общались и по работе.

Была у Александра и сестра, Люба, тоже всю жизнь проработала в МТС /СРМ. Дети этой семьи Клевако, разлетелись в разные стороны, еще при Союзе. Эта семья по праву считалась одной из «опорных» в ащелисайской среде.

Представитель другой ветви, Владимир Клевако, вначале, вместе с мамой, младшими братом и сестрой, жил по главной ащелисайской улице, напротив сельского клуба. С ним я знаком более 60 лет. Вместе работали в МТС, вместе гуляли в молодости, в один год — поженились, мало того, одна из наших дочерей и одна из их с Любой (так звали его жену, она была из того цветастого букета Максименко, о котором, мы тоже говорили), дочерей, родились в один год, в один день, и были названы одинаковым именем — Марина. Поверьте, мы об этом заранее не договаривались, узнали уже позже. Так вышло по судьбе.

Володя — хороший, крепкий и настоящий мужик. Порядочный и стабильный, иногда вспыльчивый, но быстро отходчивый Мы с ним пересекались большое количество раз по разным направлениям, попадали в различные жизненные ситуации, но всегда выходили из них достойно, помогали друг другу, где было нужно; и я очень благодарен ему за все вместе пережитое. Он всю жизнь отдал родному колхозу «Передовик». Был и прекрасным мастером комбайновой уборки, и отличным водителем, и хорошим организатором, на том участке, где ему поручали руководить людьми. Это — на сегодня — живая история нашего села и наша гордость.

Младшая его сестра, Лида, была одноклассницей моей жены, Нины Ивановной; выучилась на бухгалтера и многие годы работала в колхозной бухгалтерии. Брат, Александр, давно проживает где-то под Чимкентом. Сын с семьей живет в Тирасполе, а все дочки с семьями, разбросаны по миру, от Батамшинска — до Дальнего Востока.

Жалко расставаться даже с рассказом о таких людях, но у нас с тобой, дорогой читатель, впереди еще много семей и отдельных людей, о которых есть что сказать и, которые тоже оставили свой добрый след на этой земле.

Напомним всем, кому интересна судьба нашего места, еще про один тоже довольно-таки мощный семейный корень, выдавший Ащелисаю, целый букет своих сочных, крепких и красивых веток, которые тоже вплетались в этот удивительный и прекрасный ащелисайский венок:

Бойко.

Очень удачный и приличный семейный корень. Добротный такой, типично украинский, и внешне и внутренне.

Родоначальник — Иван Бойко. Трое детей — два сына, Анатолий и Владимир, и дочь — Валентина. Иван Бойко ушел на фронт и не вернулся, сообщили, что пропал без вести в первые дни войны. После войны, эта семья объединилась с тоже известной в Ащелисае семьей, Андрея Таранца. У того ушла из жизни жена и тоже осталось трое детей. Жили объединенной семьей с шестью детьми, позже у них появилась совместная дочь.

Мы вспомним обе семьи, Бойко и Таранец, как одну уже объединенную. Начнем со старшего. Андрей Селиверстович Таранец, при мне был бригадиром полеводческой бригады в колхозе «Передовик». Высокий, подтянутый, серьезный, легкий на руку, я к тому, что мог и руку поднять на какого-нибудь нехорошего человека; он пользовался заслуженным авторитетом в селе. Жили они одной семьей, но все дети семьи Бойко, носили свои фамилии, а дети Андрея — свои. Только младшая(совместная) дочь Тая, была под фамилией Таранец.

Анатолий и Владимир Бойко, выросли достойными людьми, много лет работали водителями, позже Анатолию Ивановичу доверили руководство Ащелисайской автобазой, Володя до пенсии, работал заведующим складом запасных частей в колхозе. Оба были уважаемыми людьми. Естественно, я с ними обоими общался и по работе, и по жизни, больше, конечно с Володей, так как вместе работали.

Их сестра — Валя Бойко, действительно была (и есть) — бойкой и веселой по жизни. Обладала прекрасным голосом, выступали мы вместе с ней в сельской самодеятельности. По прошествии времени, могу сказать — если бы ей удалось получить достойное музыкальное образование, Валя блистала бы на любой сцене. Она вышла замуж в состав тоже известной в селе семьи, — Бондаренко, муж её, Володя, был не очень в большом восторге от её вокальных талантов, поэтому она так и не вышла на большую сцену. Валентина Ивановна сегодня живет с детьми и внуками на Кубани, и мы до сих пор поддерживаем с ней, хоть редкую и «тоненькую», но связь.

Сын Андрея Таранца — Николай, был внешне похож на отца, но по характеру был другим, твердым, разумным, покладистым и понимающим. Отличный механизатор, со временем — возглавлял в колхозе тракторную бригаду. Женился на школьной учительнице, Ружиной Любови Яковлевной, чем соединил семьи Бойко-Таранец с еще одной мощной династией, Ружиных, расселившейся в Джусале, Новороссийске и других местах. Любовь Яковлевна, высокообразованная и энергичная женщина, долгие годы была директором Ащелисайской средней школы, в настоящее время проживает в райцентре, поселке Батамшинский. Мы с Николаем хорошо знали друг друга, иногда общались уже после нашего отъезда из Ащелисая. Поздравляли друг друга с праздниками, я передавал им свои книги. К большому сожалению, Николай Андреевич ушел из жизни в начале текущего, 2017 — го года. Вот такой грустный конец у этой доброй истории.

Ну, а жизнь продолжается, и нам с тобой, дорогой читатель, еще придется познакомиться со многими достойными внимания семейными корнями, благодаря которым, соленая балка стала-таки Ащелисаем. Запасись терпением…

Лынник.

Тоже солидный семейный корень. Мне не довелось застать кого-то из основателей этого рода, того же Герасима Лынника, но зато, был хорошо знаком с тремя мощными его ветвями, расположенными по главной улице, таким своеобразным прямоугольным треугольником:

Михаил Лынник — трое детей, двое ребят и дочь. Отец-Михаил — всю свою жизнь проработал в колхозе, начинал механизатором еще при МТС. Настоящий труженик — крестьянин. Из троих его детей — двое уехали, но старший сын, Александр, замечательный парень, всю свою жизнь проработал в колхозе, водителем, мы еще вернемся к нему, в других разделах этой главы. В силу разных причин, я был хорошо знаком со всеми членами этой достойной семьи.

Павел Лынник- семья, шестеро детей. Все дети рассеялись по разным семьям, особо ничем не выделялись на общем сельском фоне, но сам Павел всю жизнь проработавший в колхозе на тракторе, был отличным работником. Иногда любил поговорить на разные темы, но, имея такую семью и лишившись рано ушедшей из жизни, жены, никогда не жаловался и мужественно переносил все неприятности. Так как семья жила напротив нового Дома Культуры, у нашего сельского, да и районного начальства, в прежние годы, была привычка, водить к ним приезжих гостей, особенно, иностранных. Гостям показывали, как живет многодетная семья, чем она располагает, какой у неё семейный бюджет и, хорошо ли ей жить при колхозе и, естественно, при советской власти. Ну, это было в те времена, когда еще была жива жена Павла.

Федор Герасимович Лынник, — жил напротив вышеуказанных семей, через улицу. Высокий, серьезный, опытный и солидный мужчина. В семье было трое детей — дочь и два сына. Сам Федор всю жизнь проработал в системе кооперативной торговли, то есть — тоже работал на обеспечении жизни Ащелисая и повышение его имиджа. А вот его сын, Николай Федорович, — с молодых лет работал в колхозе механизатором. Был не просто хорошим работником, а одним из лучших. Орден Трудового Красного Знамени и орден Трудовой Славы, которые он носил на груди — даром не давали.

Были в Ащелисае и еще люди с такой фамилией, вне этих корней, но особой жизненной позиции не занимали, поэтому мы на них не будем отдельно останавливаться. Хотя я просто обязан сказать несколько теплых слов о жившей как-то отдельно от своих родственных корней — и Лынник, и Малюченко, — Евдокии Лынник. У неё была трудная судьба, и со здоровьем было не все в порядке, но наша семья ей очень благодарна за помощь и заботу о нашей дочери Марине. Детского сада тогда в селе не было, у нас уже было двое детей, оба работали и младшую — днем, девать было некуда. Несмотря на свое трудное положение со здоровьем, Евдокия, согласилась смотреть за Мариной и несколько лет (пока не появился детский сад), это делала, обращаясь с ней, как с родным ребенком. Это тоже была работа на сельское благо; мы могли спокойно работать, уверенные в том, что с дочкой все будет нормально. Спасибо еще раз этому доброму человеку!.

Одним из очень уважаемых в селе, был и семейный корень:

Куцевол.

Глава династии — Арсений Куцевол. В семье было пятеро детей — три сына и две дочки. Очень показательным было участие этой семьи в общесельских делах. Дед Арсений, долгое время работал в школе, прививал детям навыки к труду; при мне ушел на пенсию, а вот три его сына, — Иван, Анатолий и Петр, одновременно и очень здорово, работали во всех трех ведущих производственных предприятиях Ащелисая: Иван — был всю свою рабочую жизнь привязан к МТС/СРМ, слава его как токаря, разносилась по всему району, Анатолий долгие годы успешно трудился в Ащелисайской автобазе водителем, а Петр, и тоже всю свою трудовую жизнь, посвятил колхозу «Передовик» и был одним из лучших наших комбайнеров. Жена его, Полина —

долгие годы, была лучшей дояркой на колхозной молочной ферме.

Здесь уже — ничего ни добавить, ни убавить — и корень, и его семьи-ветви, прожили жизнь в соленой балке, более чем достойно и навеки вписались в ащелисайскую память.

Не менее солидным выглядел на общем сельском фоне и довольно мощный и значимый семейный корень:

Костыря.

Глава семьи — Федор Костыря. Шестеро детей, пятеро сыновей и дочка. С Федором и его старшими сыновьями, мы вместе работали еще в МТС. Один из сыновей, Иван, — уехал, дочка вышла замуж перешла в семью, о которой мы только что говорили (Куцевол), и потом тоже уехала, а вот все остальные члены семьи, довольно ярко означили свое присутствие, и в Ащелисае, и в районе.

И сам Федор, и его дети, буквально все, были серьезными, порядочными и надежными людьми. Отец до пенсии работал в колхозе; отличным механизатором — комбайнером, был старший его сын — Михаил Федорович. Внешне он был несколько странным, казался медлительным, редко вступал в какие-то обсуждения незнакомых тем. Помню, в 1966 году, мне, — главному экономисту и секретарю парторганизации колхоза, пришлось сесть за штурвал комбайна. Едем мы утром в Бугумбай, там косили просо, а Михаил снимает шапку и обращается ко мне: «Знаеш, Андреич, — як шо в фуражци нэ зарабыв на комбайни, то в шапки уже нэ заробыш!». Что тут добавить. Еще, помню, у него была такая «животная» добрая страсть. Он весной (ежегодно) стриг свою рыжую собаку, «под пуделя», оставлял ей «львиную» прическу на голове и коричневую кисточку на хвосте. Ну, хоть в цирке с ней выступай. И, знаете, людям это нравилось. Глядя на это качественное произведение искусства, люди улыбались, просто и радостно.

Настоящим человеком и работником был и Петр Федорович. Безотказным, честным и уважаемым, как среди коллег-, так и среди других сельчан. Он тоже всю свою трудовую деятельность провел в родном колхозе, работал на различной технике и был настоящим мастером своего дела.

Мне не пришлось общаться с еще одним сыном Федора Костыри, — Павлом. Но слышал и знаю, что он грамотный толковый специалист, умелый организатор, долгие годы работал в различных управленческих органах нашего района, что дает право Ащелисаю гордиться своими воспитанниками и на более высоком уровне. Семья Костыря, за долгие годы своего развития, заняла в ащелисайской среде, свое достойное место.

А мы продолжаем листать эту замечательную книгу жизни родной нашей соленой балки. Следующий достойный семейный корень:

Малюченко.

Главу семьи — Андрея Малюченко, мне застать не довелось, но зато довелось близко познакомиться с целым букетом семей из его потомков. А их набралось пять мощных ветвей, по количеству его детей. Два сына и три дочери было у Андрея.

Старший сын — Григорий Андреевич- всю трудовую жизнь проработал в колхозе «Передовик», ушел на пенсию с должности освобожденного председателя профсоюзного комитета. Сыновья его тоже все работали в колхозе, один из них, даже возглавлял правление колхоза в предразвальные годы Советского Союза. Нельзя сказать, что очень преуспел в этом руководстве, но, что было, то было.

Сам Григорий Андреевич, был человеком приметным, крупным, солидным, иногда мог вспылить, но, в общем, с ним можно было работать. Когда я был парторгом, да и во все остальные годы, мы с ним постоянно общались по работе, были и в совместных компаниях. Он в компании был всегда веселым, пел украинские песни, особенно (всегда) пел про то, «Как

служил я у пана…первое лето… и дальше…про курку-чебатурку…». Если я играл на баяне, он обязательно устраивал «колокольно-бутылочный» подыгрыш. Наливал бутылки водой, по разным, только ему знакомым уровням, подвешивал их на шпагат, а потом двумя металлическими ложками вызванивал по бутылкам подобие мелодии, подыгрывая баяну.

Три его сестры, жили практически рядом, потом к ним присоединился и младший брат, Леонид. Леонид Малюченко, работал на тракторе в колхозе, сестры были замужем в разных ащелисайских семьях. У всех были дети, так что все пять семей из этого корня, параллельно развивались, понятно, что не все одинаково, ибо жизнь — есть жизнь.

Но в общечеловеческом (общеащелисайском) плане, эта семья и особенно, её главный представитель — Григорий Андреевич, пользовались определенным уважением и авторитетом и тоже оставили свой добрый след.

А мы продолжим вспоминать основные семейные гнезда, благодаря которым так удачно заселилась наша соленая балка:

Шовкун.

Главная личность этой семьи — Шовкун Анисим. Приехал с Украины подростком, с родителями. Потом — образовал свой семейный корень. В семье было двое детей, Иван и Александр. Иван всю трудовую жизнь работал в колхозе, водителем. Не могу сказать, что он был одним из лучших водителей, но работал добросовестно, без замечаний. Не любил рисковать или брать на себя какие-то дополнительные нагрузки, но проработал свой водительский век, как мог. Век у него вышел не очень длинным, по причине состояния здоровья.

Александр Шовкун, был практической противоположностью старшему брату. Окончил Темирскую «Субакадемию», так называли годичную школу животноводов в городе Темире, на юге нашей области. Кстати, там была и «Академия» — так называли во всем Западном Казахстане, — Темирский зооветеринарный совхоз-техникум, который, между прочим, много лет назад, с красным дипломом закончил и автор этих строк.

Александр долгое время возглавлял в колхозе свиноводческую ферму и довольно таки успешно, до тех пор, пока на ферме не случилось ЧП, по вине — сторожа (мы к этому случаю еще обратимся в других разделах).

Мы с ним вместе выросли, еще до армии общались, потом в колхозе много лет вместе работали. Он был серьезным и разумным парнем, хотя мог иногда что-то «выкинуть» неординарное.

Как-то из Тольятти приехал в отпуск бывший директор Ащелисайской МТС, а потом и нашей автобазы, Кучеренко Яков Маркович. Я при нем работал и в МТС, и немного в автобазе. Ну, приехал, так приехал. Меня он хорошо знал — приходят они ко мне домой втроем, Яков Маркович, Шовкун Александр и Каркулов Бахиткерей, он у нас тогда был главным зоотехником колхоза. Они собственно, приехали, на тарантасе Каркулова. Сказали мне, что вызывают меня в контору, кто-то, мол, приехал из района. Как раз была суббота и 22 апреля — День рождения В.И.Ленина. А еще тогда был парторгом колхоза, ну и поверил им, что кто-то приехал. Когда мы отъехали, они, смеясь, сказали, что никого нет, а просто они предлагают поставить сеть на озере и наловить рыбы.

Поехали на Преображенскую плотину. А там — возле дамбы вода, а вверху — еще по кустам — снег со льдом не растаял. Вода — градуса 3–4 тепла. Передумали мы ставить сети, у Кучеренко был с собой неплохой «тормозок», там было что выпить-закусить. Ну, сидим — день рождения вождя отмечаем. И тут Каркулов говорит: «Василий Андреевич! Спорим на литр коньяка, — сейчас искупаюсь в озере!». Я говорю — чего там спорить, мы и так сидим, коньяк пьем. Каркулов настаивает спорить. И тут проявляется характер Шовкуна: пока мы спорили, он разделся,…побежал в воду и поплыл!. Тут уже не до смеха, я же еще и секретарь

парторганизации! Раздеваюсь — тоже к воде, за мною — Каркулов…Пока добежали мы, — Шовкун — уже выходит на берег: «Шо, испугались спорщики!?». Обтерли его какой-то дерюжкой, налили стакан коньяка и поехали домой. Он на другой день — даже не чихнул ни разу, не то, что не кашлял. Другие были времена, да и другие люди.

Я это к тому, что были среди наших коренных семей и такие отчаянные ребята. А память о семье Шовкунов, в Ащелисае осталась, и память добрая.

Пришла пора вспомнить и еще одну довольно серьезную семейную фамилию:

Грузин.

Обращаю внимание, что фамилия никакого отношения к Грузии и грузинам, не имеет. Вообще. Ударения в этой фамилии, падает на букву «У».

Главу этого мощного корня, именно Ефима Грузина, а было в селе еще два корня под такой фамилией, я не застал, зато судьба сводила с представителями всех Восьми! мощных веток его потомков.

У Ефима было восемь детей. Двое от первой жены — Иван и Наталья, и шестеро от второй: Николай, Петр, Федор, Рая, Татьяна и Мария. Все четверо девчат пошли на образование новых семей в династиях Лысенко, Куцевол, Костыря, Слободенюк и там развивались дальше, через детей, внуков и т. д…

Из мужчин этой семьи заметно выделялись братья — Иван и Николай.

Иван Ефимович — прошел всю войну, свою трудовую жизнь проработал в колхозе «Передовик», и при МТС, и после её упразднения. Один из лучших комбайнеров района. Кавалер ордена Ленина и многих боевых и трудовых наград. После возведения в колхозе мельницы, до самого выхода на пенсию, возглавлял мельничное хозяйство. Очень уважаемый был человек в Ащелисае.

Николай Ефимович — работал на разных ответственных участках ащелисайской жизни. Много лет работал председателем Ащелисайского сельского совета, был освобожденным председателем профкома и секретарем партийного комитета в колхозе «Передовик». В настоящее время проживает в городе Уральске.

Естественно, со всеми представителями этого мощного корня и многими их потомками, мне приходилось часто общаться, как по работе, так и вне её. Ничего, кроме чувств уважения и определенной благодарности к ним, у меня не возникало. Понятно, что многие из них, через другие семьи, ходили в наших родственниках. К примеру, сестра моего тестя, Ивана Емельяновича Калашникова, Полина Ивановна, была замужем за Грузином Григорием, ну и так далее. В Ащелисае, за какую ниточку не потяни, — весь клубок потянется…

А мы движемся по балке дальше:

Ильчевские.

Я хорошо помню главу этого семейства — Никиту Ильчевского. Сухощавый такой, живой и веселый был дядька. При мне — работал в МТС. А еще любил детей, особенно их производство. Их в семье было семеро. Четыре парня и три девушки. Ну, девушки пошли в другие семьи. Где-то выезжали с мужьями, где-то — образовывали новые ащелисайские ветви. Все ребята, Ильчевские — образовали новые семьи- и уже имеют и внуков и правнуков.

Я их всех знал даже по той простой причине, что эта семья — была родственная с семьей Калашниковых, то есть, с нашей семьей.

Старший сын, Иван, был хорошим трактористом, был наиболее гордым и выделялся желанием показать себя, но человек был наш, надежный. Кстати, как и все ребята семьи: — все работали на имидж поселка — Иван всю жизнь проработал в МТС и колхозе, Петр- занимался поселковой и окружающей телефонной связью, Леонид — высококлассный специалист-ремонтник, всю трудовую жизнь отдал МТС/СРМ, Николай, тоже всю жизнь проработал в

колхозе «Передовик», занимаясь благородным делом осеменения коров, искусственным, естественно. Стал в этом деле известным мастером районного масштаба. Если в первые годы, когда в Ащелисае только внедрялось это самое искусственное осеменение, отдельные люди смеялись, намекая на то, что многие колхозные телята на него похожи, то, со временем, когда яловые коровы в колхозе стали редкостью, его — осеменатора, — доярки стали величать только Николаем Никитовичем… Вся семья Ильчевских разговаривала только по-украински. Этот дружный семейный корень, был наполнен доверху, таким непосредственным природным юмором. Они не шутили на публику — они просто так жили.

Помню, одна из дочерей, Надя, (была замужем за хорошим парнем, Кравцовым Александром) как-то при мне, вполне серьезно жаловалась в кампании другим родичам-женщинам: «И шо цэ за телевизор! Колы нэ включиш — тилькы — хотей…,та хотей!». Как и другие семьи из «коренных», Ильчевские, тоже внесли свой вклад в жизнь соленой балки.

Еще один родственный нам семейный корень:

Крупские.

Нет, это не были родственники той, «Крупской», (жены В.И.Ленина), просто однофамильцы, а вот нашей семье, это была близкая родня — жена главы этой семьи, Кирилла, — Полина, — была двоюродная сестра моей тещи, Калашниковой Марии Ивановны.

В семье было пятеро детей — два парня и три девушки. Оба парня — здорово означили свое присутствие в Ащелисае. Иван — проработал всю жизнь в МТС/СРМ, со временем стал мастером-слесарем высочайшего класса, мог выполнять самые сложные заказы по своей профессии. Марка его, как слесаря, ценилась не только в Ащелисае, в районе, а и за его пределами, так как СРМ, было предприятие, работавшее на весь Запад Казахстана. Младший брат Владимир, тоже был неплохим специалистом — ремонтником и даже одно время, был директором Ащелисайской СРМ. Были, конечно, и неприятности в этой семье, касающиеся личной жизни женской части семьи. Если у старшей сестры, Надежды, жизнь сложилась более-менее удачно, то для умных, порядочных, трудолюбивых и заботливых, младших сестер, — Зои и Любы, не совсем удачное замужество, если сказать помягче, — особой радости не принесло. Ну, что тут скажешь, — и такое, и такие, в Ащелисае случались тоже. Я бы дал этой семье общую характеристику, как «Добрая, заботливая, умелая». И все это шло в первую очередь — от матери, тети Полины. Сухонькая такая, жилистая, постоянно в движении и в заботах, как Матка в пчелиной семье, — такой я её запомнил на всю жизнь.

А мы с тобой, дорогой читатель, если тебе еще не надоело, идем дальше. Следующий семейный корень:

Криворучко.

Я хорошо помню деда Степана Криворучко, главу этой очень приличной семьи. У них было трое детей Екатерина, Надежда и Михаил. Как и большинство ащелисайских семей, они тоже были навечно связаны с другими семейными корнями. Одна дочь была женой Грузина Ивана Ефимовича, мы этот корень уже рассматривали, другая вышла замуж за Николаенко Николая, командовавшего долгие годы ащелисайской подстанцией, а Михаил связал свою судьбу с корнем Лысенко Ивана, женился на замечательной его дочке, Лидии, опять же, двоюродной сестре моей жены…

Из всей семьи, наиболее ярким её представителем был Михаил Степанович. Мы с ним вместе работали еще в МТС. В те времена в нашем районе не было своей нефтебазы, и все необходимое горючее возили из Орска. Так вот много лет, Михаил Криворучко, на пару с представителем тоже известной в Ащелисае семьи, Гончар, — Николаем Петровичем, на двух небольших машинах- горючевозах, обеспечивали нужды МТС всеми видами топлива для движущейся техники всех видов. И делали это в любую погоду и любое время года.

Потом Михаил немного подучился и стал заведовать всем ремонтным хозяйством СРМ. Это был действительно великий мастер и без дипломов. Таким грамотным умельцам, можно без всяких экзаменов выдавать дипломы любого уровня. Для него — хоть по машиностроению, хоть по металлообработке, хоть по материально-техническому обеспечению — все равно — будет уместно. Без его участия, вряд ли СРМ была бы такой, какой она стала в лучшие годы.

Из этого мощного корня сегодня сохранились три ветви и одна из них, — в Ащелисае. Это уже дети и внуки Михаила и Лидии Криворучко.

Было бы несправедливо не вспомнить еще об одной крепкой ащелисайской семье, о которой в Ащелисае, на сегодня, осталась только память:

Кошарные.

Семья не настолько многолюдная, но мощная и знаковая. Глава семьи — Федор Кондратьевич. Трое детей, два сына и дочь. Глава семьи был более чем известным человеком в селе. Много лет возглавлял колхоз «Передовик», а позже- Ащелисайский сельский совет. Старший его сын — был солидный военный, второй сын, Василий, всю рабочую жизнь провел за рулем автомобиля в нашем колхозе. Василий был под стать отцу — серьезный, ответственный и обязательный. Мы с ним тоже часто пересекались по разным направлениям. Младшая дочь, Лида, вышла замуж в семью Дмитрюк (Александра), жена Василия была из тоже известной в селе семьи — Ежовых, её сестра была замужем за представителем еще одной семьи — Усик и т. д., и, если пойти по цепочке, то придется всю нашу романтическую повесть, начинать сначала…

Зирко.

Этот корень восходит к тем, первопоселенцам, но в силу различных причин, его ветвям пробиться через сто с лишним лет к сегодняшнему Ащелисаю, не довелось. Корень просто растворился в пространстве. Из двух оставшихся к середине прошлого века веток этого корня, Федора Степановича Зирко и Григория Степановича Зирко, мне довелось застать одного Федора, с детьми.

До войны, эти семьи были у всех на виду. Григорий был одно время председателем колхоза, младший, Федор, был участковым механиком в МТС. Он меня здорово выручил в 1957 году, дал справедливое заключение, когда на моем тракторе вышел из строя двигатель (оборвало шатун и разбило блок двигателя из-за коррозии крепежного болта), иначе бы я мог иметь в то время, большие неприятности. Толковый был механик и понимающий человек. Но, к концу двадцатого века, обе эти семьи прекратили свое существование и растворились в ащелисайском котле.

Такая же участь постигла многие семьи переселенцев первых двух заездов. Слишком уж тяжелая доля им тогда досталась. Мало того, что было трудно цепляться и удерживаться на новой незнакомой земле и в тяжелейших условиях, так проблем добавили еще: революции, Первая и Вторая мировые войны, Гражданская война, коллективизация, раскулачивание и т. п. внешние и общие проблемы, вплоть до пресловутой «перестройки» и развала Союза.

К этой категории семей, думаю, можно было бы отнести семейные корни — Яцук, Цокур, Плужник, Кучеренко, Курносенко, Бондаренко, Карпенко, Колодко, Демченко, Мартыненко, Копшарь, Сытник, Плаксий, Саранча, Цыбульский, Макаров, Устимович, Манченко, Горбатко, Семьян, Слюсарь, Бухало, Лымарь, Шинкаренко, — этот список можно продолжать еще долго, но, дорогой читатель, надеюсь, ты убедился, что этот феномен — «Ащелисай», возник не сам по себе. Очень много сил и средств, слез, пота и крови, потребовалось для того, чтобы люди этот феномен признали, и внутри его, и вокруг.

Но будем справедливы. Да, те первые поселенцы и их потомки, многое сделали для становления села. Но, приходили новые люди, селились здесь, начинали работать и тоже отдали этому месту многое из того, что могли, и даже всю жизнь без остатка. Они тоже образовывали

новые семейные корни, смешивались с другими уже сложившимися до этого корнями и рука об руку шли дальше, укрепляли и украшали ставшее и для них родным село.

С началом Войны в Ащелисае поселилось довольно много людей немецкой национальности. Понятно, что местные люди, опаленные Войной, многие из которых потеряли отцов, мужей, братьев, детей, встретили их настороженно. Но мы же другие люди! Мы православные славяне и понимаем, что и как делалось на этом свете. Многие семьи в селе — остались без кормильцев. В селе началось образование смешанных семей. Как правило — мужчины — немцы, начали жениться сначала на вдовах-солдатках, особенно, с детьми, а потом — уже образовывались обычные молодые семьи.

Как пример разумного соединения двух обездоленных семей, можно привести семью:

Шотт.

Глава семейства, Шотт Мартын Мартынович. Так случилось, что перебравшись не по своей воле в Казахстан, во время депортации немцев из Украины, он остался без жены, с двумя мальчиками, Иваном и Петром. С самого начала — работал бухгалтером в колхозе, с детьми, понятно, было тяжело. Познакомился с вдовой-солдаткой, Слободенюк, у неё тоже было двое детей и тоже мальчиков — Михаил и Петр. Потом они объединили свои семьи, у них появилась совместная дочь, Лида. Так сложилась довольно дружная и крепкая семья. Дети выросли. Трое из ребят Михаил, Иван и Петр, долгие годы работали водителями в колхозе. Прекрасные ребята, толковые, ответственные. Мы с ними постоянно общались, а с главой семьи Мартыном Мартыновичем, я вместе работал. Он был заместителем главного бухгалтера, когда я был главным. Работала в бухгалтерии и их дочь — Лида.

Несколько выпадал из объединенной семейной обоймы, младший из Слободенюков, — Петр. Он работал электросварщиком, а эта профессия, так часто бывает, — не может жить без постоянного «допинга». Это ему здорово мешало и на работе и дома. Кстати, он был женат на прекрасной трудолюбивой женщине — Любе, из родственной нам семьи Крупских, о которой мы уже говорили.

И другие:

Постепенно в ащелисайскую жизнь начали входить немецкие семьи-корни, как Ланг, Кнор, Завервальд, Гольдштейн, Фердер, Антонин, Генцель, Кригер, Вундерзе, Рунг,Каспер А.,Майер Я., в которых было по двое-трое сыновей. Некоторые из них, имели свои семьи, некоторые женились на местных девушках и женщинах. Так появились смешанные семьи- Кнор Павла, Кнор Юрия, Завервальда Юрия, Завервальда Кондрата, Вундерзе Григория, позже — Шиц Э.Я., Кабельский П.,Ламерт А., Цыц И. и других. Еще позже — и местные молодые ребята начали обратное действие — жениться на немецких девушках, а жизнь продолжалась дальше.

Должен сказать, что с приходом в Ащелисай свежей «немецкой» волны поселенцев, жизнь села здорово изменилась, особенно в качественном плане. Немцы привнесли в разные направления сельской жизни, определенный порядок, большую ответственность по отношению к работе и вообще к людям, пришли со своим менталитетом, обычаями и правилами. Они ничего никому из местных не навязывали, они просто жили, как жили всегда, иногда вызывая удивление, недопонимание, а чаще — уважение; их появление селе, если и нарушило что-то уже сложившееся, то только в лучшую сторону.

С немцами у меня были только хорошие, дружеские отношения, несмотря на то, что я помнил пережитые три года фашисткой оккупации, а первые знакомства с отдельными людьми, представителями этой национальности, причем очень разными по всем показателям, у меня начались еще с той поры, когда меня поставили на квартиру в немецкую семью, в селе Джусала; потом вместе работали в бригаде, а непосредственные контакты начались, когда я пришел на время зимнего ремонта техники, в МТС, в осень 1955 года. Здесь сделаю вставку именно об этом

годе и этом периоде.

Был у нас в МТС, в бригаде Даниила Георге, помощником бригадира, некто — Фель Иван Яковлевич; его брат, Гуго Яковлевич, работал зоотехником в Кимперсайском подсобном хозяйстве. Именно осенью 1955 года, я впервые увидел Ивана, и запомнил то начало ремонта на всю жизнь.

Идет общее собрание МТС, в мастерской. В президиуме руководство МТС и секретарь райкома партии; был доклад, были выступающие, потом слово взял Иван Фель. Он сказал, обращаясь к директору, буквально следующее: «Ну што это са ремонт! Ни супило (зубило), ни молёток (молоток), и ни епени мать!..». Если бы не стена, секретарь райкома упал бы навзничь, вместе со стулом, рыдая от хохота. А Иван вовсе не собирался говорить хохмы. Он сказал то, как думал… На следующий год, я работал вместе с Иваном в одной бригаде. Высокий, с огромными мощными (золотыми) руками, честный и высоко порядочный, необычно для немца — почти темнокожий, он был готов всегда придти на помощь и сделать это быстро, качественно и с русскими прибаутками, которых видимо, он сам не всегда понимал полностью, но ему нравилась сама их подача, а где-то и суть.

Так вот меня, в ту осень поставили на ремонт тракторных гусениц. Работа тяжелая, но хорошо оплачивалась. Ну, выбиваю я как-то раз очередной выработанный гусеничный соединительный палец, бью молотом по наставке, неудобно, согнувшись, а палец — не идет… Рядом — слесарный цех. Выходит из него такой небольшой сухонький мужичок, спрашивает: «Как тебя зовут?» — «Вася»- ответил я. «А меня — Иван Иванович»-, сказал мужичок- А ты, Вася приди, я тебе дам тонкий бородок, ты им через отверстие на конце пальца — проворачивай сперва палец в башмаках-траках, так, чтобы он из выработанных гнезд вывернулся, а потом уже — бей. Увидишь — так будет лучше». Когда я так и начал делать, — те пальцы, как пули у меня стали вылетать, даже при не очень сильных ударах.

Меня всегда тянуло к хорошим людям; часто в перерывах смотрел, как работает Иван Иванович Ланг. Хоть снимай инструкционное кино. У него — ни одного лишнего движения, все необходимое — разложено или подвешено под рукой. Высочайший класс работы. Сам видел — он, в примитивных условиях мастерской, ИЗГОТАВЛИВАЛ! — Поршни для пусковых двигателей (они подходили и к мотоциклам ИЖ-49, и были тогда, в большом дефиците). Полностью — отливал, растачивал и фрезеровал сам!.

Рядом с ним, с малых лет работал и учился его сын, Иосиф. Готовил себе смену Иван Иванович. И здесь — еще один чисто человеческий штрих: через пару лет он уехал с семьей, куда-то в Среднюю Азию; так вот зная об этом заранее, он сам, взял к себе в ученики молодого парня, нашего родственника, Ивана Крупского, и таки успел передать ему многое из того, что знал сам, таким образом, оставив часть себя Ащелисаю. А уже другой, заменивший его, русский Иван, многие годы работал в МТС/СРМ, Слесарем с самой большой буквы.

Так сложилось, что живущие в Ащелисае, специалисты — немцы, постепенно разделились на два направления: одни пошли в ремонтники МТС/СРМ (Потрец, Кук, Майер. Ванзитлеры, Вундерзе, Барц, Шарковский, Кригер, Кнор Павел и др.), большинство из них — стали высококлассными специалистами, которых знали не только в Ащелисае.

Другие, с самого начала, и до конца рабочей жизни, работали в колхозе, как правило, механизаторами, будь-то трактор, комбайн, зерноочистительные машины или еще что-то, связанное с механизмами. (Шиц Э., Завервальды — Иван, Кондрат, Юрий, Кнор — Юрий, Яков, Герберзаген, Генцель Петр, Ваншайд, Ламерт, Гольдштейн, Рунковский, Каспер, Ланге, Фердер А., Эпингер, братья Барг, и другие). И эти люди, проработавшие всю жизнь в колхозе, тоже были мастерами в своем деле и об их трудовых подвигах знали уже не только в Ащелисае или в районе, а и гораздо дальше. У многих из них — достойные правительственные награды,

например, тот же Шиц Э.Я., имел орден Ленина, высшую нашу государственную награду тех лет, Ваншайд А.Р. -ордена Трудового Красного Знамени и Знак Почета; имели высокие награды и другие механизаторы колхоза, представители этой национальности. Долгие годы и довольно успешно, руководили молочными фермами колхоза — Рунг Христиан, и Функ Франц.

Все работники — немцы, всегда работали качественно, грамотно и быстро, на любых работах. Были дисциплинированы и ответственны. Им можно было, и руководство так и делало, поручать самые сложные по исполнению задания. Единственное, что можно отметить, как замечание, — это традиционный немецкий расчет. В этом нет ничего плохого, просто мы по — другому к этому всегда относились.

Как совокупный пример: Полным ходом идет уборка урожая. На одном поле, работает много комбайнов, косим — напрямую. Я — главный экономист и парторг одновременно, — тоже, в общем строю. И тут есть один интересный момент, — так называемое «соцсоревнование», когда идет борьба за каждую намолоченную тонну зерна.

Кошу я в своей загонке, смотрю комбайн одного из родных братьев (специально не буду называть фамилию) — стоит. Я круг сделал, второй, — он стоит. Ну не могу же я равнодушно косить и смотреть на это. От меня — где-то через две загонки (полосы). Подъехал, спрашиваю — в чем дело. Звездочка рассыпалась зернового элеватора — отвечает. У меня запчастей разных целый ящик, быстро нашли мы ту звездочку, поставили — комбайн пошел косить. Вечером — едем на машине домой, старший его брат — комбайнер, косивший весь день через одну загонку от младшего брата, спрашивает у того: «А ты, чого там стояв сьогодня?». Младший брат отвечает: «Звездочка з элеватора полытила. Спасибо, Андреич дав!». Вот так. Ну что тут скажешь, — это просто человеческие издержки. Бывает всякое, но лишняя тонна, как и дополнительный рубль, иногда, бывают дороже…

Надо отметить, что начиная с середины семидесятых годов прошлого века, начался отток трудоспособного и особенно, немецкого населения, из Казахстана в Среднюю Азию, в первую очередь — Узбекистан. Там, потерявшие всякий страх и совесть, руководители всех уровней, не зная, куда девать бешенные, во многом дармовые деньги, от хлопковых сделок, начали переманивать работников из Казахстана и других регионов, особенно механизаторов, суля им разные привилегии, солидные зарплаты, жилье и т. д… И то, что обещали — они исправно исполняли. Лишь бы самим не работать, а торговать. Узбеки (торговцы) захватили огромную территорию российского рынка, от Волги — до Байкала, продукция у них была, а работать стало некому. От нас, тоже некоторые уехали, и создали проблему с механизаторскими кадрами, а в других районах, — выехало много людей. А почему бы и нет — создают шикарные условия, теплый климат, и что очень было важно — из Средней Азии (еще из Молдавии и Прибалтики) — можно было выехать со временем в Германию. А в нашей зоне, как и в Северном Казахстане, — зимой условия — как в заполярной тундре, а оплата труда была, на уровне Украины. Потому люди и уезжали туда, где лучше, причем — массово.

Раньше в Казахстане было много немцев. Как открываешь газету — там, где награждают многодетных матерей, — и, где по 9-10 детей, фамилии чаще всего были — или казахские, или немецкие. Сегодня большинство из тех детей и уже их детей, работают на благо Германии.

Ну, и на здоровье. Свой вклад в развитие нашей балки они тоже внесли достойный, с тем и останутся в ащелисайской памяти.

Так сложилось, что до советской власти, казахи в Ащелисае практически не селились. Сказывались даже не религиозные различия, а больше ментальные. Кочующие в седлах по степям люди, и люди, зацепившиеся за землю и «оседлавшие» её, — очень разнились по отношению ко всему, — к земле и к воде, да и к самой жизни, вообще. Заботой кочевников во все времена — постоянно — быть в движении в поисках хороших пастбищ и мест для водопоев;

заботами земледельцев и, тоже во все времена, были заботы «приземленные) — о самой земле, её плодородии, поливе и т. п…

Но времена менялись, кочевников тоже начали принуждать к оседлости и к соблюдению, каких-то общих, не местных, феодально- байских, а общегосударственных законов, норм и правил сельского общежития. Постепенно в соленой балке, казахи начали появляться не только «наездами», попутно, а селиться (обычно по окраинам села, где было удобнее заниматься домашним животноводством) на постоянное место жительства. Даже, когда я уже приехал сюда, в пятидесятых годах, казахских семей по ащелисайской балке, были единицы. Но были. И постепенно расширялись по составу, как сами семьи, так и их количество.

Как говорится — «Вот она среда (обитания)!». И это правда. Расселявшиеся по всем четырем колхозным селам, казахские семьи, а, в основном, они прибывали из других небольших соседних аулов, быстро осваивались, начинали жить и работать и, в абсолютном большинстве своем, были достойны такого места, как Ащелисай. Не то, чтобы самого поселка, а того положения, которое Ащелисай уже занимал в округе, ко времени их появления. И поселок ими гордился так же, как и представителями других национальностей, независимо от места и времени переселения.

Казахские семьи никогда не чувствовали себя чужими в этом селе, и никогда в Ащелисае не возникало вопросов о чьей-то национальной принадлежности, вообще. Главное — чтобы ты был человеком, работал и соблюдал элементарные нормы сельского общежития. Все остальное — не имело значения. А сами семьи росли и множились. А теперь, дорогой читатель, давай вспомним некоторых из них:

Касымовы.

Небольшой, но очень солидный семейный корень. Два Брата с семьями, жили по главной улице, с северного края, почти напротив дома Калашниковых, корня нашей семьи.

Старший — Надыргали, младший — Парфула.

Я мало видел таких порядочных, надежных людей, среди любых наций, как эти два брата. Надыргали пользовался большим авторитетом в Ащелисае, особенно, среди казахов всех наших сел. Его слово часто всегда было последним и решающим.

Был у нас такой обычай, — в особо засушливые годы, когда земля трескалась большими квадратами и щели по посевам были с ладонь (те же -55-й, 65-й, 67-й, 75-й годы прошлого века), представители казахской общины (по старой традиции) приносили «жертву» на большом холме, между Ащелисаем и Лушниковкой, с тем, чтобы Бог послал хоть немного влаги на поля. Жертвой по обычаю (чаще — по ритуалу) была черная корова. В колхозе не было черных коров, выделяли красную, а уже те, «избранные» жертвоприносящие, меняли её на черную корову, в частном стаде. Надыргали командовал этим процессом.

В отличии от других мужчин-казахов, он не работал в животноводстве. Он был механизатором, отличным комбайнером еще в послевоенные годы и работал в бригаде моего тестя, Калашникова Ивана. Иван Емельянович, был не только хорошим бригадиром, он был еще и гармонистом, а — главное — человеком, с большим запасом природного юмора, чем он часто пользовался, по отношению к другим людям, в том числе и к соседу — Надыргали.

Теща рассказывала эпизод, как однажды сломался комбайн у Надыргали и он остался в ночь его ремонтировать. Это тогда была обычная практика. Ну, он остался, а бригадир уже поздно приехал домой. Прибегает соседка, жена Надыргали, Кензеля, (очень была неспокойная женщина, хорошо понявшая, насколько хороша советская власть для женщин-мусульманок, в плане прав и свобод) и спрашивает: «Ванька, а где Надыргали?». А тот так спокойно отвечает: «А что его нет еще дома? — так он давно уехал с машиной! Там, правда, ему полевой бригадир дал пару девчат на копнитель, солому собирать, но они тоже уехали…». Ну, сказал и сказал, сам

пошел спать. А Кензеля, ночью! двинула пешком за 11 километров в тракторную бригаду и… нашла там Надыргали…, который с помощником и трактористом (комбайн был прицепной), заканчивали ремонт. Иван Емельянович, несколько дней потом скрывался от набегов соседки Кензели…

Помню, был случай, когда мы с женой одно время жили в доме Калашниковых, где-то в конце шестидесятых, когда и Иван, и Надыргали, были уже на пенсии и работали ночными дежурными на ферме молодняка крупного рогатого скота. Ходить было далековато, более двух километров, в один конец. Как-то раз был сильнейший буран, приехал на лошади бригадир, Лакшенко Иосиф и сказал, что сегодня старикам так далеко идти не надо, буран света не видно, поэтому, он кого-то найдет там, поближе и — помоложе.

Иван Емельянович, посылает младшую дочь к Касымовым и наказывает ей: «Скажи Надыргали, что в пять часов, мы уже идем на дежурство.».

Без пяти минут пять, весь в снегу, к нам приходит Надыргали. Заходит в комнату, там тепло, даже жарко, а на кровати…лежит Иван и читает книжку, в кальсонах и нательной рубашке…У Надыргалия, сразу нужных слов не нашлось, зато они нашлись у моего тестя: «А ты чего пришел, я же посылал к вам Зойку, сказать, что мы уже сегодня не идем дежурить!». Надыргали оторопел: «Так Зойка и сказала, что мы в пять часов выходим!?».

«Вот забодай её комар (это он про дочку)!- вечно она что-то перепутает!».-сокрушенно говорит Иван, встает с кровати, начинает одеваться: «Чай будешь?». «Да какой там чай — тоже сокрушенно отвечает Надыргали, — мне полчаса только раздеваться надо!». Он, естественно, все понял, но выдержал достойную паузу и ушел.

Похожих случаев можно было привести множество, но главное — эти, прожившие рядом два соседа, разной веры и разные по характеру, одинаково понимали жизнь, и прожили её по-людски, оставив Ащелисаю о себе только добрую память. Навечно.

Очень достойный семейный корень был в Ащелисае и долгое время на виду:

Каркуловы.

Основу этого корня составляли двое братьев: Мирзагул и Курманбай. Сколько я помню, никто из не казахов, никогда не звал их по именам.

Мирзагула называли — Черный Каркул, Курманбая называли — белый Каркул. У Мирзагула детей не было, у Курманбая — был Бахиткерей, мой хороший товарищ, много лет вместе работали в колхозе, он был главным зоотехником колхоза. Было еще двое младших — сын, Акимгерей, он позже был в Ащелисае участковым милицейским инспектором; была и дочка, Жания, очень неплохая была девочка, не знаю, где она сейчас. Были у этих семей и родственные ветви — Есеевы и другие, но я с ними редко общался, поэтому ничего не могу сказать — как и что.

Главное, что могу сказать об этих семьях — все они были тоже очень достойны и уважаемы в нашем селе и я, как человек пишущий и много повидавший на своем веку, могу в их адрес сказать только слова благодарности. Мы часто общались с обоими братьями и были даже отдельные интересные моменты, которые хочется напомнить в этой книге Памяти.

Как-то раз, сидим мы с Бахиткереем у Мирзагула, за дастарханом. Кушаем мясо, понемножку выпиваем (тогда это еще практиковалось и в казахских семьях). Мирзагул, после глубокомысленной паузы, заявляет: «Э!..неромно живом! Сахар ест — шай (чай) нету, шай ест — сахар нету. У мине один родня в Дзержине ест, так тот совсем ромно живот, — ни сахар, ни шай нету!».

Через некоторое время, в ответ на мой тост: «Будем здоровы!», Мирзагул снова изрек: «Э… Баска (Васька), какой здоров, какой здоров!? Ми все ест больной! Запомни, главное — чтоб у тибе — бил диплом и Папка». Он сунул правую руку подмышку левой руки и показал жестом,

место этой самой «Папки». Папка, в его понимании, олицетворяла — Власть! Любого уровня — от Судьи-Прокурора, до страхового агента…Не важно, лишь бы Власть.

Не мене уважаема в поселке была и фамилия:

Темирбаевы.

Но, прямо скажу, — уважаема как-то наполовину, что ли. Одна ветвь, — Темирбаева Синтая — была очень достойной и уважаемой. С Синтаем, мне довелось неоднократно пересекаться, когда он работал в сельпо, а меня приглашали на время туда на работу (в аренду, что ли) водителем, из МТС, а после — много лет, работали вместе в колхозе, да и жили по — соседству. Синтай был толковый, серьезный и спокойный по характеру человек, в отличии от его брата, главы другой фамильной ветви, Михаила.

Тот был водителем не очень высокого уровня, но зато показного гонора, а желания «качать права» к месту, а больше — не к месту, у него было хоть отбавляй.

Он работал водителем в МТС/СРМ. Жил в конце главной улицы, с юга. Особых заслуг перед обществом не имел, но жил и работал, как мог. И на том спасибо.

Достойно выглядела на ащелисайском фоне и семья:

Мукатовы.

Глава семьи — Сергазы Мукатов, был известной в округе личностью. В послевоенное время работал председателем колхоза в нашем через — полосном отделении — Бугумбай. При мне уже — много лет работал ночным сторожем в колхозной конторе. Я ему даже ружье купил, и он вечером так неторопливо шел к конторе (жил метрах в 50), с ружьем на плече, чтобы все это видели. Вечерами — я как главный бухгалтер, часто работал по ночам, мы с ним беседовали на разные, особенно — политические темы, того времени.

В семье выросли хорошие дети. Амангельды все время трудился в животноводстве, Аманжол, работал вначале водителем в колхозе, потом — заведовал колхозным автогаражом. Дочь — Асылтас (все её звали Асия), была преподавателем и до конца своей жизни, работала заведующей районным отделом народного образования. Жили мы с этой семьей по соседству, через два дома.

В памяти моей, эта семья оставила очень теплые воспоминания, думаю, что в памяти Ащелисая — тоже.

Давно, еще в пятидесятых, в нашей балке появился семейный корень:

Кайрашевы.

Возможно, правильно их фамилия писалась — Хайрашевы, но в учете по всем троим семьям этого корня, было — две — Файзулла и Калиулла, писались — как Кайрашевы, одна семейная ветвь — Дюсембая — числилась, как Хайрашевы.

Корень Кайрашевых — тоже был очень достойный. Файзулла, живший с семьей в Лушниковке — был знатным чабаном, его знал весь район. Калиулла — много лет работал диспетчером автогаража и, одновременно, — заведовал нефтехозяйством колхоза, был всегда очень такой пунктуальный, аккуратный и ответственный человек. Дюсембай — получил специальность агронома и долгие годы работал в колхозе агрономом — семеноводом.

С Файзуллой, мы пересекались, но редко, а с двумя его братьями — практически — ежедневно, и по работе, и как соседи. Они жили рядом с нами, по обеим сторонам. Хорошие были семьи, хорошие были люди, добрые были — соседи. Здесь — ни добавить, ни убавить — тоже.

Жили по нашей балке и казахские корни Дильмагамбетовых, Шибикбаевых, Урахаевых, Кожмагамбетовых и других, и все они что-то сделали для села полезного, но мы с тобой, дорогой читатель, договорились останавливаться на более ярких участниках событий за прошедшие сто лет и отдельных моментах из их жизни.

Здесь я не могу не вспомнить, может быть не такого уж яркого в смысле жизни села человека, но очень уж необычного и достойного:

Бимимбаевы.

Этого человека, жившего в Преображенке, звали Мухтар Бимимбаев. И вспомнил я его не только потому, что он был серьезным, крупным, немногословным, очень ответственным, порядочным человеком и прекрасным семьянином. Нет. Он, единственный из всех ащелисайских (да и не только) казахов, работал на «главном» на тот период, ащелисайском тракторе — С-80. Этот тяжелый трактор часто выручал село, особенно в буранные зимы. Позже эстафету Мухтара, перехватит Тимофей Зюганов, но об этом в главе «Портреты». А сам Мухтар, останется в моей памяти, да и в памяти ащелисайцев — навсегда. Он того заслужил.

Под стать Мухтару был и Мапуш, его брат. Пересекался я с ним редко, но слышал о нем только хорошее.

Чтобы закончить раздел воспоминаний о семейных ащелисайских КОРНЯХ (понятно, что далеко не о всех!), приведу в пример еще один из самых «молодых» корней:

Садыков.

Глава этой семьи — Акрам Садыков.

Знакомы мы с ним более 50 лет и хорошо знаем друг друга. Акрам еще молодым парнем, начинал в колхозе работать водителем. Это — целая определенная грустно-смешная эпопея, происходившая на наших глазах.

У наших колхозных водителей, особенно в зимний период, во времена, когда не было нормальных дорог, да и техника была совсем другая, была заведена негласная система утренних выездов в дальние рейсы. Это рейсы — направо — в сторону города Орск (около 50 км), и налево — в сторону Актюбинска (около 150 км). Водители заводили машины, а это все было не так просто. Автомобили стояли на улице, без воды в системе охлаждения, обмерзшие, засыпанные снегом. Их надо было сперва, — очистить от наледи и снега, затем (чаще всего паяльной лампой), подогреть поддон картера двигателя, чтобы его (двигатель) было легче проворачивать, и заодно — подогреть корпус дифференциала заднего моста и коробки перемены передач. А уже потом (чаще, с помощью буксира-трактора) пробовать заводить двигатель, после заводки, — залить воду в радиатор, получить путевой лист и двигаться в рейс, практически всегда не зная точно, — вернешься ли сегодня домой, А если и вернешься, то где-то глубокой ночью.

Перед выездом из села, водители обычно заезжали на несколько минут домой, завтракали, брали в запас какие-то продуты, так как денег свободных у них при трудоднях колхозных, просто не было, и выезжали наверх, на дорогу Актюбинск-Орск. Там собирались несколько минут, потом или все вместе, или группами — налево или направо, — разъезжались.

У Акрама был автомобиль ЗИС-150 (или 164, неважно). Машина, не то чтобы плохая, но здорово «поношеная». Пока он её заведет — все его коллеги, уже стоят на трассе, его одного ждут. А ждать зимой некогда, на счету каждая минута. И нет у Акрама времени заехать позавтракать… Коллектив долго ждать не будет, а одному зимой в степи, без дороги, когда половину дороги трясешься поперек пашни, — не очень комфортно.

Сам слышал, как Акрам, получая путевой лист, сокрушенно говорил диспетчеру Кайрашеву: «Да, с этим «зисом», шай не пьешь!». Потом Акрама назначили заведующим овцефермой, жили они семьей в нашем Бугумбае. Там было три отдельных аула, была своя электростанция и он, долгие годы (и неплохо) всем этим хозяйством заведовал. Под десять тысяч голов овец, табун лошадей, люди, семьи, дети, проблемы — это все держалось там на нем. Естественно, мы с ним часто общались по работе и вне её.

Но не этим он вошел в историю Ащелисая. У него и его маленькой такой, аккуратненькой

жены, Шолпан, было ТРИНАДЦАТЬ детей! И даже это не было главным в моем понимании. Шолпан, при такой семье, еще умудрялась работать дояркой в колхозе!!!. Кто знает, тот поймет, что такое подниматься в половине пятого, идти за полтора километра по любой погоде на ферму, доить там коров и быстрее — идти домой — там ждет еще одна, родная «ферма»…

Знаешь, дорогой читатель, была б моя воля, я бы той Женщине, поставил памятник из чистого золота, во весь её рост, и разместил бы его где-то в большом городе, на главной площади, как олицетворение всех таких МАТЕРЕЙ, не только ащелисайских. А поставить бы его надо было, за счет тех жен нынешних богатых людей, которые не знают, куда себя деть на отдых (Багамы или Мальдивы) и какие взять собой украшения и драгоценности, которые, по всем законам Аллаха и вообще справедливости, заслужила именно она, Садыкова Шолпан. Ибо такая драгоценность, как она сама, несравнима ни с какими другими бриллиантами и жемчугами.

На этом мы завершим, возможно, надоевший читателю обзор ведущих семейных корней, населяющих (и населявших) нашу соленую балку. Они свое дело сделали. Мы это дело (может быть — пока?) — успешно завалили.

С высоты возраста, могу высказать свое мнение, — в том, что мы сегодня видим, в том числе и по нашей соленой балке — это, во многом, результат неверной, скользкой и боязливой, панибратской и часто, заискивающей, национальной политики, внешне выдаваемой за «Толерантность и всеобщее согласие». Я бы все это назвал несколько по-другому, но тема у нас более прикладная, — ащелисайская жизнь.

Здесь вполне уместно добавить следующее. Чисто личное.

Я никогда не имел в своем лексиконе слова: «интернационализм», «сосуществование», да ту же — «толерантность», и тому подобные выражения. Я просто так жил…И судите сами или сравнивайте, если знаете еще такие примеры.

НО. Именно в Ащелисае, не выходя за его пределы, четыре женщины разных национальностей, называли меня своим сыном, вполне серьезно.

Первой назвала меня своим младшим сыном, немка — Франческа Штиль, мать моего друга с молодых лет, Иосифа. Мы с ним знакомы более 60-ти лет, сегодня он живет в Германии, и мы с ним общаемся до сих пор. Считала меня своим сыном и теща, украинка, Калашникова Мария Ивановна, замечательная была женщина и Мама. В том же Ащелисае, меня называла и считала за старшего сына, казашка, Кенестик Смаилова, мама моего очень хорошего друга, который мне как брат, Смаилова Серика, живущего ныне в Актюбинске. Мы с ним тоже регулярно общаемся и в настоящее время. В том же Ащелисае, совсем немного жила и моя родная мать, русская, Екатерина Филипповна Гурковская. И, заметьте — все в Ащелисае! Как же мне не любить это место, даже просто, как сын сразу четырех таких разных матерей!

К слову, была у меня еще и пятая мама — моя незабвенная первая учительница, тоже украинка, Дидковская Александра Филаретовна. Она меня и своего сына, Володю, учила в моем селе Слободзея, с первого класса. Последние свои годы она прожила в Киеве, я как мог, навещал её, а чаще — переписывались, до тех пор, пока, на 93-ем году жизни, её не стало. Она тоже всегда называла меня своим сыном, с тех пор, как я остался без родной матери.

Вот так, дорогой читатель, все и было. Я не хвалюсь тем, что имел пять мам разных национальностей, я — Горжусь этим!.

Закончив, в основном, с обзором ведущих ащелисайских семейных корней, мы несколько остановимся на отдельных словесных, естественно, портретах и групповых снимках, из общего, мощного столетнего «Альбома ащелисайской жизни», поставив перед собой цель — заполнить жизненные разрывы-пустоты между теми «корнями», чтобы как-то выровнять освещаемое жизненное пространство, сделать его более приближенным к реальным людям и событиям, характерным для каждой отдельно взятой личности.

Потому что, и на общем жизненном поле, при одинаковых, вроде бы условиях, каждый стебелек, растет по-своему, то есть живет своей жизнью, хотя и исполняя поставленную свыше программу. Итак:

Портреты и групповые фотографии.

Портреты:

КАСТРУБИН Григорий Ионович.

Мы уже говорили о Каструбине Г.И., как об умелом председателе, грамотном специалисте, благодаря стараниям которого, колхоз «Передовик» стал село образующим хозяйством в Ащелисае и одним из лучших хозяйств, не только Актюбинской области, но и Республики Казахстан, в целом.

А ведь он был еще и человеком. Родился в небольшом селе под Кос-Истеком. В семье было шестеро детей, трое ребят и трое девчат. Трое, сестра Мария, брат Николай и сестра Татьяна — были старше его, он был четвертым ребенком, после него было еще двое — брат-Василий и сестра — Раиса. Все три брата воевали на фронтах Великой Войны, вернулись домой двое — Григорий, артиллерист и — Василий, — матрос сторожевого корабля.

Григорий демобилизовался в 1950 году. Начал работать в райкоме комсомола, потом в районной газете. В 1952 году, выхватил из множества женских лиц, свою юную красавицу Валентину, женился. В 1953 — м появилась первая дочка, Татьяна. В 1954 году был направлен в Ащелисай, в колхоз «Передовик», заместителем председателя и секретарем партийной организации, как тогда практиковалось. Сразу же был послан на учебу в Уральский техникум, на трехгодичные курсы председателей колхозов. В 1957 году, вернулся в Ащелисай, и был избран председателем колхоза «Передовик». Это общеизвестные факты и мы их комментировать не будем.

Каструбина, я впервые увидел в зиму 1957 года. МТС в лице заведующего отделом кадров в то время, Ивана Ежова (он же был и секретарь комсомольской организации МТС), послал меня и Гену Аршина, как комсомольцев со спортивным складом характера, в Актюбинск, на курсы инструкторов-общественников, по боксу и штанге. Жили мы с Геной на заезжем дворе от МТС, хозяином был там некто дед Данько. Снимала МТС у него в доме большую комнату, там всегда горела печь и всегда грелась вода в большом оцинкованном баке, для нужд приезжих. Работники МТС, да и многие ащелисайцы, там часто бывали.

Мы закончили те, спортивные курсы, и ждали оказии, чтобы ехать домой. Машины тогда ходили редко, а трактора с санями, приходили за запасными частями и другим необходимым — почти ежедневно.

Заехала еще днем легковая машина, Газ-69, водитель зашел погреться к нам в комнату приезжих. Разговорились. Водитель сказал, что он из Ащелисайского колхоза, отвез нового председателя на какое-то совещание в областное управление сельского хозяйства и, часа через три, поедет его забирать, а потом — они поедут домой. Мы с Геной постеснялись проситься в пассажиры, зато Данько не постеснялся, (видимо, мы ему уже поднадоели) и сказал водителю: «Цэ, — он показал на Гену — ридный брат главного инженера МТС, Аршина, а — цэ — он указал на меня — пацан из прийзжих, забэрить их пожалуста, с собою до Ащелисаю». Водитель был не против, он так и сказал тогда: «Та нэхай идуть, будэ кому машину товкаты. Я побалакаю с присидателём». Водитель, Василий Слободенюк (как зовут его, я узнал через много лет), тогда как в воду смотрел — пока мы приехали домой тогда, — и накопались в снегу, и натолкались с машиной вдоволь, но доехали.

Заехали ко времени за председателем, он не возражал против пассажиров (нас) и поехали домой. Тогда я впервые увидел Григория Ионовича. Молодой, симпатичный, крепкий мужик, с мягким русским голосом, с нормальной, больше крестьянской речью, он мне понравился. Ехали

мы ночью, в машине было темно и на улице — тоже, понятно, что он меня не запомнил, хотя и спросил, как зовут и откуда приехал, да что делали мы так долго в Актюбинске.

Больше наши пути не пересекались, иногда видел его издалека, на улице, в клубе, а больше — контактов у нас не было, потому, что не было. Я работал в других хозяйствах, потом МТС расформировали, ну и т. д.…Потом меня призвали в армию.

Демобилизовался я в ноябре 1964 года. Увольнялся со службы с должности освобожденного комсорга войсковой части. Когда я ставал на учет в Новороссийском райвоенкомате (в объединенном тогда районе), мне никто ничего не предлагал, а, через несколько дней, к нам домой (мы жили тогда у родителей жены), прибыла делегация военных, во главе со старым знакомым, Иваном Ежовым. Все трое — в военной форме, даже Ежов с погонами лейтенанта. Оказалось — они представители трех военкоматов — районного, областного и республиканского. Скорее всего, Иван заезжал с коллегами к своим родственникам (Кошарным), ну и узнал, что я вернулся из армии. До армии, мы с ним часто общались по линии комсомола.

Они предложили мне пойти служить в одно из подразделений ПВО, Туркестанского (тогда) военного округа. Между Алимбетовкой и Ащелисаем, недалеко от трассы Орск-Актюбинск, дислоцировался один из ракетных дивизионов, прикрывающих с воздуха промышленный узел Орск-Новотроицк. Был я в том, затерянном в степи, дивизионе, был даже на «смотринах» в штабе дивизии. Они мне предложили место в войсковой части, восточнее Орска, где-то в дальнем углу Оренбургской области, я отказался. Не для того же я раньше отказался от предложений по Москве и области, а позже от военного комсомола на Украине и ушел из армии, именно, ради старых родителей жены, чтобы теперь опять их покинуть, отправляясь туда — не знаю куда.

Решил — пойду в СРМ. Имею документы мастера-строителя, заочно учусь в строительном техникуме, и на тракторе, и на автомобиле могу, — может, найдут какую-то работу, тем более — там меня все знают и помнят…

Перед Новым, 1965 годом, ко мне прибыла местная молодежная группа, и попросила сыграть на баяне в ночь, 31 декабря, на сельском празднике, который будет проводиться на центральной площади Ащелисая. Я согласился. Рядом с магазином (тем еще, старым), установили что-то в виде палатки, поставили примитивный усилитель, микрофон, и я до половины двенадцатого, там играл. В один из перерывов, в палатку зашел Лысенко Илья Тимофеевич, он тогда работал главным агрономом колхоза и был одновременно секретарем партийной организации, а в тот предновогодний день, был там главным распорядителем. Лысенко знал меня по работе в автобазе. Я там отработал на автомобиле уборочный сезон 1958 года, отработал здорово, за рулем практически круглосуточно — днем от комбайна возил зерно, а по ночам еще успевал делать по одному — два рейса на станцию, благо там было недалеко (от Кайракты, новопутинской). Руководство автобазы даже выставило мою кандидатуру тогда в областной автотрест, для присвоения звания лучшего водителя области, так как у меня были не только высокие производственные показатели по перевозкам, но и экономия бензина, около двух с половиной тонн. Экономия, прямо скажу, была липовая, так как мы заправлялись горючим от комбайнов, которые тоже работали на бензине; никаких насосов тогда в поле не было, бочки с бензином просто разбрасывались по полям, где стояли комбайны и заливали мы горючее ведрами, и в комбайны, и в автомобили. Документы на присвоение мне почетного звания, готовил тогда Лысенко И.Т., он работал в автобазе экономистом, в тот год. Потом, я ушел обратно в РТС, женился и на время покинул Ащелисай. Потому и не получил того звания. И не жалею, потому что, хотя я и поработал хорошо в ту уборку, но та «экономия», потом бы меня долго преследовала, морально, а я такое никогда не приветствовал.

Так вот ЛысенкоИ.Т., помня об этом моем прошлом, подошел ко мне в перерыве между

танцами, кое о чем спросил, а потом — предложил мне идти на работу в колхоз, без какой-либо конкретики.

Скорее всего, он там же, на площади, переговорил с Каструбиным Г.И., потому что, в самом конце вечера, снова подошел ко мне и сказал, что 2-го января, меня приглашает на беседу председатель колхоза.

Так, через семь лет, я встретился с Каструбиным Г.И., второй раз в жизни. Мы с ним познакомились, как оказалось — надолго, можно сказать — навсегда…

Я ему рассказал все как есть, и откуда приехал, и где, и кем работал до армии, и где и как служил, что закончил в Москве (Бирюлево, к тому времени, уже было в Москве) годичную военную инженерную спецшколу, и что учусь заочно в Полтавском строительном техникуме по специальности ПГС(промышленное и гражданское строительство), показал права водителя и два удостоверения — тракториста и комбайнера. Он все внимательно посмотрел, потом достал из шкафа несколько строительных проектов и сказал: «Мы тут копим деньги, штоб построить вот эти объекты. Посмотри их прямо сейчас и скажи, что ты о них думаешь». Я посмотрел проекты, помню, там были материалы на детский сад, Дом Культуры, спортзал и коровник на 200 голов. Я полистал их и сказал, что это обычные типовые усредненные проекты, их можно взять за основу и доработать под наши условия и нужды. Сказал еще, что не знаю, как к этому (изменениям и дополнениям к проектам) относятся здешние контролирующие органы, потому что в военном строительстве — все это очень строго, накладно и требует много дополнительного времени на всякие согласования, так как каждый опасается и не желает нести какую-то ответственность за даже малейшие изменения.

Каструбин К.И. сказал, что с согласованиями и разрешениями, проблем не будет, мы же будем строить их (объекты) за свои деньги; надо только дорабатывать проекты так, чтобы они нам самим нравились и были комфортны со всех точек зрения — направления деятельности, удобства работающих и определенной внешней привлекательности.

«Вот этим, Василий Андреевич (впервые тогда меня так назвал председатель), ты и займись, этими и другими документами, которые будут связаны со строительством и ремонтом. Сейчас подай заявление секретарю, мы тебе подберем место для работы, оформляйся, обживайся, а на ближайшем заседании правления, секретарь тебе скажет, когда оно будет, мы тебя примем на работу, уже с сегодняшнего дня. Давай, с Богом!». Я, почему так подробно описываю наше с ним знакомство, причем в его портретном описании — да потому, что в наших последующих отношениях все и ВСЕГДА шло как бы авансом.

Приняли меня на работу как бы в качестве мастера-строителя. Я пару недель вникал во все нюансы не только строительного колхозного направления, а интересовался, положениями колхозного Устава, Положения по оплате труда, нормами и расценками на строительные и ремонтные работы, изучал прошедшие и исполненные договоры на строительные и ремонтные работы, то есть, входил в курс событий порученного мне направления. Потихоньку стал привыкать к новой жизни (дома) и к новой работе. Отвыкать от ставшей давно понятной армейской службы. Но. Рядом уже был Каструбин! Опытный, толковый и понимающий. Он никогда ни на кого не «давил», он ставил перед необходимостью. Но ставил перед необходимостью, только тех, кто, по его мнению, может с той проблемой справиться, лучше других.

Сразу после «старого» нового года, он приглашает меня к себе и так, вскользь, говорит: «Тут из района письмо пришло. Какие-то новые веяния пошли, по выполнению новых экономических реформ; требуют разработать и представить какой-то производственно-финансовый план на 1965 год. Я спросил у Лысенко (агроном) — он не знает что это, спросил у Иванова (главный бухгалтер), он тоже ничего не знает, а может и знает, да не признается. Теперича получается, что

у нас в колхозе, никто не знает и не видел, что это за пром-финплан и как его делать. Понятно, что и ты о нем ничего не знаешь. Поэтому — сегодня в ночь, — садись на поезд, Орск-Кандагач, он как раз ночью идет в ту сторону и езжай в Новороссийск, там, заодно и на партийный учет встанешь, в нашу колхозную организацию. Возьми справку, что ты уже наш работник.

Я посчитал это, за его разовое поручении и в ночь выехал на станцию. Раньше к поезду ночью парные сани ходили, типа местного такси. К утру был в райцентре, Новороссийске. Это тоже было село, образованное переселенцами. В хрущевские времена, объединенный Новороссийский район, куда входил и наш, бывший Степной, по территории, превышал всю Молдавскую ССР. Нашел там райсельхозуправление, плановый отдел, и был принят его начальником, Мартенсом Иваном Ивановичем. Хороший был человек и грамотный специалист, говорил с сильным акцентом, но вполне понятно. Он спросил, кто я и чего к нему приехал. Я сказал, что колхозный строитель, а послали меня узнать по поводу составления какого-то плана на текущий год. Никто в колхозе не знает, что это и как с ним поступать. Мартенс даже привстал: «Да вы что, совсем там страх потеряли! Это годовой ПЛАН, это программа хозяйства на год и за него будут очень строго спрашивать!». Он принес причитающиеся колхозу бланки планов, формы разработочных таблиц, какие-то отпечатанные на ротопринте инструкции, в которых не было ничего видно, да и ничего не понятно, и сказал — вот это все к плану. Сроки все вышли. Я взял бланк плана — это был тогда очень объемный документ в более чем из ста страниц, испещренных многими десятками таблиц. От плана государственных закупок на первой странице — до капитальных вложений и финансового плана — в конце.

Мне ничего не оставалось делать, как взять все то, что принес Мартенс, и отправиться домой. Но надо было встать на партийный учет. Пошел в райком партии, там посмотрели мои документы, попросили подождать, потом меня пригласил к себе заведующий организационно-партийного отдела и сказал: «Мы решили пригласить вас на работу в райком партии, инструктором». В те времена, такие предложения не обсуждались, а почитались за честь. Я сказал, что только демобилизовался, только устроился на работу, что у меня пока ничего нет, кроме жены и дочки, и еще её родителей, ради которых мы и приехали сюда. Заворготделом заявил, что это все они решат и мне надо оперативно явиться на партийную работу, сюда, в Новороссийск. Максимум через неделю.

Приехав домой, я доложил Каструбину, что с этого года и колхозы должны будут разрабатывать производственно — финансовые планы, представил ему бланки тех планов, разработочные таблицы, технологические карты и все остальное, чем меня нагрузили в районе. Показал и рассказал, что надо делать в первую очередь, потом, в какой последовательности, работать над составлением того плана, где-то внутренне надеясь, что оставлю этот мешок бумаг председателю, а он кому-то поручит всем этим заниматься. Рассказал и о том, что мне предложили в райкоме партии, по поводу работы…

Каструбин меня очень внимательно выслушал, потом прищурился своим особым прищуром не только глаз, а выражением всего лица; он был всегда разным, этот его прищур, в зависимости от ситуации, и просто спросил: «Василий Андреевич, как ты сам думаешь, кто бы в нашем колхозе, смог выполнить эту работу и до середины февраля!? Назови мне такого человека или группу лиц, из всех членов колхоза, кого я должен сейчас пригласить и поручить все это? Ты же всех наших давно знаешь — назови — кого?». Я встал, собрал все то, что я ему выложил перед этим на стол, и молча,…вышел.

Это был первый случай, когда Каструбин, как сегодня модно говорить, — «принудил» меня стать экономистом, думаю здесь более уместно слово «вынудил», из-за сложившейся ситуации. Он, скорее всего, еще тогда понял, что мне можно доверять, в любом деле.

По прошествии лет, могу сказать Ащелисаю, что я оправдал тогда доверие председателя.

Взявшись за эту, вроде бы обычную для других и абсолютно неизвестную для меня работу, я пробыл в районе больше трех недель. Днем в управлении было как в пчелином улье, там особенно не сосредоточишься, а по ночам — я оставался там один, работая карандашом, протирал насквозь, до дыр (даже раньше писалось — «смотри в дырку»), таблицы и рабочий бланк того плана, два-три часа спал в плановом отделе на стульях и работал, и учился. Для меня каждый день тогда, наверняка, можно было бы приравнять к семестру в среднем нашем техникуме, столько всего неизвестного я познавал, и сам производил. Видя мое старание, начальник экономической службы, очень толковый и справедливый был специалист, даже разрешил мне по ночам, чтобы никто не видел, пользоваться его единственной в отделе электрической счетной машинкой «Быстрица-2». Было там еще пару ручных, вечно ломающихся машинок «ВК-1» и несколько еще довоенных примитивных «зубодробительных» «Феликсов», а я удостоился чести работать на — электрической. Конечно, мне тяжело было справляться со всем эти скоплением цифр и, особенно, с их логической увязкой. Помогало то, что я прошел много по жизни практически. Пахал, сеял, боронил, косил, убирал и возил. Позже, через годы, принимая на практику студентов сельхоз направлений разных уровней, обучающихся сразу после школы, я видел, насколько они не готовы и не приспособлены к текущей жизни, не имея представления, что такое — «болт и резьба, зерно и комбикорм, лемех плуга или сошник сеялки». То есть — практическая основа у меня была, как определенный базис, надо было выразить экономическую и финансовую сторону всего этого процесса. Получилось.

Тот первый производственно-финансовый план, я защитил и сдал во все положенные соответствующие районные органы, Вторым, обойдя практически все многочисленные колхозы и совхозы, огромного объединенного района. Первым сдала план опытная станция, там объемы были несравнимые с нашими и опытные экономисты. В приказе по райсельхозуправлению, колхоз «Передовик» был отмечен по итогам плановой кампании, как один из лучших в районе.

Ну, наивно и подспудно думал я, передам все это хозяйство кому-то и опять займусь доработкой строительных проектов. Но, из района опять поступили указания — довести соответствующие планы до каждого производственного подразделения и пошло-поехало…

В 1966 году, в колхозах отменили трудодни и перевели их на гарантированную денежную оплату. Это было очень неразумное решение, но его надо было выполнять. Оно перевернуло всю колхозную жизнь, ибо раньше, мы (все колхозники) получали оплату в трудоднях (как коэффициент трудового участия) а в конце года, на трудодни начислялась часть дохода, полученного колхозом по итогам годовой работы. С введением гарантированной оплаты (деньгами и ежемесячно) увязка оплаты с результатами работы хозяйства — терялась, а значит — терялось главное — интерес к итоговым экономическим результатам и- самое плохое, — к нивелировании или уравнивании результатов работы подразделений.

Мною была разработана и внедрена решением правления, система внутрихозяйственного расчета, определены задания всем производственным коллективам, рассчитаны расценки оплаты за продукции, пересмотрены и уточнены нормы выработки на многие виды работ и проведены другие, связанные со всем этим, мероприятия. Система в нашем колхозе, была поддержана Каструбиным и правлением, начала работать, надо сказать — довольно успешно. В результате, в 1967 году, за достойную постановку экономической работы в колхозе и внедрение действенного внутрихозяйственного расчета, я был признан Лучшим сельским экономистом области, был поощрен обкомом партии и стал участником ВДНХ СССР.

Да, когда я еще работал над планом в Новороссийске, меня пару раз приглашали в райком партии и напоминали о работе, причем — серьезно. Выручил тот же Каструбин. В то время, когда я работал над планом в райцентре, он приехал на какое-то районное мероприятие, пришел в плановый отдел, поговорил с Мартенсом, потом взял меня с собой, и мы зашли к первому

секретарю райкома (тогда — парткома) партии, Мишину Ивану Михайловичу. Очень был порядочный руководитель. Каструбин объяснил ему при мне, что колхоз, мол, ждал этого парня из армии, он давно в Ащелисае живет, первоцелинник, людей знает, а люди — его. Работает нормально, старается, а райком хочет забрать его у нас и сделать инструктором. Ну, и будете вы его гонять по огромному району, а у него — ни жилья, ни денег, только семья и престарелые родители жены. Карьерное продвижение ему не грозит, так как за ним никакие родственники и связи, — не стоят, парень нам очень нужен, а инструктора найдете другого. Мишин даже не стал настаивать, просто сказал — я не знал — мне доложили, предложили — я — согласился. Задал мне несколько обычных в такой обстановке вопросов и — пожелал удачи. Первый — первым, но аппарат райкома, на то и аппарат, и они отреагировали тем, что оперативно сделали мне дополнительную серьезную нагрузку — избрали секретарем партийной организации колхоза. Так безработный демобилизованный, стал одновременно в колхозе — Строителем, экономистом и парторгом.

Ясное дело, что отказ от работы в райкоме партии, определенным образом завис надо мной постоянной угрозой, чуть, где споткнешься — сразу получишь…

Я так обрадовался, когда, в начале 1966 года, Новороссийский объединенный район, разъединили и наш, бывший Степной район, снова выделили отдельно, под названием — Ленинский. Центром района с год, был Кос-Истек (Ленинское), потом его перевели в поселок Батамшинский. Оказалось — радовался зря. Меня вызвали уже в наш, новый райком партии, и все повторилось сначала — снова предложили идти в райком партии — инструктором…

И опять Каструбин отстоял меня уже перед новым райкомом. Райком не стал создавать себе проблемы с Каструбиным, членом обкома партии, уже окрепшим, как председатель колхоза и авторитетным человеком в районе. Но надо мной, на все мои дальнейшие годы работы, повисло очень непрозрачное облако «районного недовольства» — как это он посмел пойти против мнения райкома!!! И любые мои производственные и общественные достижения, в лучшем колхозе Актюбинской области, — никто и никогда не замечал. Да мне это и не особо было надо, слава Богу, что не трогали (благодаря Каструбину), и то ладно. А бояться — я никогда не боялся. Потому что нечего было мне бояться, да и время было совсем другое, не такое бандитское, как сегодня.

Ситуация с моей «переквалификацией», заставила меня перевестись из Полтавского строительного техникума, в наш областной, Темирский сельхоз- техникум, на экономическое отделение, просто надо было подтвердить то многое, что уже знал, — соответствующим документом. Правление колхоза перевело меня из мастеров-строителей в экономисты, потом в главные экономисты. А то, выполняя три должностные нагрузки, я получал одну и самую низкую, оплату строителя. Когда стал главным экономистом, получал 90 трудодней и плюс тридцать рублей деньгами, в месяц. Трудодни могли в конце года оказаться нулевыми, а тридцать рублей на ВСЁ в месяц, хватало только на обед, при почти ежедневных вызовах в район, по любому из курирующих мною направлений — строительство, экономика и партийно — комсомольская работа. Три должности на одну «трудодневую» зарплату, ничего, кроме тысячных долгов подотчетных денег, мне не приносили, к сожалению. Но никому это интересно не было. Уже много позже, Каструбин, как-то мне скажет: «Когда-то, Вася, (он так меня назвал единственный раз в жизни), нас с тобой, назовут дураками». С тех пор, я не раз вспоминал эти его слова. Умный был человек, понимающий, но он по — другому, жить не мог; программа в него такая была заложена: «Красиво сделать, выгодно продать и все- в колхозную кассу!». Это главное, — а про себя подумать, — где-то далеко, хорошо, если на пятнадцатом месте.

Второе и очень серьезное «принуждение-вынуждение», я получил от Каструбина, в 1969 году. Мне дали десять дней отпуска съездить к отцу, в Слободзею. Мы с женой и двумя дочками,

вернулись в Ащелисай в начале августа. У меня было хорошее настроение — все, что было необходимо к началу главного нашего действа-Уборки урожая, из того, что касалось меня, как экономиста и парторга (Строительством занимался уже другой человек, у меня оставались заботы по проектам), было сделано, уборка началась и шла уже полным ходом. Приятное время для тех, кто считает, когда ежедневно с наших токов, идет в адрес государства сотнями тонн, поток зерна, а в обратном порядке — идет поток денег на колхозный счет!

Но. Нельзя же, чтобы было так хорошо и всегда. Я пришел на работу, как раз было воскресение, ну уборка урожая — это не для выходных, захожу в бухгалтерию, там один главный бухгалтер, собирает отчеты по уборке. Он мне и говорит: «Андреич, приходи к 10 часам, ко мне домой, дело есть!». «Хорошо, приду» — сказал я и пошел в колхозный гараж. Там встретил главного инженера, Клинк В.А., поговорили о текущих делах, он спрашивает: — Тебя бухгалтер звал к себе на 10 часов?». «Звал» — отвечаю. «Так он сегодня уезжает, семья уже с вещами — уехала, а он заказал машину на сегодня, поедет к поезду, налегке». Оказывается, пока меня не было, бухгалтера уволили. Ну, уволили и уволили, другого, пришлют, подумал я тогда и, вместе с инженером, мы поехали к Иванову домой.

Там в пустом доме, посреди большой комнаты, на расстеленных на полу плакатах, был приготовлен стол, как раньше говорили — «на вынос трупа». Для размещения гостей были предложены старые газеты. Ну, поговорили мы на прощание, выпили, конечно. А в конце Иванов спрашивает Каструбина: «Григорий Ионович! А ключи от бухгалтерии, ящиков и сейфа, кому передать?». «А отдай Василию Андреевичу» — ответил Каструбин. Иванов бросил мне через импровизированный «стол» связку ключей. Потом он уехал и мы разошлись.

На другой день, в понедельник, я пришел на работу, зашел к себе в кабинет, посмотрел партийную почту, а потом — пошел в бухгалтерию, ключи-то у меня, рабочий день начинается. Дернул за ручку двери — открыто, — там уже находился заместитель главного бухгалтера, Шотт Мартын Мартынович. Я с ним поздоровался, мы были всегда с ним в хороших отношениях, поговорили о моем отпуске в Молдавию, потом я сел за стол главного бухгалтера.

Начали подходить люди, бригадиры, водители, куда-то надо были доверенности и т. д… Шотт все выписывал, что надо, начали спрашивать, а кто будет подписывать документы. Ответил, что сегодня буду подписывать все за главного бухгалтера — я. Никто не удивился, что главный экономист сегодня замещает главного бухгалтера. Не удивились даже женщины-работники бухгалтерии, только шутливо спросили, а что, мол, у нас новый главный бухгалтер? И — все.

Я открыл стол бухгалтера, там лежала масса незнакомых мне документов, в том числе — платежных, уже прошедших через Госбанк, всевозможных выписок и т. д… То, что я в тот день испытывал, трудно кому-то объяснить, и сведущему, и не сведущему в этих делах, это просто надо пережить самому. Я понимал всю серьезность и ответственность момента. Хотя у меня внутри, далеко-далеко тлелась искра надежды, что завтра придет кто-то и примет на себя учетную службу и в такой сложный момент, как уборка урожая.

Очень понятливый Каструбин, в тот день, так и не зашел до обеда в бухгалтерию. Он просто дал мне как-то придти в себя. После обеда пришла секретарь — меня приглашает председатель. Когда я зашел — Каструбин встал, пошел навстречу, поздоровались, он, так, по-хорошему спросил: «Ну што — живой!? Ну и слава Богу! В районе обещали на днях прислать главного бухгалтера, поглядим, кто там будет. Присмотри там за всем хозяйством, у тебя теперь забот хватит, но главное — зерно и…деньги. Они нам сегодня очень нужны, начинаем большое строительство, детсад есть, клуб есть, теперича — начнем подымать производство животноводческой продукции. Готовь проекты по двум молочным фермам и молочарке, будем определяться, и с того года, начнем строить.

Ждали, ждали мы от района, того нового главного бухгалтера, а его так и не прислали. Много лет позже, я думал об этом, уже находясь вне колхоза и понял, что, скорее всего, Каструбин и не просил никаких новых главных бухгалтеров у района, да и не собирался их просить, а мне обещал, что пришлют, просто потому, чтобы протянуть время и дать мне возможность самому разобраться в учетных и финансовых премудростях, а дальше история снова повторится, как с моим назначением экономистом. Он в меня просто поверил и за это ему первое большое спасибо. С каким трудом достался мне тот первый учетный год — знает только Бог и я!.

Мне нельзя было терять лицо перед работниками бухгалтерии, в работе которой я мало что понимал, перед всеми специалистами и материально-ответственными лицами. Помогли годы работы экономистом, парторгом, механизатором, водителем, строителем и даже годы моей комсомольской работы в армии.

Но этого было мало. Я в своей жизни видел очень многих главных бухгалтеров, некоторые сидели по часу с важным видом в бухгалтерии, курили «Казбек», что-то там подписывали и потом уходили, чтобы появиться завтра и повторить все с начала, некоторые — вообще по несколько дней не появлялись — те, у которых были влиятельные папы — мамы-дяди или они были определенной, привилегированной национальности в том или ином регионе, такое тоже бывало. У меня — ничего такого не было и мне надо было двигаться самому, работать и доказывать свою состоятельность, как специалиста. Для этого — надо было все время учиться и учиться.

В техникуме — я перевелся на отделение чисто «Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве», затем решил еще ускорить процесс своего обучения. В 1970 году, я закончил второй курс техникума. Это как бы уровень средней школы. «По горячим следам», подал заявление в Алимбетовскую среднюю школу, с просьбой разрешить мне сдачу государственных экзаменов за полный курс средней школы — Экстерном. Разрешили, получил Аттестат и уже по нему, поступил в сельскохозяйственный институт под Москвой. Получилось, что я, одновременно учился на третьем курсе техникума и на первом курсе института, и по одной и той же специальности «Бухучет в сельском хозяйстве».

Я так долго об этом говорю в разговоре о Каструбине, потому, что именно благодаря ему, я и стал в основном тем, кто есть сегодня. Не подвел я его, и не зря он в меня поверил с самого начала. Да, пришлось здорово над собой поработать. Когда ты не знаешь почти ничего, а должен делать все и даже больше — надо учиться и учиться беспрерывно. Мои молодые годы, так сложилось у большинства, особенно сельских ребят, моих ровесников, прошли в постоянной физической работе, а я очень хотел всегда учиться, и, когда представилась такая возможность — усиленно этим пользовался.

Мне до сих пор стыдно перед ребятами, которые при мне работали в районе, бухгалтерами и ведущими экономистами, в то время, когда я стал главным бухгалтером, практически ничего в учете не смыслящим; не знаю, что они обо мне тогда думали, а я все-таки выучился и стал специалистом. До сих пор, а прошло более сорока лет после того, как я покинул Ащелисай, я поддерживаю дружеские связи с замечательными ребятами и прекрасными специалистами, помогавшими мне в те трудные мои годы становления. Это бывший начальник службы учета Ленинского райсельхозуправления тех лет, — Гибадуллин Жантлеу и начальник планово-экономической службы, мой ровесник, Токшимов Орынбасар. Мы переписываемся, перезваниваемся, даже иногда, видимся. Я им дарю свои книги и всегда благодарю за помощь и поддержку в трудные для меня годы. Я их тоже не подвел по жизни.

После многих лет работы в колхозе, я позже, работал и был признанным руководителем финансовой службы в Слободзейском (моем родном районе), где уровень учета был очень

солидным, а в каждом хозяйстве работали десятки бухгалтеров с высшим и средним образованием. Так вот в то время, я уже не был новичком в учете и планировании, в то время я сам уже был Справочником по всем нашим сельским вопросам, а ведь все оно начиналось от колхоза «Передовик», да с легкой руки дальновидного его председателя — Каструбина Г.И., благодаря его умелому, своевременному и разумному «принуждению-вынуждению».

Кроме этих, двух главных поворотов изменивших всю мою жизнь, благодаря вмешательству Каструбина, у меня с ним было еще немало похожих «вынуждающих» моментов, в которых Каструбин, как бы был и ни причем, но я за многие годы, изучив его отношение ко мне, всегда чувствовал, откуда, как говорится, дует ветер. Я знал, что и он это чувствует и верит, что я поступлю именно так, как сегодня надо. Не мне — а всем.

1966 год. Я — главный экономист и парторг колхоза. Разгар уборки. Самый сильный урожай был в том году за 10 лет предыдущих. Сидим мы с Лысенко И.Т., в моем кабинете, считаем показатели по итогам уборки одного из новых сортов пшениц, посеянных на таком-то поле. Заходит Гришко Дмитрий Степанович, очень ответственный и серьезный был человек и сразу ко мне: «Ты мэнэ извыны, Васыль Андриевыч, но у мэнэ срочнэ дило. Прышло нам в Актюбынск ище тры комбаина, надо до обида сгрузыть и забрать з базы. Каструбыну позвонылы, вин мэни сказав — бэры, кого знайдэш и бигом за комбайнамы. А кого я знайду, уже всих, кого можно и кого нэльзя, — посадылы на нови комбайны, шо прышлы ранише. Я взяв Ивана Грузына, закрылы мы пока его мельныцю, и Пантелея Яцука, от склада запчастей, там пока Барг остався за його, завидуючий мастерскою. Бильше нэма никого, хоч убыйтэ мэнэ. Воны вже сыдять в кузови, Петро Гаркуша поиде и я с ным…А ще одного чоловика нэма. Шо я скажу тому Каструбину?!».

«А ничего говорить не надо, — ответил я Гришко, — поехали. А вы, Илья Тимофеевич, закроете потом кабинет». Я как был — так и поехал. Лето, жарко, в кузове — нормально. Получили мы те комбайны, заправили и выехали уже почти к вечеру. До Ащелисая от базы -150 километров. В тот год (1966-й) начали строить дорогу от Актюбинска до Каргалы (речки). Местами подняли насыпь, местами были впадины для будущих мостов. Жатки от комбайнов и отдельные узлы повезли в колхоз машины «Сельхоз техники», ну а сами комбайны, пришлось гнать нам троим, «комбайнерам». Я до армии работал на самоходном комбайне, да и на автомобиле тоже, Иван Ефимович Грузин, работал только на прицепных комбайнах, причем недавно, лет десять тому назад, а Яцук, — никогда на самодвижущемся транспорте не ездил, а комбайн, без жатки и копнителя, как заводная детская игрушка, его бросает из стороны в сторону при неопытном водителе. Как мы ночью, при одной фаре каждый, ехали, как съезжал неоднократно с трассы комбайн Яцука, сколько я раз останавливал попутные машины и возвращался, садился за руль его комбайна и проезжал опасные участки — это отдельная повесть, но я опять вернусь к Каструбину, его правильной и грамотной организационной политике. Комбайны мы пригнали в Ащелисай к утру. Поставили возле старой тогда еще конторы и пошли по домам. Утром я пришел пораньше, смотрю — возле тех двух комбайнов, что пригнали Грузин и Яцук, крутятся какие-то люди, (Позже выяснилось — Жора Бусенко, белорус, прекрасный был парень, и старший сын Малюченко Г.А. -Николай). Потом они завели комбайны и уехали…А «мой» комбайн сиротливо стоит под складом, никому не нужен. Я еще подождал с полчаса, стало мне все понятно, завел комбайн. Поехал в гараж, там оперативно навесили жатку, собрали копнитель, одели цепи, ремни и т. д., пропустили жатку и молотилку, подъехал Володя Курносенко, он тогда был бригадиром третьей (бугумбайской) бригады и мы с ним, двинули в Бугумбай. По дороге я заехал в контору, сказал в бухгалтерии, что еду на комбайне косить хлеб, в Бугумбай. Никто ко мне из руководства не подошел, получилось так, как вроде бы я сам, по своей инициативе, сел за штурвал комбайна. Каструбин после, приезжал в Бугумбай, спрашивал, как

дела, но вовсе не ругал, что я «без спроса» пошел косить…Мне это засчитали, как само организованность секретаря партийной организации. Помните, как на фронте — «Коммунисты — Вперед!». Хотя, после десятилетнего перерыва, менять карандаш на штурвал комбайна, было не совсем комфортно. Но — так было надо.

А мне даже было интересно, да и ребятам комбайнерам — тоже. Все рядом — свой коллега комбайнер, он же экономист, может любую норму объяснить, а если будет надо, — то на месте её доработать, он же и парторг, при необходимости — можно поговорить на любые темы, я находил минуты просматривать газеты и журналы после работы, ребят они мало интересовали, а, имея определенный опыт, я быстро выбирал, то, что могло быть им интересно и делился с ними.

Был у меня в плане «вынуждения» и еще одно пересечение с Каструбиным, когда я уже в колхозе не работал. Приехал я в свой первый отпуск, работал я в то время главным финансистом Слободзейского районного совета колхозов. Приехал в Актюбинск, встречал меня на вокзале, Шотт Петр, водитель Каструбина. Он так обрадовался, как раз была суббота и у его дочери была свадьба в тот день; он меня привез в Ащелисай и попросил поездить с Каструбиным за рулем, выходные дни, пока пройдет у них свадьба. И я, и Каструбин, встретили это предложение с удовольствием — пару дней, в такое горячее время — начиналась уборка зерновых, мы будем вместе, поговорим, вспомним и т. д… Мы объехали многие поля, были на элеваторе, на токах. На второй день — заехали во вторую бригаду, Синицы А.П., а там комбайн стоит, и никого возле него нет. На вопрос Каструбина, — кто на нем работает, Синица ответил, что — Сашка Кабельский, сын Петра Кабельского. Психанул чего-то и ушел из бригады перед самым началом косовицы. Ждали, что придет — а он — не появился больше. Тут Каструбин делает рекламный ход и говорит мне, — а ну, поедем к тому Кабельскому Сашке, в Преображенке. Приехали, постучали, вышла довольно старая бабушка. Каструбин спрашивает: «Где Сашка?», она отвечает — : «Он поехал в хорот(город)». «А чего он поехал в город?» — Каструбин. «Его бригадир ругал. А Саша у нас хордый. Он, когда школа ходил и учител называл его Казоль(козел) — он больше школа не ходил. Очень хордый!». Когда я привез вечером Каструбина домой, он сказал: «Отдохни, сходи на рыбалку на новое озеро, потом встретимся, я дам знать». Это был посыл, который мы знали оба, но не говорили вслух.

На другой день, в понедельник, я пошел с утра в гараж, не могу же я гулять по селу в такое время, когда все в поле. Попросил машину из тех, что стояли в гараже, дали самосвал и послали во вторую бригаду! Работать на току — зерно с буртов — возить на очистку. Скучно, но везде свои люди, с ними — уже интересно. Пару дней повозил я зерно, потом подошел к Синице, давай говорю, я займусь тем, Сашкиным комбайном. Синица начал меня отговаривать, потом куда-то уехал (наверняка встречался с Каструбиным), а когда приехал — подошел ко мне и сказал: «Ну, дывысь сам, Андреич, раз тоби так хочется, сидай и косы». Вечером — я уже был на комбайне в гараже, главный инженер, Клинк В.А., по-свойски «наградил» меня огромной десятиметровой жаткой ЖВН-10 и, через день, я выехал в поле. Каструбин несколько раз подъезжал ко мне, один раз даже с Алма-атинским телевидением, но ни разу не посетовал, зачем, мол, ты связался с тем комбайном и т. д., так как прекрасно понимал, что это было бы лишнее, а я бы все равно сделал бы так, как сделал.

Двенадцать лет я проработал с ним рядом, был участником всех главных происходивших в колхозе событий. Даже работая главным бухгалтером, я продолжал принимать участие в строительной жизни хозяйства. Последним моим практическим действием была выкладка стеклянного пола в столовой. Не знаю, жива ли та колхозная прекрасная столовая или нет, но в большом зале пол был выложен из двух цветов большой стеклянной плиткой. Я две ночи располагал орнамент раскладки листов так, чтобы было не только красиво, но и прилично —

под каждый стол, спроектировал черный квадрат, на общем голубом фоне. И считаю своей заслугой такую мелочь: — По моему эскизу выложили плитку по всему залу и ни одного! повторяю — ни одного листа, не пришлось резать. Так было правильно все расположено и потом уложено.

В отличие от многих руководителей и не только сельских, Каструбин, никогда не договаривался сам с подрядчиками — строителями. В колхозах тех лет это были обычные приезжие бригады. У нас за год их бывало по 20–25, это в среднем. Мы к ним постепенно приноровились. Знали, что например, грузины и западные украинцы, могут быстро и качественно строить объекты любой сложности, армяне — стелить асфальт, это была прерогатива этой нации, скорее всего, проплаченная до самого «верху», другие представители Кавказа, из дагестанских народностей, чеченской и других северокавказских национальностей, качественно строить, чаще всего не умели. Мы их использовали на ремонтных работах, они перекрывали старые кошары и т. п. постройки, где работали с глиной и ветками.

Естественно, мы заранее готовились и знали, что и где в этом году будем делать, — строить или ремонтировать. Где было надо — уточняли и согласовывали проектную документацию, и определяли «вилки» договорной оплаты за производство работ — Минимум — Максимум.

Где-то с февраля — марта, начинался «договорный» период. Приезжали посыльные с разных мест, как правило — руководители бригад, и мы вели с ними переговоры, с каждым в отдельности, выбирая интуитивно в процессе бесед — лучших потенциальных подрядчиков. Постепенно, у нас сложились четкие деловые отношения с некоторыми солидными бригадами, и они многие годы приезжали и работали. Мы знали их способности и возможности, они, в свою очередь, — знали, что мы и обеспечим их всем необходимым, и гарантировано рассчитаемся по договору. Повторяю, председатель никогда и ни с кем не договаривался лично. Обязательно были — «в приемной комиссии» — прораб, экономист или главный бухгалтер. Все годы, работая рядом с Каструбиным, мне довелось принимать участие в тех, договорных кампаниях, и в качестве прораба-экономиста-парторга, и в качестве главного бухгалтера. Каструбин умел договариваться. Помню, хотели мы строить зерновой склад на центральной территории, ну принимаем одну бригаду, аварцы были из Дагестана, веселые такие ребята, со всех сторон. Каструбин говорит, — предлагаем работу, — построить склад для зерна, здесь в селе». Их бригадир тут же заявляет: «Двадцать пять тысяч!». Каструбин даже развеселился: «Да ты хоть спроси, что и как надо построить, объемы работ и т. д.! так нет же — сразу 25000! В честь чего?». «А мне все равно, что будем строить, нас пять человек в бригаде и всем надо заработать за лето по пять тысяч!». «Ну с вами все понятно — сказал Каструбин — погуляйте пока, ребята, на этот объект мы других поищем, а если что-то останется свободным — вас пригласим». Это так, мелкий штрих, но построили мы за те годы, пока я работал в колхозе — очень много объектов разного направления. И, собственно, с тех пор ничего нового в колхозе и не было построено. Просто уже не было необходимости.

Что бы я хотел здесь добавить, дорогой читатель. Опытные строительные подрядчики, неважно — это частные бригады или государственные организации, со своей стороны — тоже заранее узнавали и выясняли, с кем будут иметь дела, в плане заказчиков. Чтобы сказать все это одним предложением — проходимцы искали (и находили) проходимцев. Всю эту «кухню» за свою сельскохозяйственную жизнь, я изучил досконально. Там стоит только один раз споткнуться…, а дальше ты пойдешь, как говорится, по — рукам.

Каструбин внимательно присматривался к людям, и — или Доверял полностью, или не доверял вообще. В условиях Ащелисая, это было вовсе не так легко, как казалось со стороны. Этот сплоченный, сросшийся клубок внутри сельских связей, можно было только катить, слегка поглаживая и подталкивая в нужном направлении, но не пытаться его разматывать или кого-то

из него вытягивать. Скорее тот клубок тебя втянет, чем ты кого-то из него вытянешь…

Каструбин это хорошо понимал и, если мы указывали на какие-то недостатки отдельных лиц, с которыми надо что-то делать, он прямо говорил: «У вас и у меня — здесь родни нет, а ащелисайцы все между собой — родня. Попробуй, тронь, любого, революцию не сделаешь, а просто начнешь бесполезную, грязную и бесконечную гражданскую войну, которая погубит и нас, и само дело…».

Я один раз столкнулся, пусть даже и отдаленно, с этой ащелисайской «едностью». Придумал на женский день, 8марта, было это в 1966 году, преподнести всем женщинам колхоза по отрезу на платье, где-то по 4 метра, уже не помню. Заказали мы около 1000 метров ткани, два вида, я так попросил, чтобы все женщины не были в одинаковых платьях, как в каком-то лагере. Привезли в сельпо красивый добротный материал, порезали по 4 метра, и мы роздали их нашим любимым женщинам. Что там было! Одна половина одаренных женщин, упорно утверждала, что у второй половины — материя была лучше. При этом — вторая половина, и тоже упорно, утверждала — обратное. Они меня с полгода третировали, где бы ни встретили — на работе, на улице, в клубе или в магазине. А я слушал и радовался, что мы не умудрились подарить каждой женщине — отдельную расцветку…Тогда бы этих претензий было в сто раз больше…

Каструбин, благодаря своей практичной крестьянской сметке, сумел найти оптимальный способ организации и управления уже до него сложившимся крепким ащелисайским монолитом, одеть на него мягкую уздечку, а потом спокойно, ненавязчиво, но целенаправленно, да, с сумочкой (условной) — «приманки-овса» на дышле этой телеги, — вести её по жизни. И получилось правильно.

Ему очень нелегко было начинать руководить в колхозе. В то время, в колхозах зоны, окружающей Ащелисай, работали довольно опытные и авторитетные руководители: В «Красном поле» — Мушинский, в «Чапаеве» — Пашкевич, в «Буденном»- Замирайло, в «Новом пути» — Котенко. Это была элита, гвардейцы послевоенных пятилеток. Каструбин не стал вступать с ними в соревнование, он просто начал делать так, как сам считал нужным и у него — получилось.

Некоторые руководители, не зная истинного положения дел в низовых коллективах, пытаются решать возникающие там мелкие проблемы, сами, наскоком, с резкими какими-то выводами, как правило, — бесполезными, чем еще больше усугубляют ситуацию. Каструбин, наоборот, постоянно вникал и прекрасно знал положение дел на местах, но, в большинстве случаев, перекладывал решение каких-то мелких проблем на руководителей подразделений, любых, и, только в случае, если возникшая где-то проблема, начинает задевать интересы всего колхоза — вмешивался сам, применяя весь арсенал имеющихся у него средств, как руководителя и человека.

Его действительно уважали колхозники. Кто имел за собой какие-то мелкие грехи — даже его боялись. И не потому, что он мог побить (а он мог по своей мощи, с любым в селе такое сделать), нет, боялись, что рано или поздно, он все равно узнает. Его не обманешь и от него ничего не скроешь, так как он практически знал по колхозу все: где, кто, что и т. д.

Он был для всех нас, как настоящий (не условно-липовый) Гарант всей колхозной жизни — справедливости, уважения к каждому работнику, порядка, оплаты и охраны труда, правовой и социальной защиты. Каждый колхозник знал и верил — есть Каструбин, — значит все будет так, как надо. Он не был диктатором, он был диктором, направляющим и отвечающим за все происходящее в хозяйстве.

Как человек, выросший на горной речке, он очень любил такой элегантный вид рыбной ловли, как — на петлю. У него всегда с собой была милимитровая по толщине, капроновая леска. Если удавалось побывать на реке, нашей, ащелисайской, или на Каргале, где чистая и

прозрачная родниковая вода, он обязательно — делал петлю, прикреплял её к палке и, усмотрев стоящую на страже щуку, заводил петлю на неё с хвоста, а потом — резко вынимал рыбу на берег. У него это получалось ловко и красиво.

Один раз мы с ним ехали из Актюбинска, заехали на Каргалинский переезд (раньше на Каргале моста не было и речку переезжали вброд). Лето, после обеда. Жара. Решили окунуться и ехать дальше. Пока мы с водителем раздевались, — слышим Каструбин зовет: «Идите сюда, я тут крокодила поймал!». Подбегаем, смотрим: — у его ног, какая-то образина, медленно так извивается. Оказалось — Щука, вся корявая, страшная такая, обросшая какими-то наростами, похожая на ржавую подводную лодку и хлопает своим зубатым ртом. Водитель спрашивает: «А чем вы её взяли?», Каструбин смеется: «А вот, этой талой». Рядом валялась длинная тонкая ветвь тальника (вербы), со сломанным тонким концом. Каструбин, возбужденный такой весь, рассказывает: — когда подошел к Каргале и начал раздеваться, машинально бросил взгляд на воду. Думал, коряга какая-то стоит под подмытым корнем, а оказалась — древняя щука, наверное, еще при царской власти родилась. А под рукой ничего нет. Тут куст талы рядом, я, говорит, тихонько ветку сломал, простейшую петлю сделал, завел под неё, и — дернул. Получилось…Вот такая она оказалась беспечная, наверное, все её контролирующие органы, уже потеряли свою координацию…

Мы полюбовались на это чудовище, в руки его брать было страшно, потом Каструбин перевернул её ногой и сбросил в воду — «пусть себе живет, может еще лет пятьдесят протянет».

Настоящий, простой крестьянский русский парень, он был частью породившей его Природы и любил все природное — землю, лес, воду, небо и солнце. Он очень любил жизнь, не восторгаясь ею в поэтическом плане. Он просто жил той самой жизнью. И жил так, как надо. Искренне уважал и любил своих сестер и младшего брата, Василия, помогал ему, чем мог, когда тот одно время возглавлял колхоз «Авангард», в Кос-Истеке. Он души не чаял в своей семье, очень любил жену, Валентину Антоновну, четырех своих прекрасных детей (Татьяну, Наташу, Любу и Александра). Они сегодня все имеют свои семьи, детей, а кое-кто и даже внуков, но безвременный уход его из состава семьи, конечно же, значительно усложнил жизнь, всем, кого он оставил, и в первую очередь, Валентине Антоновне. Наша семья продолжает поддерживать дружескую связь с семьей Каструбиных, но без главного опорного столпа — им, всем, все эти тридцать с лишним лет, — невероятно трудно. На сегодняшний день, в Ащелисае, остался их младший сын, Александр, кстати — точная внешняя копия отца.

Конечно, это не самый главный аргумент, но, при Каструбине, ни один из колхозников не был осужден, понимается серьезно, не сел в тюрьму. Каструбин берег людей. Всех, независимо от его полезности и ценности.

Как яркий пример: — в начале 1971 года, по небрежности ночного сторожа, загорелась свиноферма возле Преображенки. Когда мы туда добрались, — там действительно было страшно. Ночь, на улице сильнейший буран, а по ферме бегают и бешено визжат, горящие живьем свиньи. Не дай Бог кому такое видеть. Посчитали убытки — по самым, естественно, щадящим ценам, нанесен ущерб в восемь тысяч рублей. Это, в то время, стоимость двух легковых автомобилей…А сторож-старик-пенсионер. За такой ущерб дали бы не меньше 10–15 лет тюрьмы. В то время за 10000-й ущерб, могли присудить и высшую меру.

Каструбин вызвал меня, узнал сумму ущерба, мы пока иск никуда не предъявляли, посмотрел на меня, я понял его невысказанную мысль, пошел в бухгалтерию, набрал чистых бланков платежных ведомостей и вернулся к нему. Он написал своей рукой в ведомости:- Каструбин Г.И. -аванс -300 рублей, я тут же написал -100 и расписался. Ни слова не говоря, я вышел из кабинета. За два дня таким образом, мы собрали добровольных взносов на 8000 рублей, отнесли людям как аванс в счет зарплаты, а деньги внесли в кассу, как бы от того

сторожа, в счет погашения ущерба. Можно понять было состояние того старика-сторожа и его семьи, когда они узнали об этом…Мы в тот год оперативно восстановили свинопоголовье, собирали молодняк по всей округе. Помню, зимой, ездили вдвоем с Сашей Опалатенко, (замечательный парень, мой ровесник, представитель колхозной «Лейб-гвардии», мы знакомы с ним более 60 лет, и до сих пор иногда общаемся), даже в Домбаровку, Оренбургской области, искали поросят, чтобы по быстрее закрыть эту проблему.

За долгие годы совместной работы, я изучил многие его (Каструбина) привычки и восприятия. Мы гуляли с ними в одной постоянной компании. Там собрались неплохие и уважаемые в селе люди. Могу поделиться с читателями, порядком и организацией нашей компании. Состав — всегда постоянный. На все годовые праздники, как Новый год, 23 февраля, 8марта, 1-го мая, Троица и др., устанавливалась четкая очередность на весь год вперед. К примеру, мы получили в этом году праздник 8 марта. По общим установленным правилам — наша семья на этот праздник, готовит все у себя дома и за свой счет (кроме напитков). И так, каждая семья заранее знает, когда её очередь принимать всю компанию и заранее готовится. Скажу вам — это было очень неплохо, да и компания у нас была какая! — веселая, певучая, танцевальная и — вообще — приличная.

Естественно, я всегда был с баяном. Знал все любимые песни Каструбина. У него был приятный, сильный, «народный» такой голос, в хоре особенно звучащий. По мере набора веселости, у него, как и у многих в компании, менялся репертуар. Если он запевал сам, то обязательно начинал с патриотических песен, таких как: «Никогда нигде не унывала, никому не кланялась Москва…», Мог запеть и украинскую:- «Стоить гора высокая, а пид горою гай…». Очень любил флотские песни: «Матросские ночи, Золотые огоньки и др.».

Я видел впервые, как он непроизвольно всхлипывал, сидя в зале нашего Дома Культуры и слушая песни военных лет, в исполнении ащелисайских самодеятельных артистов, 8мая 1975 года, на концерте в честь 30-летия Победы. За несколько месяцев до этого, когда мы шли семьями с празднования Нового, 1975 года, я пообещал ему, как фронтовику-артиллеристу, что постараюсь организовать концерт к Юбилею, такой, которого никогда в Ащелисае еще не было, до сих пор… И мы сделали такой трехчасовой концерт, с одни моим баяном, вживую, без микрофонов и т. п. технических средств. Мы исполнили многие десятки военных песен, и хоровых, и для ансамблей, и сольных, сделав приятно, и Каструбину, и всем, тогда еще жившим, участникам войны. Если те, кто сегодня живет в Ащелисае, были на том концерте, то, наверняка, помнят его и, — думаю, они подтвердят мои слова.

Он никогда не искал и не кичился, славой. Слава сам его находила, а потом шла впереди его. В каком-то году, у нас вышла средняя урожайность зерновых в целом по колхозу, довольно высокая для нашей зоны, в 19,8 центнера с гектара. Районные власти сетуют — неужели нельзя было сделать, чтобы было 20 центнеров?!. На что Каструбин резонно заметил, — а мне мусор в амбаре — не надо. У нас тогда, ничтожные с экономической точки зрения показатели, такие, как Урожайность и Продуктивность, считались за главные. Мне приходилось видеть много таких руководителей, «передовиков производства», которых прославляли и награждали за эти показатели, но никто не считал (и не хотел считать!), что по итогам года, они списывали по 12–15 % валового сбора того же зерна в «мертвые отходы», а молоко выходило в целом с жирностью около 2,5 %, при базисной 3,5 %. Вода, а не молоко. Но так это же было известно уже после окончания года, когда все ордена-медали, премии и должности уже были распределены, и принимались новые «повышенные» обязательства уже под новый год. Под «обязательства-обещания» тоже можно было успешно прожить целый год. А на следующий, — опять брать новые обязательства.

Каструбин выступал на различных вне колхозных форумах редко, тем более никогда ничего

заранее не обещал, он просто Делал. Для высказывания обещаний, были штатные — другие. Это властям нравилось, когда кто-то обещал, тогда и они, в свою очередь получали право на обещания. Помню, был у нас в районе, один такой ловкий и классический «обещальник». Выступал на любом районном мероприятии. Обсуждается, к примеру, на каком-нибудь партхозактиве, вопрос подготовки к посевной кампании. Он тут же выступает: — «У нас в колхоз для посева — все готово: — сеялка ест — колес нету, котел ест-каша нету, землянка ест — люди нету и так далее, а в конце — Мы сев проведем в сжатые строки!». И все ему хлопают в ладоши. А что там будет на самом деле — да кому это интересно!. Мы в то время, постепенно довели эту ситуацию с обещаниями, до полного абсурда.

Когда мне довелось возглавлять экономические службы самого мощного в то время в Советском Союзе, (в экономическом плане) аграрного района, моего родного, Слободзейского, то застал апогей (вершину) этого самого «обещательства». Наш район тогда выдавал на стол государства до 400000 тонн плодоовощной продукции в год! Один район! Давал почти по два килограмма овощей и фруктов, на каждого жителя Союза, от Калининграда до Чукотки, включая грудных детей! Люди работали на пределе своих возможностей и даже тогда нам предлагали — ну, пообещайте, что вы еще увеличите производство, хотя бы на одну треть. А мы, (молдавская власть тех лет) пообещаем Москве, дать всего по миллиону тонн — овощей, винограда, фруктов. Ну, пообещайте, приказываем вам! А мы — под обещания, — многое чего получим, да и вам что-то перепадет… Так и было, к сожалению.

Каструбин, повторяю, никогда не обещал и тем уже был неугоден властям, всех уровней. Таких не любят. Любят тех, у кого «рыльце в пушку», кто знает свои грехи и боится. Тот постоянно «на крючке», его и ловить не надо, он «пойман» сразу, при назначении на должность. С ним всегда можно (власти) работать и что хочешь с ним делать. Он выполнит любой приказ и любой каприз…Он всегда примет, накормит, напоит и даже спать уложит…, при желании. Он — наш вечный должник, мы его для этого и держим.

Это было не только в нашем районе. Это-система.

Где вы сегодня увидите, чтобы председатель такого мощного колхоза, каждый день! И круглый год, начинал свой рабочий день в 5 часов утра. Каждый день, он переходил по навесному мосту на другую сторону местной речушки, и смотрел, как дела в колхозном животноводстве, начиная от фермы молодняка крупного рогатого скота, потом молочно-товарных ферм, пункта первичной переработки молока, потом шел вдоль речки до моста, между Ащелисаем и Преображенкой, заходил на свиноферму и к семи часам утра — приходил в гараж, где к этому времени собирались мы, колхозные специалисты и руководители подразделений. Каструбин, приходил, уже зная положение дел, где, что и как, на основных проблемных участках. Ему уже не надо было от кого-то получать текущую информацию — он обладал ею сам и требовал каких-то конкретных действий от ответственных лиц, если в этом была необходимость. Это была — Система, настоящая, рабочая и эффективная. И, повторяю, в любую погоду и в любое время года! Мне стыдно об этом говорить, но сам видел, как в моей родной Слободзее, в перестроечный период, председатель местного колхоза, шел на работу, в 10 часов утра, с похмельной головой, чтобы подписать в конторе несколько бумажек, а потом, вместе с приближенными, продолжать пропивать свой колхоз дальше. Такие были на селе контрасты. Потому и все закончилось так, как закончилось. Нас привели к тому целенаправленно, умышленно. Мне даже страшно подумать, как бы отреагировал Каструбин, если бы застал всю эту, в том числе Ащелисайскую, вакханалию…

Ходил он всегда, не торопясь, твердо и уверенно ступая по земле, не сутулясь. Всегда в одной (чаще в правой) руке, носил связку ключей. Часто что-нибудь строгал перочинным ножом, какую-нибудь свежую веточку или спичку (в то время не было зубных палочек в продаже). Был

умерен во всем, — в разговоре, еде, питье. Человеческое ему ничто не было чуждо, мог и сто граммов выпить, там, где было надо, и веселую историю рассказать. По-особому, громко, заразительно и приятно (по-Каструбински) — смеялся. Он просто был Человеком. Жил и работал, как настоящий Человек.

Что было у него плохо. Плохо было то, что он не уделял хотя бы элементарного внимания своему здоровью. Его порядочная сельская русская ментальность, не позволяла ему выпячивать или подчеркивать какие-то свои недуги. А они накапливались, и не пустом месте. С семнадцати лет — три года на фронте; четверть века нести на плечах нелегкий колхозный груз, тем более, так как он его нес, «нелюбовь» властей, а где-то и — зависть, серьезно подорвали его могучий организм. А он все это переносил в себе, не жаловался и не искал каких — то поблажек и привилегий, Я помню отдельных пятидесятилетних «стариков» и по Ащелисаю — тоже, которые были всегда «рекламно-больными», и требовали себе различных льгот, спецпитания (мед, масло, икра, цитрусовые и т. д.), причем все их окружающие с этим соглашались. Потом уже их дети стали стариками, а они, простите, так и продолжали «болеть» и стонать дальше…

Он так не мог. Он и сам молчал о проблемах со здоровьем и родным об этом не разрешал рассказывать. Не буду брать грех на душу и заявлять, что многие годы, все те, кто ему завидовал и не очень «любил» его, как «неподконтрольного» в их понимании, руководителя, со всеми вытекающими последствиями, потихоньку «добивали» его. Нет, я так сказать не могу, но могу сказать другое — никто из всех уровней властей, и, к сожалению, он сам, не сделали ничего, чтобы он и сегодня был с нами. Это мое мнение и я только так думаю.

Руководитель мощнейшего хозяйства — Более 90 тракторов, около 60 автомашин, около 80 комбайнов, 3000 голов крупного рогатого скота, около 10000 голов овец и 17000гектаров посевных площадей и до 20000тонн зерна в год, плюс пять сел вокруг! Это минимум полнокровная механизированная дивизия, во главе человек с генеральским статусом! И никто не поинтересовался — а как ему живется, как у него со здоровьем?. Да таких людей надо заставлять проходить профилактические медицинские осмотры и минимум раз в полгода, отправлять их на обследования и необходимое лечение. Вместо этого, его систематически травят и травят. Каструбин был не простым человеком, он прекрасно понимал ситуацию и отношение к нему, особенно со стороны властных структур. Не знаю, кому он так мешал и на каком уровне, но, если человек носит на груди (уже!) две высших награды СССР, два ордена Ленина, плюс орден Октябрьской Революции (второй по статусу), потом добивается вообще фантастических показателей в производстве, продав государству за пять лет, десятилетний плановый уровень продажи зерна, а ему, как бы в насмешку, дают — один, а позже второй, — орден… Трудового Красного Знамени — это как называется?. Да лучше бы вообще ничего не дали, — ему бы не было обидно и так полная грудь наград. Нет, дали, но показали, и раз, и второй раз, что мы тебя не любим, как говорил когда-то Аркадий Райкин. На уровне Каструбина, это глубочайшее, тем более абсолютно незаслуженное унижение; хорошо хоть не додумались дать ему значок — «ударника коммунистического труда». А звание Героя, дали трактористу, у которого показатели были приписаны примерно в три раза. Это я, как экономист вам говорю, потому, что сам видел, **когда представлял тогда документы на награждение в район. Я ничего не имею против того Ивана** — Героя из колхоза, такие награды всегда выделялись субъективно, но если ему дали Героя, то Каструбину, извините (соразмерно), можно было бы дать таких Звезд шесть-семь.

Здесь еще уместно добавить, в тему: — за все годы расцвета колхоза «Передовик», ни один наш колхозник, не был удостоин звания Героя соцтруда!. И даже не это показательно, — сколько раз, еще при Кунаеве, и позже, в сторону Ащелисая, выезжали первые лица Республики, а ведь никто из них так в Ащелисай, лучший сельский поселок и колхоз с высочайшими показателями, так и ни разу не доехал! Подвезут их на «чапаевскую» гору, посмотрят они оттуда на все это

наше великолепие и уезжают обратно. А до этого, нас несколько дней терзают — Готовьтесь, САМ приедет!. Мы и готовимся — варим — жарим-печем и для кого!?. Интересно, кто же тогда не советовал первым лицам, в Ащелисай заезжать, какой уровень власти — район, область, Алма-ата!?. А может, боялись на нашем фоне, в других местах убогость показывать. Не знаю, но так было!.

Признаться достали они нас в те годы, нашими же достижениями и нашим же достатком, — как какое-то массовое районное мероприятие, — какой-нибудь там слет (кого угодно — доярок, свинарок, трактористов, комсомольцев…или приезд — индусов, мексиканцев, австралийцев и т. п.), — так в порядке поощрения…Нас — , их массово, везут — к нам, — кормите их, поите, ублажайте, у вас же все лучшее — Дом Культуры, столовая, асфальт и т. п…К «своим» не везут — там нечего показать и не о чем рассказать. К своим — они для души, малым составом поедут…

А у нас — пожалуйста — вся местная власть — на высоте. Это — они гостей принимают… Это их заслуги, что у нас так хорошо. И всем им хорошо, кроме нас. До сих пор стыдно и противно…Это что за отношение было к лучшему хозяйству района и его председателю.?!.

Как ты думаешь, дорогой читатель, легко ли было переживать Каструбину, такие плевки в нашу (его) сторону и, как отражалось все это на его здоровье!?.

А как позорно его потеряли?! Да такого человека, депутата Верховного Совета Республики, ценнейшего руководителя хозяйства в районе, когда он плохо себя почувствовал, надо было срочно доставить минимум в районную больницу или даже прислать вертолет и отправить в область. Вместо этого, пришла местный врач, что-то там уколола ему, скорее всего, не зная, для чего и отчего, и на том история жизни этого замечательного человека, закончилась. Не утверждаю, просто чувствую, — был бы тогда в Ащелисае, когда с Каструбиным беда приключилась, наш добрый «Айболит», просто фельдшер (но какой!) — Мартын Петрович Вибе, может быть, жил бы Григорий Ионович, до сих пор.

Простите, может я и кощунствую, но подозреваю, что кто-то из его завистников, на всех уровнях, вздохнул тогда с облегчением…

Одно можно сказать — не ушел бы он, — совсем по-другому сложилась бы и судьба не только колхоза, но и Ащелисая, в целом. К большому сожалению, его же соратники, работавшие при нем долгие годы, оказались неспособными продолжить его дело и повели дела так, что Ащелисай потерял все, чего достиг за долгие годы. Пусть этот грех на них и ляжет, перед судом истории соленой балки…

А как он (Каструбин) любил садоводство!. Мне он говорил не раз, — вот бы найти место и время, да по-настоящему заняться садоводством и виноградарством. У него возле дома был прекрасный (по местным ащелисайским меркам), сад. Это была его гордость, и он мог часами рассказывать о сортах, правилах и особенностях ухода в нашей зоне за садом и ягодниками. Заложили мы и колхозный сад-огород. Но, раз в пять-шесть лет, приходили жестокие морозы и деревья погибали. Каструбин сажал их снова; и так было не один раз. Когда я переехал в Слободзею, Каструбин несколько раз приезжал к нам, как правило, — в осень — зиму. Я показывал ему слободзейские прекрасные поля, сады, виноградники. Особенно его поражал наш межколхозный сад, где в то время, одним массивом, стояли деревья на 4000-х тысячах гектарах! Там тогда было на что посмотреть. Мы с ним ездили по питомникам, где можно было выбрать любой сорт яблок, груш, персиков, абрикос и т. д…, он восторгался и даже покупал что-то из саженцев.

Говорил, что очень устал и собирался по выходу на пенсию, передать кому-то отлаженное ащелисайское хозяйство, а сам мечтал переехать к нам и заняться любимым садоводством. О Каструбине, как о человеке, я бы мог рассказывать на тысячах страницах, но разговор идет о

нашей родной соленой балке, и Каструбин, хоть и занимает в этой истории, одно из ведущих мест, но является лишь частью этой (общей) истории.

Можно лишь добавить к разговору об этом удивительном человеке, что именно он, сам, скрепя сердце, поехал к первому секретарю райкома партии, и выпросил разрешение мне, как члену партии, покинуть колхоз. Иначе бы меня никто не отпустил или отпустили бы с «волчьим» билетом, в никуда. За что ему от всей нашей семьи — вечная благодарность. У нас были проблемы со здоровьем и, слава Богу, с переездом, они сошли почти на нет.

И последнее по этому вопросу. Осенью 1983 года, я получил письмо от Демиденко Николая Ивановича, он тогда работал в райкоме партии, то ли помощником первого, то ли заведующим отделом оргпартработы. Демиденко писал (это письмо до сих пор есть в моем личном архиве), что первый секретарь райкома, Карюк Г.Г., предлагает мне вернуться в Ащелисай и возглавить колхоз «Передовик». Я вежливо отказался. Предложение было уже не актуально, с любой стороны.

Ну, а мы, дорогой читатель, пойдем дальше по галерее персональных и групповых портретов ащелисайцев. Как раньше говорили — «Вспомним — поименно», но понятно, что не всех… Нельзя объять необъятное, как говорится.

Лысенко Илья Тимофеевич.

При мне он работал в колхозе, главным агрономом. Для меня, он навсегда остался «крестным отцом», так как именно благодаря ему, я был приглашен на работу в колхоз, хотя намеревался идти в любую другую организацию. И кто знает, что было бы потом, и кем бы я стал в дальнейшем.

Илья Тимофеевич, больше был практик, но упорно учился и очень удачно вошел в «тандем» с появлением в колхозе Каструбина. Он был очень аккуратным исполнителем. Именно — не ведущим, а грамотным ведомым специалистом. За свою жизнь, мне довелось видеть в работе достаточно много агрономов, разных направлений и уровней, но другого такого «пишущего» агронома не встречал. Позже, находясь вне Ащелисая, я всегда ставил его в качестве примера, по той простой причине, что и агрономы, и зоотехники, и многие другие отраслевые специалисты, не любили, да и сегодня не очень любят…писать. А у Лысенко, все книги истории полей, были в идеальном состоянии, своевременно и правильно заполнены; он их приводил всегда в качестве аргументов по любому случаю, связанному с использованием земли, сроков посева, обработки почвы и всходов, применения удобрений, сроков уборки и результатов её, показателей урожайности, в зависимости от множества причин, которые были у него отмечены в тех самых книгах. И никто не мог выразить сомнение в тех записях, потому что не было контраргументов, а у него все было налицо. Может и действительно что-то было не так в тех книгах — так, поди, попробуй, опровергни те записи…

Каструбин вел главную стратегическую производственную линию, Лысенко удачно осуществлял тактическое её претворение в жизнь. И у них получалось. Не буду повторяться.

Илья Тимофеевич не отличался особой храбростью и настойчивостью, в силу определенных его физических проблем, но исполнителем, повторяю, был цепким и дотошным. Понятно, что у него за спиной, как и у всех нас, колхозных специалистов, стоял авторитет председателя, но дело и свою роль в нем, Лысенко знал хорошо.

У него была хорошая семья, сын, две дочки, сейчас не знаю, где они и что с ними. Раньше ходили легенды, что Илья Тимофеевич, в молодости, очень любил женщин, особенно, почему-то замужних, и, что были у него по этому направлению проблемы с мужьями тех женщин. Но — не знаю, не видел, не держал, — поэтому не буду об этом.

Была у него одна привычка, плохая или хорошая, не мне судить: — он постоянно просил у всех закурить, в то же время, у него в нагрудном кармане пиджака или рубашки, всегда

находилась пачка от папирос или сигарет, с папиросой в одном экземпляре. И, когда у него самого кто-то просил закурить, он доставал ту пачку, с сожалением говорил: «последняя» одна осталась, — понятно, что последнюю — никто не брал. Повторяю — у него всегда была в пачке — только «последняя». Да простим ему этот малый грех…Хотя, в принципе, это у него был просто экономический расчет: в течение рабочего дня, Илья Тимофеевич общался с со многими людьми, тем более в поле, а там курево — всегда было в дефиците, и ему надо было бы иметь ежедневно в запасе по несколько пачек сигарет-папирос, чтобы удовлетворять просьбы тех «полевых стрелков». Поэтому и показывал всегда — «последнюю» сигарету…А, в общем, у меня о нем остались хорошие воспоминания.

Дорогой читатель, напоминаю, что мы с тобой пишем не историю колхоза «Передовик», с его замечательными тружениками — механизаторами, комбайнерами, водителями, доярками, скотниками и другими лучшими и наилучшими, а пишем о селе.

В каждой его организации были тоже свои передовики, и было бы несправедливо останавливаться только на колхозниках. Поэтому, листаем дальше ащелисайский альбом и останавливаемся на тех портретах и групповых снимках, где изображены люди, повлиявшие как-то на жизнь села, в целом:

Зюганов Тимофей.

Простой русский парень. Тракторист. Но какой!?! Помните, есть такое выражение — на них Земля держится? Так это о нем, точнее, — о таких, как он.

Мы сказали уже — все в Ащелисае, за эти сто лет, внесли свою лепту в его развитие и процветание, но не все одинаково, а по способностям и возможностям. И по — другому, и быть не могло.

Я делаю исключение для этого, простого рабочего человека. Делаю по трем причинам: 1. Он постоянно находился как бы в автономном режиме работы. 2.Он работал на весь колхоз и на все село, в самом прямом смысле. 3.Он был удивительно постоянным, понимающим, надежным и очень нужным работником, в паре со своим стальным и грозным напарником — тяжелым трактором — бульдозером, — с которым они представляли как бы единое целое. Друг без друга в отдельности, они не существовали. И — запомните живущие ныне люди, кто помнит еще Тимофея Зюганова: — Если вы, в свое время, мало слышали о нем или мало знали, то только потому, что он так прекрасно и безотказно работал, — такой парадокс. То есть — если — все было нормально в селе, особенно зимой — значит, кто-то это самое «нормально» нам обеспечивал, и мы не всегда могли знать, кто это. А он как раз и был тем нашим спасителем. И каждый день, и в любую погоду. И чем сложнее была обстановка в степи и в селе, тем нужнее был там Тимофей.

Рабочий день Тимофея зимой начинался еще раньше, чем у председателя. И этот самый его рабочий день, был каждый день, без всяких выходных и праздников. С четырех часов утра, Тимофей, начитал «откапывать» занесенные снегом животноводческие фермы и сеновалы. Животные не знают — буран там или что другое, — им нужна еда, вода и уход. А на ферму, надо еще попасть… Очистив от снежных завалов прифермское хозяйство, он, без всяких звонков и приказов, начинал чистить сельские улицы, территорию гаража, а когда люди уже выходили на работы по прочищенным дорогам, он выходил на прочистку автомобильных дорог вне села, — на станцию, на Джусалу, а если будет дополнительное распоряжение, — то и в другие направления, на Рождественку, Алимбетовку и т. п…

Мы всегда держали районные и внутрисельсеие дороги в хорошем состоянии. Но не были просто такими добрыми, за колхозный счет. Нет. За большинство услуг, мы аккуратно предъявляли счета районным дорожникам и они их принимали, в счет оплаты транспортных сборов (раньше они назывались «гужевая повинность»). Мы делали сразу несколько полезных

дел: очищали дороги, для, в том числе, и наших нужд, не отвлекали живые деньги на выплату налогов за колхозный транспорт, давали работу своим людям и имели добрые отношения с районным ДЭУ (дорожно — эксплутационным участком). Кстати, мы находили возможность возмещать полностью или частично, многие общесельские затраты, которые несли, как бы авансом, — по школе, детсаду, больнице и т. п. Каждая потраченная колхозом копейка была на учете и, по мере возможности, — возвращалась обратно на наш счет. Мы были не «добренькими», а добрыми и исполнительными, что району, естественно, нравилось. Нравилось, в первую очередь с той стороны, что мы работали, как бы авансом, делали им облегчение в начальный бюджетный период, зато потом — они нам многое возвращали. Такой симбиоз (сожительство со взаимной выгодой) колхоза с властью, работал очень неплохо. Все это работало и на имидж колхоза, — окружающие думали, что раз колхоз делает, значит это все — от колхозных «щедрот»…

Во многих случаях, Тимофей с бульдозером — становились решающим и последним аргументом в сложных ситуациях, особенно, в зимний период. Если бы всю его работу в суровое зимнее время снимали на видео,(как сегодня часто снимают какую-нибудь чушь), а потом выставляли на просмотр людям, уверяю вас, там было бы что посмотреть…Немногословный, ответственный и знающий себе цену, он был молчаливым творческим исполнителем. Никогда не «качал права» и не требовал, каких либо льгот и привилегий, которых на самом деле заслуживал.

Помню случай, где-то в самом конце 1970 года, я ездил сверяться на лесоторговую базу города Орска. Были от нас три автомашины с прицепами, загрузили их строевым лесом и выехали в Ащелисай. Возле старого моста через реку ОРЬ, нас ждал на тракторе Тимофей. Наступила ночь, постепенно начался сильнейший буран, ни о какой дороге речь не шла, ехали вдоль линии телеграфных столбов. И ехали двое суток эти 50 километров. Машины с прицепами, груженные длинномерным лесом, шли очень трудно, плохо управлялись по ходу движения. Часто съезжали в кюветы и ямы. Но дело не в этом. Я смотрел, как Тимофей управлял тем могучим трактором. Стоя в кабине, иначе его за пять минут засыпало бы снегом с головой, так как оба малых открываемых окна трактора бы раскрыты, повторяю — стоя в кабине, весь в снегу, почти двое суток, Он не выходил из трактора. Он лидер, идет впереди колонны, это нам было проще цепляться по очереди к нему, да иногда в кабине прятаться от вьюги. А он — в телогрейке, ватных брюках, кирзовых сапогах и тонкой «фэзэушной» шапчонке, в беспросветной кутерьме, — искал дорогу, спасая нас.

В тот раз, насмотревшись на его мучения, я взял дома свое флотское меховое пальто, покрытое водонепроницаемой тканью, выписал ему со склада валенки, простую меховую шапку, и отдал ему в гараже. Прошла неделя — смотрю, — он опять в телогрейке и сапогах подъезжает к заправке, в гараже. Я подошел к нему и не успел ничего спросить, он спрыгнул с трактора, покраснел и говорит: «Знаете, Андреич, мне неудобно в пальто управлять трактором, а валенками ни одну педаль не нажмешь правильно».

Уже весной, еду как-то в Актюбинск, через Преображенку. Дорога проходила рядом с домом Зюгановых. Смотрю, а Люба, его жена, моим меховым пальто свинарник на улице от солнца прикрыла. Ну, хоть какая-то польза — подумал я и поехал дальше…

Помни, Ащелисай, обычного русского парня, Тимофея Зюганова, столько лет, своей самоотверженной и ответственной работой, спасавшего нас, твоих детей, в самом прямом смысле, от разных бед, даже самых худших. И вечная ему память и слава от всех нас. Он её заслужил всей своей жизнью!

Не уточнял, но поговаривали, что наш Тимофей, вроде бы был близким родственником «главному коммунисту» России, Геннадию Зюганову. Не знаю. Поэтому, если кто-то знает лучше, — пусть добавит о нем еще что-то из того, чего не знали мы.

Под стать Тимофею Зюганову, прожил свою жизнь и простой украинский парень:

Кулиш Александр.

Помещаю его в галерею избранных портретов нашей соленой балки, за все его труды не только на благо колхоза, а и всех наших четырех сел. Это действительно был не только Мастер, но и замечательный Человек. Александр Кириллович, основное рабочее время в году — работал столяром-плотником. Для него не было разницы, для кого он что делал, — будь то колхозная ферма, магазин рабкоопа, детский сад или школа, неважно, но он выполнял любой заказ с какой-то природной любовью, точностью, аккуратностью, красиво и вовремя. Два месяца в году, он уделял комбайну, убирал хлеб. Эта удивительная «уборочная» пара — Кулиш А.К. и Ваншайд А.Р., на период уборки урожая, работала «тандемом», по высшему классу. Мало было таких мастеров — комбайнеров, не только в масштабе нашего колхоза, но и, наверное, вообще, — в любом масштабе. Словами эту пару охарактеризовать невозможно. Это был образец уборочного «искусства». Александр Кириллович был известным в районе человеком — Ордена: Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, конечно, впечатляют, но — главная ему награда — память человеческая и великая благодарность от всех жителей села. Он это действительно заслужил.

Мы с ним очень часто общались и по работе и вне её. Когда он получил право приобрести автомобиль «Москвич -412» и первый раз приехал на ней на работу, я, шутя, ему выговаривал: Ну, есть у тебя машина теперь. Давай посчитаем — восемь месяцев у нас зима — никуда не выедешь. Два месяца — уборка урожая. Итого — уже 10 месяцев. Один месяц — на непогоду, занятость по срочным делам, ну и что остается? Один месяц — будешь ездить на своей машине, чтобы на Троицу в скалы выехать?. Другие так и делают — выедут в горы, там хорошо «примут на грудь», побьют машину, а потом до осени ее ремонтируют…», на что Александр, снисходительно улыбаясь, отвечал: «Знаеш, Андреевич, мэни приятно уже то, шо я ии (машину)маю. И будэ вона у мэнэ ще довго, и всигда в справности!». Достойный человек.

Групповые фотографии:

Они служили людям:

Сколько лет, верой и правдой служила Ащелисаю супружеская чета Вибе. Мартын Петрович и Варвара Францевна. Он — медицинский фельдшер на все случаи человеческой жизни, она — акушер. Мартын Петрович, имел огромнейший опыт практической работы. Взять на примере нашей семьи — он первым, без всяких анализов, их в Ащелисае не делали, дал заключение по моей жене, что у неё проблемы с почками. А в районной больнице Батамшинска, после каждого приступа, у неё что-нибудь да вырезали, то аппендикс, то какую-то кисту, лишь бы отделаться. Главврач больницы даже хвалился, что знает мою жену лучше, чем я. Я позже убедился, в том, что он вообще ничего не знает…

Мартын Петрович, кроме опыта, обладал еще большим запасом немецко-украинского юмора. Всегда принимал больных с доброй улыбкой и человеческим, порядочным, состраданием и пониманием.

Как-то раз, приехавшие с нами вместе, два земляка, знавшие друг друга много лет, после ссоры — подрались, и как-то по-женски, исцарапали друг другу лица. Вибе, специально, чисто в воспитательных целях, раскрасил им лица в желто — зеленый цвет, используя для каждой царапины то зеленку, то йод. А больничный лист, им не выдал, сказал, что с такими повреждениями, вполне можно работать… А раньше с выходом на работу было очень строго, в МТС работала марочная система. Каждый по приходу на работу, должен был повесить на свой номерной гвоздь свою марку, а уходя с работы — снять её и забрать с собой. С началом рабочего дня ящик с марками закрывался табельщиком на замок, и сразу было видно, и кого нет на работе или кто опоздал. За опоздания строго тоже наказывали, могли уволить с работы. И пришлось

нашим драчунам, несколько дней ходить «раскрашенными» и прятаться от людей.

А главное — Мартын Петрович, всегда мог оказать медицинскую помощь тем, кто в ней нуждался или посоветовать, да и проследить за тем, как идет у кого лечение.

А скольким женщинам помогла такая добрая, заботливая опытная акушерка — как Варвара Францевна!? Многим сотням. Даже нашу старшую дочь, Екатерину, впервые брала на руки — Варвара Францевна.

Довольно известным человеком в Ащелисае, была и еще один действующий фельдшер, — Яцук Сима Ивановна. Она была прямой противоположностью Мартыну Петровичу. Военный фельдшер, была на фронте, работала в госпитале. Крупная женщина, резкая, быстрая, практически никогда не улыбающаяся. Ей некогда было улыбаться, слишком много было текущих забот: — четверо детей, корова, хлеб надо печь, чуть ли не через день, дежурства и т. д… Она была бескомпромиссна и прямая, как крепкий вкопанный столб.

Иду я один раз на работу, она навстречу, спешит в больницу. Холодно, зима. Я возьми и спроси: «Сима Ивановна, что-то у меня шея справа вроде как напухла, что это может быть?». Он, не останавливаясь, спрашивает: «А яйца не опухли?». «Да нет» — отвечаю. «Ничего — опухнут!»-уверенно бросает она и бежит дальше. А мне — хоть стой, хоть падай, — или беги за нею и спрашивай дальше.

А как-то раз прихватил меня спинной радикулит. Вибе, приписал какие-то уколы и я ходил их делать в больницу, брал с собой лекарство, а Сима Ивановна — делала те уколы. Ну, пришел я, сел на кушетку, в очередь. В это время Сима Ивановна делала укол своему соседу, Цокуру Николаю (я застал еще в живых его отца, тоже из первых переселенцев, Демьяна). Николай лежал тогда в больнице, с тем же радикулитом, в очень сложной форме, еле передвигался. Он стоит, а Сима делает ему подряд три укола, хватает поднос с кипяченными шприцами и бежит куда-то по коридору, делать уколы по палатам.

«Послеукольный» Цокур, тяжело садится на кушетку рядом со мной, и вдруг пулей вскакивает, хватает стоявшую рядом швабру, и как заправский бегун, бросается вслед за Симой. Оказывается, она забыла вынуть из него иголку от шприца, и Николай на неё сел…Главное — у него радикулит прошел мгновенно и он вечером уже был дома. Как говорится — не было бы счастья.

После того, как ушли из ащелисайской медицины, наши веселые и серьезные фельдшеры, которых заменили «ученые» врачи, переселение жителей села на кладбище, значительно ускорилось, а с учетом нынешнего состояния медицинского обслуживания сельского населения и в том числе ащелисайского, вполне возможно еще ускорение этого неприятного процесса, который «уже идет»…

Как Ащелисаю не вспомнить и не помнить, тех, кто готовил к жизни наших детей. Замечательных педагогов, стоявших у истоков уже полной средней Ащелисайской школы, Голубь Софью Никитичну, Гнояник Марию Андреевну, Виктора Вибе, Любовь Яковлевну Таранец!. Сколько труда, знаний, нервов и душевного тепла, они отдали нашим детям! Каким молодцом оказалась одноклассница моей старшей дочки, Екатерины, Лариса Николаевна Ильчевская (Дмитрюк), работающая ныне директором школы в самое, наверное, тяжелое и неопределенное, нынешнее время!

Поддержи её, Ащелисай, школа — сегодня это главное, что осталось от той, сладкой жизни соленой балки.

А знаешь, дорогой читатель, какими раньше были ащелисайские магазины!. И сколько радости постоянно и многие годы, дарили нашим людям, «главные» наши продавцы, Екатерина Лысенко и Нина Синица! Да какой там супер маркет сегодняшний!.Раньше, если есть деньги, в магазине можно было найти все элементарно необходимое. А в годы нашей молодости, в

крошечном по нынешним меркам, продовольственном магазине (кто помнит — в том же здании старого магазина, сзади, с северной стороны), дешево, продавались такие деликатесы, копчености, десятки видов лососевых консервов, черной, красной и «белой» икры, копченые жереха (метровые), висели на стенах и лоснились от жира и т. д., что сегодня, тем более с учетом качества, и в московском ГУМе, такого не увидишь. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Проезжающие люди останавливались в Ащелисае, даже для того, чтобы посетить наши магазины. Была приличная сельповская столовая, пекарня, потом добавилась еще одна колхозная и проблемы с хлебом были решены.

Хотя здесь уместно напомнить: — раньше в наших колхозах, всей нашей ащелисайской зоны, в летний период, специальные мастерицы-женщины, пекли подовый хлеб в печах на капустных листах, специально для бригад на период работ. Такие огромные караваи с особым запахом и с таким вкусом, что и не расскажешь.

Утром привезут такой хлеб в бригаду, его придавишь, а он как губка, вырывается обратно на место. С молоком — чудо! больше ничего и не надо. Повезло тем ащелисайцам, кто жил в нормальное, как говорят сегодня некоторые умники, «застойное» время, когда было что и выпить и закусить, натурально и недорого.

Вроде бы — мелочь, а как приятно вспомнить!. Имеет человек — ОДИН рубль (раньше 10 до 1961 года). Подчеркиваю — всего один рубль!. В субботу — идет в баню, баня -20 копеек. После бани (святое дело для русского мужика) — заходит в столовую с друзьями, простите, но так было! берет 150 граммов водки за 60 копеек, итого уже 80 копеек, заказывает — гуляш мясной, за 16 копеек, итого 96 копеек, и еще ему хватает на стакан чая -3 копейки с сахаром и кусок хлеба. Вот вам и весь его один рубль. На один рубль, в Орске можно было купить 25!штук, вкуснейших, обжигающих пальцы пирожков. Так мы плохо жили, дорогая ты моя, соленая балка!.Помни и об этом тоже.

А сегодня тебя обкапывают вокруг карьерами, из которых кто-то черпает большими экскаваторными ковшами, деньги, прикрываясь «интересами государства», а у тебя основная масса людей — без работы, а значит и без ничего. Ну, это все ты знаешь, и каждый день видишь, а у нас по данной книге, несколько иные цели, — просто напомнить тебе о той уже далекой сладкой жизни, может быть, тогда и нынешняя, не такой горькой покажется…

Новоселы.

Помните, как в той песне: «Подумать страшно мне теперь, что я не ту открыл бы дверь. Другой бы улицей прошел…».

А ведь я попал в Ащелисай, можно сказать, совершенно случайно. Как часто по жизни и бывает и, вполне возможно, что сегодня не писал бы о нем…

Когда нас провожали на вокзале в Кишиневе, в феврале 1955 года, было довольно холодно и у музыкантов духового оркестра, от мороза прилипали губы к мундштукам труб, сам видел. Провожали нас шумно, с помпой. Первый эшелон целинников отправляла Молдавия в Казахстан, причем, конкретно в Актюбинскую область. Везли нас быстро, специальный поезд останавливался только на узловых станциях. Вагоны, естественно, «гудели». Многие набрали с собой вина, — в бочонки, канистры, грелки, ну, кто во что и сколько мог, плюс — получили некоторые «подъемные» деньги. В общем, некоторая материальная база была, к ней добавилась нервозность неизвестности, — куда, что и как, да и определенная свобода от всего, что было до сих пор. Все это вместе взятое и располагало к тому, чтобы «погудеть».

В документальных фильмах тех лет, да и отдельных художественных лентах, выезд на целину, как и на другие «великие» дела (строительства ГЭС, ЛЭП, позже БАМ и тп.), отъезжающих всегда показывали героями — патриотами, с комсомольскими путевками и горячими сердцами. По жизни, оно не всегда выходило так. Как правило, все начиналось с

Решения Центральной власти, а потом — обычной вербовки, в масштабах, в зависимости от серьезности направления. Освоение целинных земель — тогда было главным и очень масштабным направлением, на него работали многие государственные органы и под него, выделялись огромные, по тем временам, средства. Больше всего среди нашего эшелона, ехало людей, что-то понимающих в механизации — комбайнеров, трактористов, водителей. Вербовщики выхватывали таких из списков желающих, в первую очередь (за таких им больше платили), а потом уже дополняли группы другими людьми, даже без специальностей, но таких в первом эшелоне, были единицы, в том числе и я. Пока в Министерстве сельского хозяйства Молдавской ССР, оформляли необходимые документы, тем, кого уже «присмотрели» вербовщики, выезжавшие до этого по районам, — предприимчивые представители молдавского комсомола, оперативно выдавали ребятам, подходящим по возрасту, комсомольские билеты и комсомольские путевки. Я тоже получил билет и путевку, в которых, стоял год рождения, — 1938-й. Так я был записан со школы. Других документов у меня не было, да больше никто ничего и не требовал. По тем документам, мне шел семнадцатый год, хотя на самом деле — шел пятнадцатый…Но никто этого не знал, да и кому это было интересно.

Состав того первого «молдавского эшелона», был очень разнообразен, и по национальному признаку и по возрасту. В основном это были украинцы, русские, белорусы, в разные времена, оказавшиеся на территории Молдавии, в том числе и во время Войны, и после неё, и из многих районов. Меньше всего, по совокупности, было молдаван, хотя нас всегда и везде (потом) называли «молдаванами», на что мы не обращали внимания, так как в этом не было ничего зазорного. В большинстве своем, они друг друга раньше не знали, были отдельные знакомые — соседи, но редко.

В Москве наш поезд поставили отдельно, на пригородном отделении, к каждому вагону подали большие грузовые, машины со скамейками для пассажиров, покрытые брезентовыми тентами, мы погрузились вместе с вещами и были оперативно перевезены на другой, Казанский вокзал. Старшие по вагонам объявили, что мы будем выезжать вечером, с такого-то пути и таким-то поездом, а до вечера, все свободны.

Пока мы ехали до Москвы, как-то само собой получилось, что два соседних купе плацкартного вагона, а это в общем -12 человек, нашли общий язык, вместе кушали, пили и пели, и как бы стали одной командой. Приехав в Москву и, получив целый день свободного времени, мы, всей этой вновь образованной «командой», вышли в город. Ну, естественно, поехали на Красную площадь, прошлись по главному магазину ГУМ (там с нашими кошельками делать было нечего), поели там мороженного и вышли на площадь. Рядом — здание Исторического музея, кто-то прочитал вывеску и предложил зайти в музей, все-таки Исторический!.Зашли. Прошлись по одному этажу. Для меня все (и всегда, и везде) — новое было интересно, среди нашей команды таких, как я, любителей старины и чего-то нового, больше не было. Возраст группы колебался от моих 15-ти, почти, и единственного среди нас молдаванина, Ивана Чунту (25 лет), а дальше от 35 (мой отец) и до 50-ти. Всем им, «эти старые музейные кости», были абсолютно не интересны, поэтому, кто-то видел слева от главного входа, влево дверь в полуподвал, с надписью «Столовая» и решили, что там будет гораздо интересней…

Пока я в одиночку осмотрел все этажи музея и пришел тоже в столовую, компания уже заканчивала трапезу, а на краю стола стояли восемь пустых бутылок из-под водки…Выйдя из музея, начали искать туалет, направо у кремлевской стены висел большой стеклянный шар, с надписью «Туалет», двинулись туда. У входной двери, влево — часовой с карабином, из кремлевской охраны, не говоря ни слова, нажал кнопку, вышел капитан с повязкой дежурного, спросил — в чем дело- это служебный вход в комендатуру. Спутники мои спросили туалет, мол, тут написано. Капитан сказал — там есть же стрелка, указывающая, что вход в подземный

туалет, несколько дальше, вдоль стены. Слава Богу, обошлось все нормально, а то ребята наши были очень перевозбуждены, в том числе и по естественным причинам. С трудом добрались до вокзала, сели потом в поезд и прямым сообщением — на Актюбинск. Как и было договорено, мы снова заняли два последних купе, но наши ряды поредели. Не явились на посадку двое из нашей команды. Ну, их и в музее не было, они сразу куда-то отправились, может к знакомым или родственникам. Так как поезд был литерный, никто не сходил с него и не садился, то у нас образовалось в одном купе два свободных боковых места. На вопросы сопровождающих, где ваши попутчики — мы не знали, что отвечать. По дороге, на одной из узловых станций, курившие на перроне ребята из наших купе, подобрали какого-то побитого полу хмельного бедолагу, да еще с гармошкой. Его или из вагона выбросили, или он сам откуда-то сбежал, но наши его приютили, обогрели, а потом, всю дорогу заставляли играть и пели разные песни. Команда у нас такая собралась, песенная… Я не знаю, куда тот гармонист держал путь, но доехал он с нами до самого Актюбинска, как говорится — без билета и на всем готовом.

В Актюбинск наш поезд приехал, где-то в полночь. Мы сразу почувствовали вкус «переселенческой» жизни. Бушевал страшный буран, оставивший город и, естественно, вокзал, без освещения. На железнодорожных стрелках горели обычные свечи. Мороз был за 25 градусов. Старое здание железнодорожного вокзала, не могло вместить (даже стоя вплотную друг к другу) и половину целого эшелона. Вдобавок ко всему, местные встречающие заявили, что ждали нас только через два дня и т. д… Вышедшие из поезда разгоряченные пассажиры, кинулись было назад, в вагоны, но пустой состав очень оперативно куда-то утащили. А тут темень, буран, холод, крики, ругань. Наша команда из десяти человек, не вместилась в здание вокзала и вышла с его внутренней (городской) стороны. Темнота, ветер, снег, а мы стоим на автобусной остановке, прыгаем от холода и не знаем, что делать дальше. Тот Васька, — гармонист (оказался моим тезкой), начал играть что-то веселое, ребята начали прыгать под музыку и тут (вот когда вспоминаешь, что Бог есть!), к нам подъезжает машина, крытая брезентом, какой-то мужик выходит из кабины и спрашивает: «Ребята, вы артисты?». «А ты что — не видишь!» — ответил за всех Васька. «Тогда, давайте быстрее в машину и поедем, а то — замерзнете»- сказал тот мужик. Мы погрузились и поехали. Оказалось — в областной Дом Культуры. Разгрузились, нам показали, где разместиться. Тепло, сухо, благодать!. Ребята тут же начали «обмывать» наше чудесное спасение, естественно, под музыку. В Доме Культуры в то время был только сторож. Тот мужик, что нас привез — сразу уехал. Пошли песни, даже танцы, но, как говорится, не долго музыка играла, — часов в шесть утра, опять приехал тот мужик, начал крыть нас матом и выгонять из того Дома Культуры. Он снова привез артистов, уже настоящих…

Оказалось, что в Актюбинске проходил областной смотр художественной самодеятельности и того мужика, послали встречать ночью самодеятельных артистов из соседнего с городом, Мартукского района, но так как в связи с плохими погодными условиями, все графики движения поездов сбились, да еще мы приехали вне плана, то нас и приняли за тех артистов.

На обидные высказывания в наш адрес, почему мы сказали, что артисты, тот же Васька резонно ответил: «А мы такие и есть!».

Короче говоря, выпроводили нас опять на буран, но местный сторож, которому тоже кое-что перепало от нашего пиршества, потихоньку провел нас в соседнее с ДК здание, которое оказалось областным управлением сельского хозяйства (оказалось нас там всех и будут «распродавать» — днем), договорился там со своим коллегой-сторожем, и тот впустил нас в фойе управления. Ну, хоть не на улице и то, слава Богу.

И вот здесь появляется Его Величество — Случай, в лице хозяина заезжего дома Ащелисайской МТС в Актюбинске, и по совместительству, в то время, экспедитора и вербовщика кадров, одновременно — деда Данько. Называю его так, потому, что так его звали

все. Ну, какой он тогда был «дед!», мужик лет под пятьдесят, крепкий, энергичный, с определенной хозяйской хваткой и ничто нечеловеческое ему не было чуждо, как показали последующие годы нашего знакомства.

Данько пришел раньше всех, ему было поручено из Ащелисая, выхватить из приезжих «молдаван» группу работников — механизаторов. Мы об этом не знали, но он именно потому и пришел пораньше, пока и начальства еще не было, и наших коллег пассажиров сюда еще не перевезли. Узнав, кто мы и что здесь делаем, Данько бросил на ходу: «Пидождить, хлопци, я скоро!»- и выскочил на улицу. Минут через двадцать, он снова появился и заторопил нас, побыстрее грузиться, машина стоит рядом с входной лестницей. Мы, не понимая, что к чему, но чувствуя какой-то к нам интерес, погрузились в машину и через несколько минут, уже были в доме Данько, вернее, в той комнате для приезжих, которую МТС снимал у него.

Опять благодать…Тепло, просторно, даже для 11-ти человек. Данько принес пару литров водки, соленого сала, лука, чеснока, хлеба, соли. Потом побеседовал с нами, с каждым по несколько фраз. Сказал, что представляет, хорошую, славную МТС, что нас там очень ждут и готовятся к приему. Что там есть железнодорожная станция (обманул, что МТС прямо на станции стоит), переписал наши фамилии, собрал путевки и сказал: «Вы тута пока грийтэсь, а я скоро прыду. Дождиться мэнэ!». Мы никуда и не собирались уходить, на улице уже рассвело, но буран не стихал, и было темно, как поздним вечером.

Вернулся он не скоро, но довольный. Сказал, мол, областное начальство очень довольно, что ему удалось так быстро собрать группу работников, согласившихся ехать в Ащелисай. Еще сказал, что мы через час выедем на вокзал и поедем поездом, сделав круг, через станцию Кандагач, так как из-за бурана по обычной дороге — не проедешь. Ребята наши стали возмущаться, что придется ехать поездом, с пересадкой и более 200-ти километров, но Данько их успокоил тем, что сейчас везде такая погода и такие дороги.

Поехали на вокзал, сидим — ждем. Опять тот Случай просится внести корректировки. Оказалось, что билетов на поезд, идущий на Кандагач — нет, в связи с нашим приездом, наверное. И тут! — к нам подходит какой-то мужчина, спросил, кто мы и куда двигаемся (Данько пошел искать билеты), тот мужчина говорит: «Ребята, да зачем вам тот Ащелисай, у черта на куличках! У меня вон стоит машина, я из Родниковской МТС, главный инженер, до Родниковки от Актюбинска -40 километров. Поехали, мы к вечеру будем дома!». Мы переглянулись, потом взяли свои вещи и пошли за ним…И тут, откуда ни возьмись — Данько! ну еще бы минуту не пришел бы и мы уехали, в Родниковку!. «Вы куда?!» — заорал на весь вокзал Данько и полез драться с тем инженером, он оказывается, сумел-таки достать десять билетов. Я не сказал, но наш гармонист, Василий, пока мы были на вокзале, — куда-то делся и больше мы его не видели. Поэтому, нас осталось ровно десять человек.

Понятно, что нам стало неудобно перед Данько, да и все наши путевки были у него, поэтому мы извинились и перед ним, и перед тем инженером, и выехали на Кандагач, там долго ждали поезд на Орск, но перед утром — были уже на нашей станции, тогда это был разъезд № 304.

И тут нас начали постигать разочарования. Оказалось, что от станции до Ащелисая, еще целых 7 километров! Пока мы на двух пароконных санях их преодолели, — просто закоченели от холода, и еще не раз потом вспомнили того инженера из соседней, с Актюбинском, Родниковки. Но выбор уже был сделан. Мне думается, что это не мы его, а он (Выбор) — нас выбрал…Вот с такими мелкими трудностями и пришлось столкнуться, прежде чем мы оказались холодным февральским утром в натопленном кабинете директора МТС — Кучеренко Якова Марковича, на первой ознакомительной беседе. Судьба играет человеком, а человек играет…на гармошке(в нашем случае). Так я появился в этом, ставшем впоследствии, родным для меня месте, а мог бы и — «другой улицей пройти», где — то, через Родниковку…

Наше внедрение в ащелисайскую жизнь, было довольно сложным с самого первого дня. Вначале нас поселили в заезжем доме колхоза им. Буденного, это рядом с домом Лакшенко И.П…(Позже в том доме жил Яков Майер). Там сделали нары во всю ширину комнаты, и мы все вповалку там спали. Вечером первого дня, как мы туда вселились, пришел знакомиться сосед, Лакшенко. Принес на закуску несколько небольших соленых арбузов, Мы их поели, а круглые арбузные чашечки-корочки сложили да утра на окне. Рано утром, страшный рев буквально потряс всю нашу группу.

Все попадали с общих нар, в каком-то необъяснимом страхе. И окна одного в землянке не стало, исчезло куда-то…, И снежок в дыру залетает.

Оказалось, Иосиф Петрович, утром выпустил погулять на улицу корову и годовалую телку. Одно из окон, как раз там, где лежали арбузные корки, было без стекла, просто забито тонкой черной кровельной бумагой — толью. И было то окно почти рядом с землей, землянка низкая, вросла в землю. Телка унюхала лакомство, те арбузные корки, прорвала толь, просунула в окно половину головы и жует себе. Голова спящего на нарах крайнего мужика, всего-то в полуметре от окна. Когда мужик услышал какие-то чавканья рядом с лицом своим, открыл глаза и увидел, что черт с маленькими рожками (так ему с похмелья показалось), подбирается к его голове…,он в ужасе вскочил, заорал нечеловеческим голосом и, естественно, напугал телку. Та, с перепугу, дернула головой, зацепила рогом за раму и убежала с окном на шее.

Мы в том заезжем доме жили недолго, но о том времени, можно было бы очень много чего написать. Просто добавлю, что привыкшие к музыке нашего случайного попутчика, Василия, наши земляки, заявили, что им скучно, пустили по кругу шапку, собрали 400 рублей, купили в сельском магзине, отличную шуйскую гармонь, принесли её домой, вручили мне и сказали: «Вот тебя Василек, гармонь и у тебя есть ровно месяц, чтобы научиться на ней играть. А то нам очень скучно!». Так я стал гармонистом, а потом и баянистом, на всю жизнь.

И еще добавлю — из тех десяти приехавших в тот год, «молдаван», в первый же год осталось только четверо: единственный в нашей группе молдаванин, Иван Чунту, работал в колхозе «Новый путь», бригадиром тракторной бригады, еще один из нашей группы, Любицкий Эдуард Данилович, очень толковый, знающий и трудолюбивый был человек, женился на моей немецкой «матери», Франческе Штиль и уехал в Джамбульскую область, я один из всех их, прожил в Ащелисае 22 года, а вот мой отец, Гурковский Андрей Гаврилович, проработавший на ащелисайской земле, четыре года, достоин, чтобы о нем сказать несколько слов. И вовсе не потому, что он мой отец.

Он был и кузнецом, и особенно, комбайнером высочайшего класса. По работе, поверь мне читатель, я не осрамлю свою седую голову, — ему не было равных, ни в Ащелисае, ни во всем, родном ему и мне, Слободзейском районе. Но три войны, шесть ранений и контузий, плюс вспыльчивый характер, всегда ему мешали, всю жизнь и везде.

В 1956 году он работал на сцепе двух комбайнов от МТС, в колхозе им. «Розы Люксембург». Каждую неделю, областная газета, «Актюбинская правда», давала о нем материалы под рубрикой «Герои жатвы». Всю уборку он шел впереди всех по области и намолотил 1200 тонн зерна, при «норме» на Героя социалистического труда, в то время, — 1000 тонн. И он гарантировано получил бы того «Героя», в крайнем случае — один из орденов Ленина, выделенных в том году на нашу МТС. (их тогда получили Шиц Э.Я. и Грузин И.Е., у которых показатели были просто несравнимы, с показателями отца). Но. Закончилась уборка и отец, расслабившись, может и по делу, не знаю, но обругал матом, кого-то из руководства МТС, в итоге, вместо Героя, — не получил даже самой низшей, по статусу, медали.

Точно такое же повторилось с ним в Ащелисае, и в 1958 году, один к одному. Такое же было с ним и много раз, уже дома, в Слободзее. Местные начальники, когда он добивался наивысших в

районе показателей, зная его слабости, иногда сами провоцировали его на конфликт, чтобы потом обделить его всем, чем было можно. Единственный раз, как-то он сумел выдержать эту «наградную» паузу и получил орден Трудового Красного Знамени, а мог бы быть весь (простите) увешан наивысшими наградами за все годы работы, и по заслугам. Ну, что было, то было. Теперь уже ему не до наград, к сожалению.

Эта групповая фотография показала, что были хорошие люди и среди новоселов, тех же «молдаван», белорусов, русских, украинцев (не только первопоселенцев) и других прибывающих на нашу балку людей разных национальностей, многие из которых тоже оставили свой добрый след на этой земле.

ПОБЕДА ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Ежегодно, в мае, мы отмечаем очередную годовщину Победы нашего народа в той далекой уже Великой Отечественной войне. Мы, сегодняшние, привыкли к тому, что 9 Мая — праздник, причем великий праздник. При этом те, кто участвовал в войне или жил в то время, воспринимают этот день, конечно, иначе, чем поколения, выросшие после войны. Но все равно, праздник есть праздник.

А ведь было и такое время, когда эту дату, по воле отдельных людей, и в угоду их амбициям или чьей-то личной неприязни друг к другу в верхних эшелонах власти, просто «забыли», и праздничный день с 9 мая был официально перенесен на 2 января. Сделано было и «обосновано» такое действие по инициативе Н.С. Хрущева, которому не давали покоя всенародная слава и любовь к герою войны — маршалу Г.К. Жукову. Уже после пятнадцати послевоенных лет внимание ко Дню Победы было искусственно ослаблено.

И только к 20-летию Победы, то есть к 1965 году, этому дню был возвращен статус Праздника Победы. 20-летие, впервые после войны, отмечали с большим размахом по всем направлениям жизни страны.

Впервые была учреждена юбилейная медаль, выпущены юбилейные монеты, возводились памятники, выпускались открытки, издавались книги, плакаты и другие всевозможные атрибуты, достойные всесоюзного юбилейного торжества. Вспомнили, наконец, о ветеранах войны, установили ряд льгот для них и т. п. В плане юбилейных торжеств, прошла целая волна спортивных и культурно-массовых мероприятий.

Хочу рассказать о малозаметном для всех, но очень существенном для меня случае, происшедшем в канун именно того, 20-летнего юбилея. Обычном случае, характерном для тех времен, обязательных и в какой-то мере довольно часто «показушных».

Но это фото- быль, и никуда ее не денешь. Это как бы штрих из жизни работников-организаторов нижнего (рабочего) звена партийно-государственной власти тех времен. На кого раньше ложилось основное бремя всей организационно-массовой пропагандистской и воспитательной работы? На первичные ячейки, первичные партийные и комсомольские организации, рай-сельсоветы и, конечно, руководителей хозяйств и предприятий. Основная работа шла в фундаментном слое — от первички до уровня райкома (горкома). Дальше (обком, ЦК республики и выше) шла совсем другая деятельность. Надо признать, что именно в первичном (по район) слое, шла действительно работа — без выходных, без праздников и всего того, что с этим связано.

Парторги и другие организаторы низовых звеньев, в большинстве своем люди ответственные и порядочные, в те времена, как правило, были «прислугой» за все и представляли собой что-то вроде касты «мальчиков для битья». Если от кого-то хотели избавиться (как правило, хорошего, но «неудобного» для кого-либо из руководства человека), его «добровольно» избирали парторгом любого уровня, а затем очень быстро находили причины, и

наступали различные виды воздей-ствия. «Удобным» и «своим» людям, наоборот, давали возможность прыгать по иерархической лестнице, иногда через несколько ступенек.

В марте 1965 года на известном Пленуме ЦК КПСС по сельскому хозяйству был намечен ряд мер по подъему этой отрасли — я не буду их перечислять и комментировать, так как тема рассказа совсем иного плана.

В конце апреля меня, и как экономиста, и как парторга колхоза «Передовик», вызвали на семинар в область по разъяснению материалов прошедшего пленума. Семинар был солидный и по времени продолжительный. Закончился 6 мая. Вечером в гостинице мне сообщили, что надо позвонить домой, в колхоз, какое-то срочное дело. Позвонил Каструбину, он говорит: «Я не был дома, но была телефонограмма из района (Новороссийска), чего-то тебя туда вызывали. Это было еще до 1 мая. Ты завтра утром съезди в райцентр, там ближе, и все узнай».

На следующий день я первым автобусом выехал из Актюбинска — в Новороссийск, там был наш райцентр в то время, и уже к 9 утра был в райкоме партии. У входа встретил второго секретаря, Сапара Сагинтаева. С ним я был знаком еще до армии, когда он был у нас первым секретарем райкома комсомола. Позже, при Горбачеве он закончил свою карьеру на посту председателя Актюбинского областного Совета. И первое, что он спросил, было: «Ты команду привез?» Не понимая, в чем дело, я уклонился от ответа, перевел разговор на другие темы, и мы расстались. Ну, раз разговор зашел о команде, значит, что-то связано со спортом.

Пошел в районный спорткомитет и выяснил, что перед первомайскими праздниками, собирали секретарей на совещание, где объявили о проведении районной спартакиады в честь 20-летия Победы. Было разработано и доведено положение о спартакиаде, ну, и все, что с ней связано. Как и прежние юбилейные мероприятия, спартакиада имела больше политический оттенок, чем спортивный, и обязательность участия в ней не подлежала обсуждению. С тех пор прошло две недели, команды колхозов, совхозов, училищ, естественно, готовились, а некоторые дальние, уже даже приехали и тренируются на месте проведения соревнований, то есть на школьном стадионе райцентра. Я понял, что в отсутствие председателя и меня, в район никто не поехал, и о спартакиаде в колхозе, никто ничего не знает.

Прихватив с собой копию положения о спартакиаде, не говоря ни слова, внешне спокойный, я вышел из спорткомитета и пошел позавтракать.

В райцентре была столовая с громким названием «Ресторан». Сидя в ожидании заказанного завтрака, познакомился с условиями юбилейной спартакиады. Один день, 8 мая, десять видов: бег на 100, 200, 400, 1000, 3000 метров, прыжки в длину и высоту, метание гранаты, диска и волейбол. Причем, волейболисты играют в двух подгруппах, а потом — финал. Все просто и понятно. Одно плохо — мы об этом не знали. Ну, кому потом объяснишь, что в лучшем в области хозяйстве, не нашлось десятка ребят, способных выступить на юбилейной спартакиаде?

Тут тебе вспомнят все — и отказ от инструкторства, и «черные» пары, и многолетние травы, и все, что было и не было. Я уже видел перед собой укоризненный взгляд председателя, а ему достанется гораздо больше моего, до очередного юбилея не дадут покоя, если вообще дадут спокойно дожить до того, следующего.

Я мучительно искал выход. Домой через областной центр — более 200 км, поездом — 80 км, но поезд ходит через день, сегодня ушел в нашу сторону, а обратно будет через сутки, ночью. А начало завтра — 8-го мая, в 10.00.

Дикость и нелепость ситуации, заключалась еще и в том, что я, парторг колхоза, в отличие от большинства своих коллег парторгов-аграрников, — бывший победитель первенства округа, по боксу, двух окружных первенств по волейболу, победитель и призер многих районных и областных соревнований, имевший первые разряды по пяти видам спорта, — и на тебе, оказался вне игры. Любые мои самые объективные объяснения потом — будут детским лепетом. Но что

делать?.

Я мог бы сам за всех отбегать и отпрыгать, хотя по положению один участник может выступать только в двух видах, не считая волейбола, но не могу же я сам и в волейбол играть!

Как всегда в таком положении сама натура подсказывает: а что если?! Я вспомнил, что пару месяцев назад, в этом же ресторане встретился с Валерой Заваровым, мы с ним раньше в волейбол играли. Разговорились, оказалось, что он здесь пока живет и работает в геологоразведочной экспедиции. Живут геологи за поселком, в вагончиках. Есть телефон. А что если?!

Я тут же из ресторана позвонил в экспедицию и почувствовал, что фортуна пока ко мне спиной не повернулась. Оказалось, что Валера только вчера со своей группой вернулся с вахты и на праздники будет дома. А сейчас отдыхает в таком-то вагончике.

Я извинился перед официантом за заказ и буквально побежал за поселок, к вагончикам. Нашел Валеру, попросил помочь сыграть в волейбол, всего несколько встреч, хотя бы для регистрации. Как говорилось в те времена, — важна не победа, важно участие.

Валера сказал, что есть в его бригаде несколько «фитилей», но он не знает, играют ли они в волейбол или нет. Сейчас они спят, и если не дать им сегодня напиться, то к завтрашнему дню они могут быть в форме. Тем более, если пообещать им «магарыч». Потом.

Попросив его проконтролировать все вопросы, связанные с их пробуждением и времяпровождением, я вернулся в поселок. У меня уже созрел стратегический план на ближайшие сутки, необходимо было отработать детали. Одной из важных деталей были деньги. После двух недель командировки, в кармане одни копейки — на проезд. Где взять деньги в чужом поселке? И быстро? Так как я был одновременно и парторгом, и экономистом, и прорабом колхоза, то у меня в районе было и три места подчинения — райком, планово-экономический отдел управления сельского хозяйства и строительная служба того же управления. Ну, райком денег не дает, тем более что я там уже был, районные строители, как и все наши строители тех лет, сами ищут, кто бы их с утра опохмелил. Остается экономический отдел.

Непосредственным моим начальником в этом направлении был умнейший, добрейший и хитрейший человек — Иван Иванович Мартенс. Я с ним всего полгода работал, но чем-то ему приглянулся. Это было заметно. Вот потому я пошел к нему и попросил 100 рублей. Объяснил, зачем и почему. Он сразу все понял, через 10 минут принес деньги и благословил меня на, в принципе, не родственный для экономистов поступок. «Это тело, нушное, Вася, тавай, тействуй», — сказал он, и я уехал в Актюбинск.

Там, без всяких проблем, оперативно купил семь одинаковых зеленых футболок, шесть трусов, пару тапочек для себя, волейбольный мяч, насос с иглой для подкачки и после обеда снова был в райцентре.

Нашел Валерку. Он подтвердил, что договорился с четырьмя ребятами, они что-то в волейболе смыслят и сейчас ждут меня. Мне они, честно говоря, сразу не понравились — высокие худые флегматики с безжизненными глазами и развальной походкой. Неразговорчивые, и без видимого интереса к жизни.

Что-то засветилось у них в глазах, когда я им пообещал по червонцу за участие. А Валера сказал им просто: «Мы с Василем будем играть, а ваша задача — не давать бить противнику и ставить блоки».

Договорившись, мы накачали мяч и часа три разминались, привыкая и к мячу, и друг к другу. Вечером я зашел в райспорткомитет и сделал заявку на участие нашей колхозной команды в спартакиаде.

Официальная заявка выглядела так: я бегу 100 и 200 метров и участвую в волейбольном

турнире. По всем остальным номинациям значились фамилии реально существующих, но отсутствующих ребят — колхозников, причем с учетом их потенциальных возможностей, ведь я хорошо знал, кто и что у нас в селе, может делать.

Неофициально — все, кроме волейбола, должен был делать я сам. Проблемными оставались только два вида — бег на 3000 метров и метание диска. Дело в том, что если я после четырех беговых дистанций и двух видов прыжков, еще буду метать гранату и бежать 3 километра, то на волейбольную площадку меня принесут на носилках. А диск я вообще держал в руках два раза в жизни — первый раз в школе как-то бросали, а второй раз, когда покупал диск в магазине, работая в комсомоле.

«Ну, завтра даст Бог день — даст Бог и пищу», — думал, засыпая в гостинице.

8 мая в девять часов я был на стадионе, познакомился с членами оргкомитета, который возглавлял все тот же второй секретарь райкома Сагинтаев, и с судейской коллегией.

Подтвердил заявки и стал ждать моих «клиентов». Договорились, что к десяти часам, они подойдут на построение.

Надо сказать, что участников и болельщиков собралось очень много для тех мест — несколько тысяч. Объединенный район был тогда просто огромным по территории. Некоторые коллективы, например, два училища механизации, управление железной дороги, опытная станция, привезли человек по 50 только участников. Многие тут же, играя мускулами, демонстрировали свое умение и самое себя, раздражающе и «устрашающе» действуя на соперников.

При построении некоторые коллективы представляли целые полнокровные роты и лишь один, самый передовой в области колхоз «Передовик», был представлен командой из одного спортсмена (он же парторг). Сразу заметив это с трибуны, Сагинтаев в рупор спросил: «Василий Андреевич, а где ваша команда?» Он думал, что я ее привез вчера, когда мы встретились, ему и в голову не могло придти, что наш колхоз не выставит команду. Я крикнул: «Переодевается».

Когда разошлись по секторам, подошли мои «легионеры». Слава Богу, что, волейбольных команд оказалось только восемь. Их разбили на две группы, победители групп, встречаются между собой в финале. Чтобы получить два очка за участие, надо сыграть хотя бы матч, а чтобы стать победителем по волейболу и заполучить 10 очков (за каждое первое место по всем десяти видам начислялось 10 очков, за все последующие места шло начисление по определенной системе), надо было выиграть четыре матча — три в группе и один в финале. Каждая из двух групп соревновалась на отдельной площадке. К счастью, первые две игры шли без нас. Это давало мне шанс разобраться со всеми другими номинациями без осложнений.

Что я оперативно и сделал. На 100, 200, 400 и 1000 метров ушло примерно час, полчаса — на прыжки и метание гранаты. И что интересно (есть все-таки Бог на свете!), когда я бежал 1000 метров и с ужасом представлял себе, как буду при этой жаре бежать 3 километра, в толпе многочисленных болельщиков, мелькнуло знакомое лицо. Закончив дистанцию, я нашел это лицо. Оно принадлежало Володе Крупскому, троюродному брату моей жены. Он был тогда еще паца-ном, лет 16–17, и по каким-то делам находился в районе. Я уговорил его бежать 3 километра Он, бедняга, смог одолеть всего два круга вокруг стадиона и упал, зарывшись в песок своими ушами и носом. Затем начал плакать и жаловаться мне же, на то, что я его заставил бежать. Это была неправда, но дело уже было сделано, а полученные нами два очка — была уже правда.

Правда была еще и в том, что, выиграв четыре первых беговых дистанции, я бы не смог даже посредственно, бежать на пятой и, независимо от результата, выбил бы себя из волейбольных соревнований. А этого нельзя было делать, так как волейбол — мой любимейший вид спорта Тем более, слишком много я сделал, чтобы сыграть именно в волейбол на этой спартакиаде.

Не буду утомлять читателя излишними подробностями этого труднейшего, если так можно сказать, дня в моей парторгской жизни.

Мы в тяжелейшей борьбе выиграли четыре матча подряд и стали победителями. В остальных видах — 100, 200, 400 и 1000 метров — первые места. Прыжки в длину — первое место. Прыжки в высоту — третье место. Метание гранаты — первое место. 3000 метров — два очка за участие. В метании диска, хоть мы и были заявлены, но не участвовали. *Я* боялся сорвать руку и не пошел в сектор для метания. По этому направлению у нас зиял ноль.

Но мне уже было все равно, есть у нас очки или нет. По телу как будто асфальтный каток прошелся.

После окончания финального волейбольного матча, который мы вообще непонятно как выиграли у слаженной команды опытной станции, матча, который завершал праздник и собрал всех оставшихся участников, болельщиков и организаторов спартакиады, большинство из которых почему-то болело за нас (видно, мы чем-то были похожи на игроков киевского «Динамо», которые играли с немцами в период оккупации, победили и погибли), я не стал дожидаться итогов и разборок. Вместе с четырьмя «легионерами» подошел к школьному колодцу, чтобы, наконец, за целый день умыться и отдохнуть. Поблагодарил ребят, которые не собирались кого-то побеждать и напрягаться, но у которых, по ходу встреч, загорелось внутри то наше, прежнее — общесоветское. Да так загорелось, что они выложили не только все, что могли, но и то, что даже не подозревали, что могут. Я их поблагодарил, раздал обещанные десятки, и они ушли. Ну, думаю, слава Богу, дело сделано, сейчас оденусь и, может быть, успею на последний автобус до Актюбинска, а утром поеду домой. 9 Мая, все-таки, а как там готовятся, не знаю, хорошо, если все нормально.

Только об этом подумал, слышу, какой-то шум сзади. Оглянулся — от стадиона в мою сторону идет целая толпа людей, что-то кричат, шумят. Идет вся судейская коллегия, и среди них — наш Валера, не знаю, когда и куда он исчез.

Метрах в десяти слышу, Валера кричит: «Да вы что? Василь еще до армии был чемпионом области по диску. А вы нам баранку поставили, Вась, ты помнишь?» — закричал он уже мне.

Оказалось, что мы заняли общекомандное четвертое место, третий призер опережает нас всего на одно очко, а первый на 3 или 4, не помню. То есть, если бы мы получили хотя бы 2 очка за участие в метании диска, то заняли бы почетное третье место. И Валера поднял шум, что это несправедливо, так как мне, мол, не дали бросить диск, ибо я участвовал в двух видах.

И, в виде исключения, как победителям волейбольного турнира, конечно, не без участия главы оргкомитета, судейская коллегия разрешила мне метнуть диск.

Я ждал всего, чего угодно, только не этого «подарка» от Валеры. Цежу ему сквозь зубы: «Ты что, с ума сошел? Да я не знаю, как тот диск в руках держать. И кто меня доведет до сектора, я еле стою, не дай Бог, не в ту сторону брошу». «Васек, — шипит Валерка в ответ, — я тебя отнесу сам, ты только брось, ты знаешь, чего нам стоило уговорить коллегию дать тебе возможность бросить!».

Ну, что делать? Иду я с Валеркой к футбольному полю. Вся масса заинтересованных представителей — за нами. Там судья с диском и рулеткой. Беру диск. «Прости, Господи» — и с оборота бросаю. Человек десять меряют — 46 метров, первое место, 10 очков — и общекомандное первое место. Валерка орет на весь стадион: «Я вам говорил, что он был чемпионом области, я вам говорил!»

Восемь часов вечера, немного спала жара, опять построение, награждения. Опять массы людей в ротах призеров, и опять один я с охапкой грамот по девяти видам и десятой за общекомандное первенство. Опять меня хвалят с трибуны, Сагинтаев что-то говорит о том, что мы и в труде, и в спорте передовики, опять что-то говорит о низкой дисциплине в команде при

построениях, но я все это слышу подсознательно, что-то отвечаю, а где-то внутри: «Только бы не упасть, не упасть! Стыдно победителям падать».

А назавтра был действительно праздник Великой Победы! 20-лет-ний Юбилей, но не двадцатый по счету. Я таки успел и на него.

Сегодня та годовщина уже далеко… К сожалению, мы, не воевавшие, сделали не все, чтобы стать достойными Великой Победы и самих победителей.

Если так пойдет и дальше, то в скором будущем начнем стесняться говорить, что вообще была такая война, и мы в ней победили. Это уже происходит в соседних с нами государствах. Горько, обидно и стыдно.

На этом можно было поставить точку. Но в жизни она (эта история) имела продолжение. Когда я привез в колхоз 10 грамот, то показал только четыре — мои три (на мою фамилию) и общекомандную. Никому, даже председателю, я подробно не рассказывал, что и как было, и это событие в колхозе осталось незамеченным. Но после окончания посевной кампании, в день традиционного весеннего «сабантуя», я организовал в колхозе спартакиаду по видам спорта, аналогичную районной.

Итоги уже колхозной спартакиады подтвердили, что не зря были вписаны фамилии наших ребят в ту районную заявку, исполнителем которой я сам и был. Они победили именно в тех номинациях (а некоторые и в других, так как я уже не выступал), получили почетные грамоты и подарки от колхоза. Им же я, с облегчением для себя, вручил районные грамоты, выписанные на их фамилии. Награды, как говорится, обрели своих героев.

Случай подзабылся. И только через два года, на районном совещании, по подготовке к празднованию уже 50-летия Советской власти (1967 год), все тот же Сагинтаев, теперь уже второй секретарь, нашего, Ленинского, отсоединенного от двух других, района, опять же возглавляющий оргкомитет по проведению юбилейной спартакиады, при всех сказал мне, избранному в очередной раз парторгом колхоза: «Смотри Василий Андреевич, не повтори свои выступления на 20-летии Победы, я имею в виду состав колхозной команды… Тогда я один все понял, остальные в такой массе людей ничего не заметили, но я не стал вмешиваться. И не потому, что знал тебя, а потому, что знал ваш колхоз. Знал, что все примерно так и получилось, если бы ты смог доставить в район команду. Так что, дерзай, но помни, что победителей иногда тоже судят…»

Теперь я часто вспоминаю слова этого очень умного и порядочного человека, но в более широком смысле…

ДОСКА ПОЧЕТА

В принципе, конечно, приятно иметь дело с Доской Почета, независимо от того, порождением какого строя она является. И вся прелесть такой «доски» заключается именно в «почетном» выделении кого-то, человека или предприятия, из общей массы, и обязательных при этом определенном внимании, имидже и даже облагодетельствовании.

Конечно, уровни почета тоже были разные — союзные, республиканские, областные, районные и хозяйственные, и цели внимания были разные, но все равно эта, пусть и навязываемая, форма внимания была приятна.

Вслед за помещением на доски такого уровня шли ордена и медали, шли бесплатные автомобили и многое другое. А главное — шли внимание и известность. Складывался определенный имидж у хозяйств и их руководителей.

Но чтобы заслужить такую честь, надо было работать. Очень много и здорово работать. То есть, бездельников почетом раньше не баловали. Но мы всегда умели доводить любое путевое

дело до абсурда. Это случалось тогда, когда в соревновательно — поощрительный процесс вмешивались администрирование, эгоизм, алчность, тщеславие и амбициозность, сводившие на нет всю идею.

Расскажу об одном случае, как бы иллюстрирующем сказанное.

В нашей Актюбинской, области, которая по территории в 10 раз больше, а по населению в те же 10 раз меньше, бывшей Молдавской ССР, тоже была своя Доска Почета. И одно постоянное место на той доске занимало хозяйство, обеспечивающее наибольшее выполнение плана по заготовке сена. Не зерна, а именно сена, так как основная отрасль области — животноводство, нуждалась именно в этом стратегическом продукте. Зерно, при его недостаче, можно было завезти из других регионов, а сено надо было заготавливать на месте.

Так вот, по этому показателю, долговременную прописку на Доске Почета как-то незаметно занял колхоз «Красное поле», из соседнего с нами села Анастасьевка. Председателем там в те времена был В.Г. Жук, такой крепкий, жилистый мужик, своеобразный и с большими амбициями.

Я работал главным экономистом и парторгом колхоза, часто бывал в области, видел, что соседи ежегодно занимают почетное место по сену, но вначале не обращал на это внимания. А когда стал главным бухгалтером, начал пропускать через себя всю статистическую отчетность, и при этом видеть показатели других хозяйств, начал задумываться: как же так, мы заготавливаем сена больше, чем «Красное поле» в три раза, да и колхоз наш в два раза мощнее, почему же лавры главных сенозаготовителей постоянно достаются им?

А как уже было сказано, лавры — вещь осязаемая. Председатель-сосед постепенно стал членом бюро райкома, затем бюро обкома, и кто знает, что было бы дальше.

Не от зависти, а чисто из объективной справедливости, я решил как-то прервать эту процентную гегемонию краснополенцев. Как оказалось, сделать это было совсем нетрудно. Просто надо было этим заняться.

Где-то году в семьдесят третьем, травы были неплохие повсеместно. У нас особенно удались житняк и донник. Сена должно было быть много. На заготовку отпускалось практически два месяца, с конца мая — до конца июля. Итоги сенозаготовки область подводила по состоянию на первое августа. Дальше можешь заготавливать хоть два плана, на итоги это уже не влияло. Хотя, в принципе, после июля в наших местах сено практически не заготовишь, так как травостой полностью выгорал, а если у кого-то и имелись поливные участки, так это был мизер.

Главное внимание от района и выше уделялось цифрам, то есть отчетности о сенозаготовках. Отчеты шли по понедельникам. Окончательный отчет, который и шел на обсуждение бюро обкома, фиксировался на последний понедельник июля.

Я построил схему отчетности на все два месяца и начал ее осуществлять. По итогам июня мы выполнили план по заготовкам сена на 100 %, колхоз «Красное поле» на 110 %. Впереди был еще месяц работы.

Во-первых, мы с главным экономистом, обмерили все скирды и уточнили оперативные бригадные сводки, сверив с нашим обмером. Все шло нормально. Заготовка продолжалась. За первую неделю июля, я отчитался с нарастающим итогом на 103 %, «Красное поле» на 120 %. За вторую неделю, хотя заготовка шла полным ходом, я добавил еще 5 %, у нас стало 108, у соседей — 125 %. Тут уже забеспокоился район, там же за районный план волнуются, а наш колхоз, как будто и не косит сено!

Председателю нашему пошли звонки от всех районных инстанций, включая первого секретаря райкома, почему, мол, не растут заготовки. Каструбин вызвал меня, выяснить, в чем дело. Я сказал, что план по сену у нас давно есть, а окончательный итог, подведем после

сплошного обмера. После третьей недели, когда у нас по отчету прошло 113 %, а у В.Г. Жука — 130 %, звонки перешли в ругань и угрозы, а мы в течение последней, четвертой, недели, спокойно перемерили все наши скирды. Мы с Сериком Смаиловым (главным экономистом) определились с объемами фактической заготовки, чтобы знать, как нам отчитаться в последний понедельник. Обычно сведения передавали по телефону, а затем высылали или привозили саму подписанную статотчетность. Я решил сыграть на нервах у всех, включая начальника районного статистического управления, с которым был в хороших отношениях, и не давал в понедельник с утра сведения по телефону, под разными предлогами. Расчет был на то, что председатель колхоза «Красное поле», практически уверенный в своей недосягаемости, покажет небольшой прирост. Ему любого хватит, тем более что он знал — подавляющее большинство хозяйств области не дотягивало даже до половины плана. Конкурентом для него были только мы — и в районе, и в области. В.Г. Жук сделал так, как я предполагал, отчитался на 136 % — об этом мне сказал по телефону главный бухгалтер райсельхозуправления, который был в курсе всех событий.

В двенадцать часов дня, сводка должна была быть отправлена в область. Район лихорадочно сводил отчет по сену пока без нашего хозяйства, используя наши данные на прошлую неделю. Начальник райстата, сидел как на иголках, но пока не поднимал шума, чувствуя, что что-то здесь не так.

Наконец, я позвонил в район и передал сведения. То, что я передал, девушка-статистик не хотела вначале, принимать, потом была вынуждена это сделать, посоветовавшись с начальником. Тот разрешил отчет принять, но с условием, что я в течение часа, привезу в район официальное подтверждение. К часу дня я был в районе. Количество заготовленного нами по отчету сена переваливало за 151 %.

«Василь, — сокрушался начальник райстата, — ты понимаешь, в какое положение ставишь меня? За неделю прирост почти 40 процентов! Как я объясню первому эти цифры?» «Разве я когда-то подводил тебя? Так получилось по итогам пересчета», — ответил я. «Ну, смотри», — сокрушенно бросил начальник и включил наш отчет в сводку.

Дальше все шло, как в дешевом боевике прежних времен. Когда дня через три, на бюро обкома, утверждали итоги заготовки сена, наш сосед В.Г. Жук, допустил ошибку, заявив, как член бюро, что по колхозу «Передовик», что-то явно не так, и надо перепроверить данные отчета.

Сразу была образована большая комиссия из статистиков, контролеров, работников прокуратуры областного и районного уровня. Они нагрянули в Ащелисай, буквально через день. Блокировали все наши сеновалы, мерили, вырезали пробные кубометры из скирд, заранее злорадствуя, готовили материал на бюро обкома. Но — просчитались. Сена у нас оказалось больше, чем мы отчитались. Причем намного больше. Я просто взял при расчете минимальный вес одного кубометра сена, хотя у нас основное сено было из сеяных трав, у которых, удельный вес выше, чем у ковыльного сена. Да и зачем нам было показывать лишнее сено? Чтоб потом заставили кому-то его отдать? Конечно, если бы В.Г. Жук знал, что я поставлю полтора плана, он бы нарисовал два.

Когда комиссия составляла неприятный для себя акт, наш невозмутимый Каструбин, сказал: «А теперь, раз вы уже здесь, предлагаю поехать в «Красное поле» и перемерить его сено, чтобы снять все вопросы». Руководитель комиссии заерзал и начал звонить в обком. В обкоме решили не иметь проблем с Каструбиным, депутатом Верховного Совета, тем более, что проверка только подтвердила наши данные, и дали добро на посещение соседа. В результате обмеров и скрупулезных подсчетов, оказалось, что там даже до плана не дотянули.

После этого имидж краснополенцев по этому показателю, да и вообще, здорово пошатнулся, а наше хозяйство заняло свое место на областной Доске Почета. И никогда больше никому его не

уступало. Не потому, что я красиво отчитывался, а потому, что люди наши, красиво работали и понимали, какое место занимает в хозяйстве сено. Так мы и жили.

А вообще, идея соревнования, отражением которой явились те «почетные доски», в принципе была неплохой. Она ведь заключалась не в том, чтоб показать, кто кого и на сколько — обманет, а кто действительно больше и лучше сделает. А уж как эту идею использовали коньюнктурщики на разных уровнях — это совсем другое дело.

КАРТИНА

Еще с первобытных времен люди старались запечатлеть для будущего отдельные бытовые сцены или действия, а также отдельных выдающихся личностей. Появились настенная роспись и каменные статуи. Уже на нашей памяти «увековечивание» приняло такие масштабы, что написание портретов и ваяние бюстов и статуй вождей, стало основной статьей доходов различных мастерских и художественных фондов.

Массовая штампованная культура захлестнула всю бывшую великую страну. Серые посредственные картины и скульптуры вождей, буквально заполонили города и села, вызвав обратную реакцию населения к вождям, через их изображения. Когда в одном городе, а уж тем более в селе, несколько, к примеру, памятников одному и тому же человеку, то они, эти памятники, размываются вниманием и не воспринимаются, по сути.

Болезнью увековечивания вождей особенно страдали местные власти. И не потому, что они их любили, а потому, что благодаря тем памятникам (не их же деньги тратились!), рос показатель их активности, заслуг и лояльности.

Любой райкомовский, тем более рангом выше, работник; мог запросто, ткнуть пальцем в пустую стену клуба или конторы и тут же выдать замечание о недостаточной идеологической пропаганде какого-либо направления. И попробуй ты пропусти это замечание мимо ушей. В свое время мне довольно приличное время пришлось заниматься партийно-комсомольской работой — и штатной и нагрузочной. Поэтому расскажу о двух характерных случаях пропаганды под давлением.

Работал я тогда главным экономистом и одновременно парторгом колхоза «Передовик». Строили мы в Ащелисае, новый Дом культуры. Секретарь райкома партии по идеологии, была такая супер активная женщина, после неоднократного посещения этой стройки, как-то привезла в колхоз представителя Художественного фонда СССР, из Москвы, и заявила, что в новом ДК должны быть и хорошие идейные картины. Рекомендует их заказать прямо при ней, у представителя из Москвы. Мы с Каструбиным, долго читали проспект предлагаемых тем и остановились на двух из них: «Комсомольцы на целине» и «Ленин провозглашает Советскую власть». Такого направления картины мы раньше видели, и поскольку отвертеться было нельзя, то заказали эти две. Секретарь райкома завозмущалась, мол, надо не менее пяти картин заказать, но они стоили от 2 до 4 тысяч рублей, и мы отказались. Нам это примерно с год вспоминали, пока не пришли заказанные картины. На одной из них, там, где по замыслу должны быть «комсомольцы на целине», возле мультфильмовского расплющенного непонятной марки трактора, стояли в ватных телогрейках трое, по виду, «зэков», «тянувших» срок минимум лет пятнадцать. На второй картине, какой-то рыжебородый нерусский мужчина, с неестественно длинной, вытянутой поверх размытых голов рукой, дико уставился куда-то в космическую даль.

Причем на железнодорожной станции, где мы картины получали, вскрывать ящики не разрешили. А когда вскрыли их дома — увидели то, что увидели.

Так как мы предварительно заплатили только за одну картину, то и оставили одну — тех «комсомольцев» с зэковской внешностью. До сих пор она висит в Доме культуры в Ащелисае.

А по поводу второй картины, я написал в художественный фонд, что, глядя на нее, колхозники не верят, что это Ленин, и, что он провозглашает Советскую власть, и отправил картину обратно. Она лет пять лежала на контейнерной станции в Актюбинске.

Второй случай был более интересный — и тоже своей необязательностью.

Было это в шестьдесят пятом году. Наш председатель колхоза, Каструбин Г.И., будучи на региональном совещании, договорился с одним из колхозов Ташкентской области об обмене семян донника (медоносная трава — двухлетка) на семена люцерны. У нас в колхозе, были в запасе семена донника, а люцерны не хватало. На автомобиле с прицепом я с водителем, Петром Гаркуша, поехал в Узбекистан — меняться.

Это было время «расцвета» узбекского хлопководства. Республика ежегодно увеличивала производство хлопка на полмиллиона тонн, доведя его валовой сбор к концу семидесятых, до умопомрачительных цифр, из которых около половины были чистыми приписками. Под это выделялись бешеные деньги, и всем было хорошо. Наша окраинная политика была настолько неверна и убога, что, к примеру, узбекские, да и молдавские регионы, финансировались в большинстве случаев не под дело, а под обещания. Для тех же национальных окраин колоссальные сверхприбыли были заложены в самих необоснованно высоких закупочных ценах на сырье. К примеру, себестоимость 1 центнера хлопка-сырца была сто пятьдесят рублей, а закупочная цена 400–450 рублей. Рентабельность 300 %! Уже в плане!

В то же время себестоимость 1 центнера ржи, к примеру, в средней полосе России была 13–15 рублей за центнер, а закупочная цена — 9 рублей! Рентабельность — минус 30–50 %! Планово, то есть искусственно, загоняли российского крестьянина в нищету, в то время как в том же Узбекистане и хозяйства, и многие люди, не знали, куда девать деньги!

Разумные хозяева и там были, строили жилье, дороги, стадионы, газоводопроводы и т. д. Другие просто обогащались. В общем, в те годы там жили неплохо.

Вот в одно из таких сел и попали мы с семенами на обмен. Село корейское. Председатель колхоза — дважды Герой Труда по фамилии Хван, да и еще полсела, тоже все Хваны. Мы приехали вечером, нас хорошо встретил председатель, машину поставили в склад, а ночевать нас взял к себе бригадир, которому было поручено вести обмен семян. Фамилия, естественно, Хван. Он устроил нам хороший ужин, с прекрасным пловом, фруктами и всем тем, что полагается при встрече гостей у приличных хозяев. Двор большой, огороженный высоким глиняным дувалом. В центре, на небольшом возвышении, окруженном деревьями, были постелены дорогие ковры, рядом — ухоженный бассейн. Все довольно удобно и красиво. Когда мы часов пять посидели, выпили, конечно, хозяин, как-то вроде даже задремавший, вдруг оживился и заявил: «Смотри, там, где ти сидишь, — он показал на Гаркушу, — сидел Хрущев. Где ти, — он махнул в сторону меня, — сидел наш первый секретар, товарищ Рашидов. Где я сижу, я сидел, я всегда здесь сижу, а где син мой сейчас, наш секретар обком сидел. А там еще били хорошие люди. И я, старый дурак, попросил сделать фотоснимок, чтоб била память. А потом, еще большее дурак, заказал по фото картину. Какой-то там фонд московский рисовать хотел. Целий год рисовал картина. Пока рисовал, Хрущева вигнали. Его осенью сняли, а картина привез в мае. Хороший картина, как живой, и я тоже. Я взял и повесил в доме. Пришел секретар партком, сказал — сними немедленно, а то тебе вместо картина повесят. Пришлось снимать, пойдем — посмотришь».

Действительно, за одним из сараев, под нависающей крышей, стояла большая картина, где-то 2х3 м. «Слушай, «Волга» стоит пять шестьсот, а етот материе в рамка, — шесть пятьсот. А? Я сказал секретар — давай вместо Хрущев, какой-то другой морда нарисуем. Рашидов ест, я ест, все ест, Хрущев нет, что тепер, картина вибрасывать? Секретар говорит — нельзя, понимаешь, политический дело. Так и стоит, от курей стенка загораживает. Такая вот история».

И она (эта история), как ни странно, имела продолжение уже в девяностые годы. Я был

заместителем генерального директора НПО «Днестр». Поступила жалоба от одной наемной бригады, работающей в нашем совхозе «Авангард» из села Красногорка Григориопольского района. Приехал туда разбираться. Мир действительно тесен. Оказалось, что жаловалась бригада корейцев, бахчу там они выращивали. А фамилия бригадира была… Хван. Я спросил его, не знаком ли он с Хванами, из такого-то села под Ташкентом. Оказалось, что он из того же села, а председатель колхоза, дважды Герой Труда, его дядя, а тот бригадир, который картину заказывал, тоже его родственник, и он знает тот случай. Вот так, как будто бы родню встретил через 25 лет. И уже этот Хван, рассказал мне, что того бригадира уже нет в живых, а председатель, как только началось громкое «узбекское дело», куда-то исчез, просто пропал.

Так переплетались культура, экономика, политика и обычные злодейства. Жизнь есть жизнь.

Умурзак

Сколько бы, не говорили в разные времена про то, что все люди равны, а ведь это далеко не так.

Все люди равны только, если так: можно выразиться, — по вертикали, то есть перед Богом и перед Законом, а по горизонтали, или между собой, они все разные. Один, к примеру, может поднять двести килограммов, другой — двадцать. Один вольет в себя литр водки, сядет за руль, и все будет нормально, а другого нельзя сажать за руль даже в трезвом виде. Ну, и так далее.

Среди обычных людей выделяются люди-звезды, то есть очень яркие личности. Одни сразу рождаются звездами, другие звезды зажигают, когда «это кому-нибудь нужно».

Звездам нужен фон, нужно какое-то небо, чтобы сверкать на том фоне. Не будет фона (неба), не будет и звезд, так как выделяться не на чем будет. Так и в людской жизни. Обычные люди, в основной своей массе, тоже служат определенным фоном для людей-звезд, которые вспыхивают и сгорают, а фон остается. Это как раз то, что повседневно — стабильно. Это те люди, которые ежедневно и незаметно делают свое дело — пашут и сеют, строят и собирают, учат и лечат, пасут скот и водят поезда и самолеты. И они достойны внимания не меньше, чем знаменитости.

Вот я и хочу рассказать об одном простом, но удивительном человеке, с кем свела судьба в прежние годы. Мы были знакомы довольно длительное время, я звал его «Бугумбайским Прометеем». И вот почему. Ну, во-первых, «Бугумбай» — это название урочища в предгорьях Урала, своеобразной живописнейшей впадины, окруженной небольшими горами. Названием впадина и вообще все пробитое в горах ущелье, обязано речушке Бугумбай, которая за столетия, невообразимо петляя среди гор, пробилась-таки к реке Урал. Весной она разбухала до многометровой глубины, а летом и осенью, подпитываемая десятками родников, чистая, прозрачная и ледяная, она спокойно журчала среди скал по отполированным плоским камням. По берегам — буйная растительность, а в самой воде чего только нет! Десятки видов рыб, заходящих во время половодья из Урала, раки, черепахи, всякая речная живность. В глубоких заводях водились черные, похожие на коряги, столетние щуки, а щуки помоложе, неподвижные, караулили часами в стоячей воде, готовые в долю секунды молнией метнуться и проглотить какого-либо зазевавшегося собрата.

Чудо-место, урочище Бугумбай, но это, конечно, для приезжающих отдохнуть и развеяться. А для тех, кто там постоянно жил, все природные прелести были далеко не на первом месте.

В урочище Бугумбай, в тридцати километрах от центральной усадьбы нашего колхоза, располагалась коне-овцеферма. Было там три небольших аула, так они и шли под номерами: первый, второй и третий. Тянулись аулы вдоль речки с интервалами в 2–2,5 километра, в каждом

из них жили наши чабаны и табунщики, там же были кошары для овец и загоны для лошадей. Повседневная жизнь была не из легких. Ни школы, ни магазина, ни медпункта, ни радио и телефона, ни дороги приличной, ни газа.

А еще раньше не было и электроэнергии. Чисто натуральное хозяйство, как и сотни лет назад. Вроде бы кругом был современный мир, а там люди жили оторванными от всего. Они, конечно, не голодали, не замерзали, пасли в горах овец и лошадей круглый год, но были лишены многого просто элементарного.

Наконец, в середине шестидесятых, когда появились телевизоры, мы им поставили передвижную электростанцию, соединили все три аула линией электропередач, и с шести вечера до полуночи в домах чабанов горел свет. Появились различные электроприборы. Жить на отгонной точке стало веселее. Так как заведующий овцефермой жил в первом (по номеру) ауле, то и электростанцию поставили там же. Однако из десятка мужчин, живших в Бугумбае, только один был кое-как способен управлять электростанцией, то есть запускать ее и глушить, делать элементарный профилактический уход. Остальные боялись даже подходить к двигателю и аппаратуре. Того «умельца» звали Умурзак. Давно, во время войны, он работал на тракторе, и когда начал работать по электричеству, ему было под пятьдесят. И вот он, один, лет двадцать подряд «давал свет», то есть работал на той электростанции.

Казалось бы, что за разговор, таких «светителей» многие тысячи, и ни чем они особенным, как правило, не выделяются. Работа не из пыльных. Завел двигатель, линию включил — заснул, проснулся — выключил, заглушил.

Но для Умурзака, вся эта простая технология многократно усложнялась тем обстоятельством, что жил он в третьем ауле — это не через пять троллейбусных остановок, а за шесть километров от места работы, то есть от электростанции. Чтобы добраться туда, надо было обязательно перевалить через довольно высокую гору и перейти вброд речку. И это триста шестьдесят пять дней в году, при любой погоде, без выходных и отпусков, более двадцати лет подряд!

Дом Умурзака стоял в третьем ауле обособленно, в красивой ложбине между двух гор, с их южной стороны. Сзади дома поднимались горы, а спереди, метрах в пятидесяти, среди деревьев и кустарников бежала речка.

Она в этом месте как бы упиралась в гору, затем, обходя ее, уходила влево, образовывая цепь довольно больших и глубоких озер. Озера были гордостью Умурзака, там всегда находились сплетенные им самим рыболовные сетки-«морды», и рыба в его доме была всегда.

Второй гордостью был родник, бивший из земли прямо перед домом в тени большого дерева. Умурзак оградил родник бетонным кольцом, на вбитый в дерево гвоздь повесил кружку и всегда объяснял своим сородичам-чабанам, что не надо пить из родника, опускаясь на колени. «У нас хултура», — говорил он и показывал на кружку. Жил он вдвоем с женой, Шарипой, миловидной, добродушной, гостеприимной и аккуратной хозяйкой, как небо и земля отличавшейся от других женщин всех трех аулов, да и не только аулов. Стандартные жилища чабанов и скотников по всем казахским аулам — дом-мазанка. Метрах в пятнадцати — котел, вмазанный в камни, пара загонов для овец и скота, вокруг дома — утрамбованная, как тренировочный плац, земля. Как правило, — ни кустика, ни деревца, ни тем более огорода-сада.

У Шарипы с Умурзаком, ниже дома, до самой речки, на освоенном ими плодороднейшем участке земли, росло все, что могло там расти. Овощи, смородина, фруктовые деревья. Умурзак построил хитроумную систему орошения. Пользуясь тем, что родник находится выше огорода, он через сеть выложенных камнем каналов сделал так, чтобы вода из родника естественным путем постоянно орошала весь участок. Если где-то полив был не нужен, предусматривался сброс воды по отдельному водоводу.

На такой богатейшей земле, при родниковой воде, росли чудо-овощи. Таких, я и на своей Слободзейщине не видел. Все сладкое, вкусное, экологически чистое и невероятных размеров. Все соседки-хозяйки, жены чабанов, постоянно попрошайничали у Шарипы, то лука, то еще какие-либо овощи. Но сами так никогда и не пытались завести свои огороды. Такой степной и национальный менталитет.

Огорода Шарипы хватало на всех. И это тоже была гордость Умурзака. Детей у них не было. И все свое внимание они уделяли работе, огороду, коту с непереводимым именем «Пинок» — они в нем души не чаяли, и гостям… Гости у них практически не выводились. Умурзак не жалел для них ничего. А чистота и аккуратность, привлекала многих — и казахов, и русских.

Да и почему бы нет? Овец Умурзак держал пару десятков, рыба была всегда, овощи-фрукты тоже. Ни один казах в округе, какое бы он положение в обществе не занимал, не мог похвастаться такой популярностью, как простой крестьянин Умурзак. Открытый для всех, веселый, трудолюбиво-обязательный, бесхитростный и честный, он был просто Человеком от природы. И этим ей был ценен.

Более двадцати лет он ходил в первый аул «делать свет». И по колено в грязи, и в жесточайшие морозы, и в беспощадные бураны — и все это ежедневно и за 90 рублей в месяц. Не знаю, кто хотя бы, хоть на неделю, согласился возвращаться с работы по горам, после полуночи. А его гнало на работу какое-то чувство нужности, необходимости, несмотря ни на что. И это не пафос, а простая проза жизни.

Один только раз, за двадцать лет работы Умурзак три дня проболел. Не помню, в каком году, но была очень жестокая зима. В один из дней, буран не давал выйти из дому — овец держали в кошарах, люди с трудом их кормили и поили.

Днем Умурзак, от столба к столбу (я уже говорил, что мы связали все три аула линией электропередач), добрался до электростанции.

Весь вечер буран рвал и метал. Он думал уже заночевать у заведующего фермой. Но после полуночи буран резко стих, даже луна появилась, и Умурзак, несмотря на уговоры заведующего, ушел домой. На подходе ко второму аулу его встретила стая волков. Они спустились с горы, за которой был дом Умурзака, и направлялись к овечьей кошаре во втором ауле. И тут их пути пересеклись. Трудно передать, что там было. Умурзак успел добежать до первого более менее высокого дерева — все, что помельче, под горой у реки было покрыто многометровым слоем снега. Полушубок и валенки не давали возможности влезть на дерево, пришлось валенки сбросить. Он просидел на дереве, окруженный рычащей и воющей голодной стаей, часов семь. На босые ноги одел малахай (лисья шапка-треух), голову прикрыл воротником полушубка и так сидел-висел, пока не рассвело, в трех метрах от беснующихся зверей. Обиднее всего было то, что до дома чабана Дильмагамбетова, оставалось метров двести — тот первым увидел Умурзака на дереве и помог ему скатиться на снег.

Умурзак промерз насквозь. А через три дня все продолжалось, как и прежде — в шесть вечера из дому, в два часа ночи — домой. Но после этого случая, мы легко преодолели сопротивление завфермой, построили небольшое помещение, метрах в 20 от дома Умурзака и поставили там электростанцию.

Никто не смог бы оценить это действие больше, чем сам Умурзак. Представьте себе — он вышел из дома, пять минут на подготовку — завел двигатель, включил систему, и иди — смотри телевизор да пей чай. В полночь — вышел, заглушил все — и дома. Все просто, но что за этим «просто» стояло? Для Умурзака, это было больше чем любая награда. Ибо это была новая жизнь, жизнь по большому счету. С тех пор, свет в домах чабанов горел до последнего дня жизни Умурзака.

Попутно расскажу один курьезный случай из наших взаимоотношений. Привез я ему из

Орска холодильник, у нас с Орским механическим заводом, тогда были хорошие деловые связи. Ну, привез в Бугумбай, проверили — работает, все нормально.

Но однажды Умурзак приехал в колхоз и зашел ко мне в кабинет. *Я* как раз из Актюбинска приехал, и на столе лежали кое-какие вещи. Среди них — прямоугольная коробочка с активированным углем. Умурзак повертел ее и спросил, что это. Я ответил, что эти коробочки с углем кладут в холодильник, чтобы устранять неприятный запах. А так как в Бугумбае свет давали только ночью, то холодильник днем естественно отключался. Понятно, что это было не лучшим способом, чтобы что-то в нем хранить. Дней через пять, приезжает в контору заведующий Бугумбайской фермой и говорит: «Андреевич, что-то Умурзак просил тебя заехать». Дня через два я заехал. Умурзак показывает мне новый холодильник, у которого изнутри дыра прогорела! На мой вопрос, как это можно было сделать, Умурзак объяснил, что холодильник у них совсем завонялся, и он сказал Шарипе, что Гурковский, мол, уголь в холодильник ложит, чтоб запаха не было. Ну, Шарипа и положила туда жаровню с золой, а в золе еще, наверное, жар был. Так и получилось, что стенка прогорела (скорее — расплавилась). А я смотрю и думаю: «Как же я объяснять буду ремонтникам на заводе? Что они обо мне подумают, когда пропаленную дыру в холодильнике увидят?» Но делать нечего, отвез, заделали на заводе стенку, посмеялись, и на этом все закончилось.

А Умурзак с Шарипой жили дальше. Добрые простые великодушные казахи. Их теперь нет, но остались те, кто их помнит. Они были ащелисайскими звездами, теми, что постоянно светят людям — и в переносном, и в прямом смысле.

АВТОРИТЕТ

Бытует мнение — человек лет десять работает на свой авторитет, а потом уже авторитет работает на него. Скорее всего, это так и есть. И все же авторитет, несмотря на его сугубо определенную принадлежность, — далеко не всегда что-то определенное, чаще нечто надуманное и абстрактное.

Есть авторитеты действительно заслуженно приобретенные (профессиональные, интеллектуальные), положительные и отрицательные, личные и коллективные, навязанные с позиции силы, власти, сформированные по слухам, средствам массовой информации, общественному мнению. И все же основной категорией является — личный авторитет работающего человека, неважно в какой отрасли и какую должность он занимает.

Здесь приходится отметить, что если во всех цивилизованных странах, авторитетность всегда высоко ценилась и ступенчато развивалась (люди там работают на авторитет начальника, хозяина или просто старшего, который уже своим авторитетом защищает и прикрывает своих же людей), то у нас, к сожалению, на всех необъятных просторах бывшей великой страны, все делалось наоборот. Вместо того чтобы работать на авторитетность и развивать ее, мы основную массу своего времени тратили на работу (именно!) по дискредитации авторитетов. Причем, на всех уровнях.

Это же дикость — избираем себе, к примеру, власть (президентов, депутатов, председателей) или назначаем на должность по своей же инициативе (директоров, бригадиров, завгаров, начальников цехов и т. п.), а на второй день говорим, что они негодные, и начинаем против них различные противодействия.

У нас руководители ни во что не ставят авторитет своих заместителей, а заместители — руководителей. Работники, играя на этом, ни во что не ставят авторитет и руководителей, и заместителей. И такая чехарда шла, да и еще идет повсеместно, повторяю, на всех уровнях. Поэтому и порядка у нас никогда не было в стране — как раньше, так, к сожалению, и сегодня.

Никак не хотим понять на всех уровнях, что авторитет зависит не только от способности и старания каждого конкретного человека, а еще и от отношения к нему окружающих, в том числе и руководства. Авторитет надо растить, лелеять, всячески поддерживать и направлять его положительное воздействие на все участки возможного применения. Авторитет — это уважение, это пример, это стимул и, обязательно, ответственность. До тех пор, пока мы все это не поймем, по-прежнему будем бороться с авторитетами, особенно положительными (а их абсолютное большинство), жить будем безавторитетно, то есть беспутно.

Расскажу один пример из жизни. Положительный пример умелого использования своего и чужого авторитета. Пример, когда руководитель не боялся умных добросовестных подчиненных, а своим авторитетом, поддерживал и старался максимально использовать их возможности на пользу дела, воодушевляя своей поддержкой.

Колхоз «Передовик», в котором я много лет работал, был лучшим не только в районе, но и в области. Однозначно, успехи хозяйства во многом базировались на умелом руководстве и рациональной организации всех производственных, обслуживающих и социальных процессов. Председатель колхоза Григорий Ионович Каструбин много лет подряд был настоящим хозяином села, хозяином с большой буквы, государственным и человечным руководителем одновременно, что не так просто и, к сожалению, не часто встречается.

Он умел работать с людьми и подбирать кадры. В колхозе все и вся было лучшее в районе — и помещения, и показатели, и комбайнеры, и бухгалтеры, и агрономы, и доярки, и артисты художественной самодеятельности. Строгий, но справедливый, ответственный и бескорыстный, он притягивал к себе людей и, повторяю, не боялся умных, не «затирал» их, а давал развиваться, естественно, на пользу хозяйству.

Долгие годы в колхозе не было освобожденного парторга, не хватало коммунистов до установленного минимума, поэтому по несколько сроков несли довольно непростую партийную нагрузку то главный экономист, то есть я, то главный агроном.

Когда я стал главным бухгалтером, и меня снова решили избрать парторгом, пришлось стать в позу и попросить ввести освобожденного секретаря парткома, благо я перед этим постарался пополнить партийные ряды недостающими до необходимого количества коммунистами. Так у нас появился освобожденный парторг… Естественно, ради зарплаты, его сделали заместителем председателя колхоза.

В один знойный летний день, когда председатель как раз был на сессии Верховного Совета, к нам заехал М. М. Горожанов, снабженец одного из крупных военных заводов, расположенного от нас в 50 километрах, в соседней республике. За многие годы сотрудничества у колхоза с заводом сложились хорошие деловые отношения, завод нас часто выручал, и мы, чем могли, — тоже. У отдела снабжения завода были нелимитированные чековые книжки (нам бы сейчас такое!) и неограниченные возможности. Кроме всего, Горожанов был прекрасным высокопорядочным и ответственным работником, и мы (колхоз) были многим обязаны ему лично.

«Я попутно заехал в колхоз, — сказал он, — по чисто личной причине. У жены день рождения, и надо килограммов пять мяса. Пока приеду домой — магазины закроются, а там, где я был, не захотел брать, чтобы не везти по такой жаре шесть часов».

В нашем колхозе это не было проблемой, мясо тогда стоило от 70 копеек до рубля, за килограмм. Было его предостаточно и для внутренних нужд, и для реализации. Мы выписали пять килограммов, Горожанов пошел подписывать накладную у нового заместителя, того самого парторга. Вскоре возвращается и с обидой говорит: «Знаешь, не хочу я уже мяса, ваш заместитель прочитал мне целую лекцию о колхозном добре, сказал, что больше двух килограммов в колхозе не выписывают, а что мне те два килограмма?»

Я взял накладную, вытер парторговскую карандашную запись и поставил впереди пятерки цифру два. Получилось двадцать пять килограммов (пусть будет и для работников заводского отдела снабжения, не часто они к нам обращаются). Подписал накладную, поставил цену, Горожанов оплатил в кассу и подъехал к кладовой колхоза. Кладовая — метрах в тридцати от конторы. У меня кабинет — на первом этаже. Вижу, как Горожанов вышел с целой коровьей ногой, обернутой в пергаментную бумагу. Кабинет парторга был над моим, и он тоже, естественно, все это видел. Через полчаса ко мне зашел кладовщик и говорит: «Ой, что было! Я отпустил мясо Горожанову, а тут вбегает парторг и кричит: «Ты шо сейчас отпустыв, когда машина чужая подъезжала?» «Мясо», — говорю. «Кому?» «Горожанову». «А скильки?» «25 килограммов». «На яком основании?» «По накладной». «А хто ии пидпысав?» «Гурковский». «А квитанция е?» «Конечно есть».

На том инцидент был исчерпан. Зная меня, парторг не подошел разбираться, зато на очередном заседании правления, когда Каструбин уже вернулся, а я как раз был в командировке, он поднял этот вопрос и с пафосом, высоко подняв голову, произнес: «Григорий Ионович, скажить тому Гурковскому, нехай вин до моего мяса нэ лизэ, я до его грошей нэ лизу, хай и вин нэ лизэ».

Председателю чуть не стало плохо. «Что-что? Твое в колхозе мясо, Гурковского — деньги? А собственно, зачем в этом колхозе я тогда? И в чем дело?»

Парторг, пользуясь присутствием членов правления, специалистов и бригадиров, артистично доложил, как он боролся за колхозное мясо, а главный бухгалтер его разбазаривал.

Выслушав его выступление, Каструбин прищурился своим особым уничижительным прищуром и сказал: «И ты, Горожанову, не дал мяса?» «Як положено, два кила», — ответил заместитель…

Председатель встал и, обведя взглядом зал заседаний, сказал буквально следующее: «Раз так, мой боевой заместитель, раз ты не знаешь что, когда и как можно и нужно делать, я лишаю тебя права подписи любых, даже самых простых документов. Все слышали? Лишаю. Если меня не будет, пусть документы идут с одной подписью — главного бухгалтера, а приеду — позже подпишу. Я абсолютно ему доверяю, и если он что-то без меня делает, то это на нашу с вами общую пользу. Вот так!»

Это и называется работа на авторитет подчиненного. В данном случае умный, дальновидный Каструбин знал, что, поддерживая меня, он укрепляет общий авторитет руководства колхоза, и понимал, что я буду работать с еще большей отдачей и пользой для хозяйства.

Никогда не бойтесь умных людей, особенно подчиненных вам, не бойтесь, что они вас «подсидят» или «подставят», старайтесь их ум и способности направить на пользу дела и свою пользу. Или доверяйте (проверяя), или избавляйтесь даже при тени недоверия. Иначе толку не будет.

Продолжение см. в интернет-магазине "Andronum", "ЛитРес" и др.